

Лагерь «Солнышко»



— Арсений Сорочук —

Арсений Сорочук
Лагерь «Солнышко»

«Автор»

2026

Сорочук А.

Лагерь «Солнышко» / А. Сорочук — «Автор», 2026

Четверо друзей — Арсений, Максим, Даша и Вероника — отправляются в летний лагерь «Солнышко», затерянный в глухих лесах. Они ожидают обычные каникулы: игры у костра, походы и новые знакомства. Но с первой же ночи всё идёт не так. Странные звуки в темноте, пропажа вожатой. Ребята понимают, что в лагере происходит что-то необъяснимое. А когда они пытаются уехать, оказывается, что лес словно не хочет их отпускать. По мере того как друзья приближаются к разгадке тайны «Солнышка», они осознают: некоторые секреты лучше не раскрывать. А самые страшные монстры прячутся не в лесу, а среди тех, кому мы доверяем.

Содержание

Глава 1. Крик в темноте	5
Глава 2. Неожиданный знакомый	9
Глава 3. Эвакуация	14
Глава 4. Тишина в лесу	18
Глава 5. Жизненно важная находка	24
Глава 6. Дорога	31
Глава 7. Полнолуние	36
Глава 8. Послание	43
Глава 9. Круги по лесу	48
Глава 10. Охота на людей	51
Глава 11. Ловушка	56
Глава 12. В плену	60
Глава 13. Выход из леса	66
Глава 14. Сюрприз на трассе	69
Глава 15. Придорожное кафе	72
Глава 16. Чужие лица	75
Глава 17. Тень на хвосте	78
Глава 18. Ловушка в депо	83
Глава 19. Конец кошмара	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Арсений Сорочук

Лагерь «Солнышко»

Глава 1. Крик в темноте

В этом году меня с лучшими друзьями отправили в оздоровительный лагерь «Солнышко». Родители, видимо, сговорились еще зимой. «Хватит сидеть в телефонах!» — говорили они. В итоге, вместо того чтобы проводить лето на дачах или в городе, мы оказались в старом автобусе, который шесть часов трясся по разбитым проселочным дорогам куда-то в глушь, в бескрайние лесные чащи, где нет ни одного нормального населенного пункта.

Помню, как автобус последний раз выехал на асфальт где-то в райцентре, а потом мы свернули на грунтовку, и началась тряска. Максим сразу позеленел и прижался лбом к запотевшему окну. Даша пыталась шутить, включила музыку, но даже она замолкла, когда за окнами потянулись бесконечные стены леса. Сосны стояли так плотно, что казалось, будто они специально выросли здесь, чтобы скрыть что-то от посторонних глаз.

Сам лагерь «Солнышко» встретил нас облезлыми фасадами маленьких домиков, запахом хвои и вареной капусты, а также частичным отсутствием связи. Лагерь стоял в низине, окруженный стеной вековых сосен и дубов, которые были настолько густыми, что даже днем внутри казалось темно.

Заселение было быстрым и каким-то суетливым. Вожатые — молодые ребята, которые пытались казаться веселыми и энергичными, но у них это получалось натянуто — быстро раздали ключи от домиков, провели инструктаж по технике безопасности (которую никто не слушал) и сказали, что ужин в семь.

Наш домик, пятнадцатый, стоял на самой окраине лагеря. Одноэтажный, деревянный, с покосившимся крыльцом и облупившейся зеленой краской. Внутри — две комнаты по две кровати в каждой. Мы с Максимом заняли одну, Даша и Вероника — другую. Комнаты были крошечными, с узкими окнами, через которые едва пробивался свет. Пахло сыростью и каким-то старым лаком.

— Ну и местечко, — пробормотал Максим, бросая рюкзак на кровать. Пружины противно скрипнули. — Прямо курорт называется.

— Да-а-а, — Даша тут же распахнула окно, вдыхая полной грудью. — За то слышишь, как пахнет? Хвоей, смолой... Это же прикольно!

— Пахнет плесенью, — фыркнула Вероника, брезгливо оглядывая стены. — И санитарией, которая не проводилась лет двадцать. Вы посмотрите на эти пятна в углах. Это же черная плесень, она вызывает аллергию и проблемы с дыхательной системой.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулся я, устраиваясь на верхней койке. — Зато мы далеко от всех. Никаких маленьких детишек, которые орут на зарядке. Никаких дурацких и странных мероприятий. Только мы и лес.

— Именно это меня и пугает, — тихо сказал Максим. Он стоял у окна, глядя на темнеющий лес. Солнце уже садилось, и между стволами сосен ползли длинные тени. — Вы заметили, сколько тут комаров? И муравьев. И... мне кажется, я видел какую-то крысу. Огромную.

— Максим, не придумывай, — усмехнулась Даша, доставая из рюкзака зарядку и свои рыльно-мыльные принадлежности. — Ладно, пойду умоюсь. Кто со мной?

Мы вышли из домика уже в сумерках. Лагерь постепенно оживал — ребята брели к столовой, кто-то играл в футбол на дальней поляне, слышались крики и смех. Но наш угол, на самой окраине, был тихим и пустынным. До столовой нужно было идти через весь лагерь, и мы уже собирались отправиться, когда Максим вдруг остановился.

— Ребят, подождите. Вы не видели, где тут туалет?

— Там, за корпусом, по-моему, — махнула рукой Даша. — Видишь, дорожка идет?

— Ну я пойду один, — сказал Максим, вдруг побледнев. — А то... ну, вы понимаете.

— Чего ты боишься-то? — рассмеялся я. — Тут же лагерь, а не кладбище.

— Просто... мне не нравится, как тут темно. И тихо.

— Ладно, иди, — вздохнула Вероника. — Только быстро. Мы тебя у домика подождем.

Максим кивнул и быстро зашагал по тропинке, то и дело оглядываясь. Мы смотрели ему в спину, пока он не свернул за угол корпуса.

Мы вернулись к нашему пятнадцатому домику и устроились на крыльце ждать Максима. Даша достала из рюкзака какие-то снеки, Вероника — книгу. Я сидел, болтая ногами, и смотрел, как темнеет небо. Солнце уходило, и лес превращался в черную, непроглядную стену. Где-то вдалеке ухал филин.

— Знаете, — сказал я, нарушая тишину, — а ведь тут всё же красиво. В смысле, жутковато, но красиво. Как в старых фильмах ужасов.

— Не говори так, — поморщилась Даша. — Я не хочу думать о фильмах ужасов. Мне и так не по себе.

— Почему? — спросил я.

— Не знаю. Просто... — она замолчала, подбирая слова. — Вы заметили, как вожатые на нас смотрели? Когда мы заселялись? Как будто они нас не просто размещают, а... высчитывают.

— Ты что, думаешь, мы в секту попали? — рассмеялся я.

— Да нет, просто... не знаю. Странно они себя ведут. Слишком нервные.

Вероника оторвалась от книги и посмотрела на Дашу.

— Ты нафантазировала. Они просто устали. Им по двадцать лет, а они тут с сотней подростков в глуши. Я бы тоже была нервной.

— Может быть, — согласилась Даша, но выглядела неубежденной.

Мы посидели еще немного в тишине. Я смотрел на лес и думал о том, как хорошо, что мы хотя бы все вместе.

— А где Максим? — вдруг спросила Даша.

Я посмотрел на часы. Прошло уже минут пятнадцать минимум.

— Должен был давно вернуться, — нахмурился я. — Пойду посмотрю.

— Я с тобой, — тут же сказала Даша, вставая.

— И я, — Вероника закрыла книгу, и в ее голосе послышалось беспокойство.

Мы втроем пошли по тропинке к туалету. Чем дальше мы уходили от домика, тем тише становилось. Смех и крики из столовой остались далеко позади. Здесь был только лес, темный и молчаливый.

— Максим! — крикнул я. — Ты где?

Ответа не было.

— Может, он уже вернулся? — предположила Даша.

— Не мог, — покачал головой я. — Мы бы его встретили.

Мы дошли до туалета — покосившейся будки с перекошенной дверью. Внутри никого не было.

— Странно, — пробормотала Вероника. — Куда он делся?

— Может, заблудился? — предположила Даша.

— Пойдем искать, — сказал я, и мы развернулись обратно.

Но не успели мы сделать и десяти шагов, как лес резко и быстро затих.

Это произошло так спонтанно, что я сначала даже не понял, что изменилось. Перестал ухать филин. Даже ветер, который до этого шелестел в верхушках сосен, замер.

Тишина упала на поляну так тяжело, что стало аж трудно дышать.

— Ребят... — голос Даши дрогнул. Она остановилась и схватила меня за руку. — Вы это слышите?

— Я ничего не слышу, — прошептал я.

— Нет, слушайте... — Вероника замерла, наклонив голову.

Из темноты, со стороны административного корпуса, доносился звук. Хруст. Тяжелый, властный хруст ломающихся веток. А потом — шаркающие шаги. Кто-то шел по сухой хвое. Медленно. Неровно.

— Это Максим? — тихо спросила Даша.

— У Максима не такие шаги, — покачал головой я. — Он мелкими шажками идёт. А это... это кто-то большой.

Я встал, щурясь в темноту. Тропинка выходила на небольшую поляну, за которой началась густая чаща. В метрах тридцати от нас, между двумя старыми соснами, мелькнул свет.

Это был фонарик. Луч метался из стороны в сторону, выхватывая из мрака обрывки деревьев и густой, почти осязаемый туман. Свет дрожал так сильно, что казалось, будто человек, держащий его, танцует.

— Эй! — крикнул я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Кто там? Это ты, Максимка?

Фонарик замер. Луч ударил прямо нам в глаза, ослепляя на секунду. А потом свет скользнул ниже, и я увидел Ирину Викторовну. Это была молодая вожатая из старшего отряда, сегодня на заселении она громче всех смеялась.

Сейчас она ползла и выглядела плохо. Очень плохо.

Ее белые кроссовки волочились по земле. Форма была разорвана на спине, и по шее темной, густой струей стекала кровь, блестящая в свете фонарика. Она пыталась кричать, но из горла вырывалось лишь хриплое, булькающее сипение.

— Боже мой... — выдохнула Даша. Ее руки вцепились в мой рукав так сильно, что её новенькие ногти впились в кожу.

— Бежим, — сказал я. Голос мой звучал чужим, плоским. — Бежим отсюда!

Но мы не могли пошевелиться. Страх пригвоздил нас к земле.

Из-за спины Ирины Викторовны, из черной, непроглядной стены леса, выступила тень.

Сначала я подумал, что это медведь. Но медведи не ходят на двух ногах. Существо было огромным — почти два с половиной метра в высоту, с неестественно широкими, горбатыми плечами. Его тело покрывала густая, слипшаяся от крови шерсть. Оно было не просто большим. Оно было неправильным. В его движениях было что-то ломаное, хищное и до боли человеческое одновременно.

Существо наклонилось над Ириной Викторовной. Раздался тошнотворный звук — влажный хруст разрываемой плоти. Фонарик выпал из руки вожатой, покатился по траве, и его луч осветил морду загадочного существа. Это было страшно отвратительно.

Оно подняло голову.

Я никогда не забуду эти глаза. Это не были звериные глаза. В них не было безумия или голода. В них был холодный, расчетливый и пугающе разумный интерес. Оно смотрело прямо на нас. На Дашу, которая тихо стояла, не издавая ни звука. На Веронику, которая побелела как мел, со слезами. И на меня в ступоре.

Существо медленно выпрямилось. На его длинных, неестественно тонких пальцах с черными, загнутыми когтями висел клочок белой ткани от формы Ирины Викторовны.

Оно сделало шаг в нашу сторону. Потом еще один.

— В домик! — заорал я, наконец вырвавшись из оцепенения. — Быстро! В домик!!!

Мы рванулись с поляны. Вероника споткнулась о корень и упала, но я схватил ее за руку и потащил за собой. Даша бежала рядом, хватая ртом воздух. За спиной раздавался хруст ломаемых веток — существо шло за нами. Быстро. Слишком быстро для такого размера.

Мы вылетели на поляну перед нашим домиком. Я первым вскочил на крыльцо, рванул дверь на себя и втокнул девочек внутрь. Сам запрыгнул последним, захлопнул тонкую фанерную дверь, дрожащими руками провернул замок.

Мы стояли в темном коридоре, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что... что это было? — шепотом, переходящим на всхлип, спросила Даша.

Я хотел ответить, что не знаю. Что мне показалось. Что это сон. Но тут раздался звук.

Тяжелый, властный удар в дверь.

Дверь дрогнула.

Глава 2. Неожиданный знакомый

— Кто там? — спросил я.

— Ребята, это же я! — громко выкрикнул знакомый голос.

— Максим? — шепотом откликнулась испуганная Даша.

— Ну я конечно! — слышалось из-за тонкой фанерной двери.

Повернув замок, мы открыли дверь. Там и вправду стоял наш запыхавшийся и уставший друг Максим. Мы переглянулись.

— А где странное существо? — обратилась заплаканная Вероника. — Куда оно пропало?

— Что ещё за существо? Вы про кого? — с недоумением спросил Максим. Он скорее всего ничего не видел и не слышал.

— Максим, давай не сейчас, — воскликнула Даша, и сразу ушла вместе с Вероникой в свою маленькую комнату. Мы с Максимом остались у двери.

— Слушай, давай, правда, не сегодня, — поддержал я Дашу. Максим удивился моим словам, но всё же ничего не сказал. — Пошли спать, а?

— А как же ужин, мы даже не поели! — громко напомнил Максим, чтобы девочки тоже слышали. — Вы какие-то странные стали!

— Хочешь есть — иди. Я пойду готовиться ко сну, окей? — тихо сказал я и развернулся к нашей комнатке. Максим что-то пробормотал и пошёл за мной. Ему было не понять нас в данный момент.

Утро началось со странной и воющей сирены.

Резкий, пронзительный звук разорвал тишину, и я подскочил на койке, сердце чуть не выпрыгнуло из груди. За окном было серое, хмурое утро. Туман полз между соснами, цепляясь за стволы, делая лес еще более зловещим.

Я посмотрел на Максима — он сидел на нижней койке, обхватив голову руками. Видно, что не спал. Тут же к нам вбежали полусонные девочки.

— Что это было? — прошептала Вероника, её голос дрожал.

— Утренние сборы, — сказал Максим, поднимаясь. — Пойдемте.

Мы оделись и вышли на улицу. Весь лагерь собирался на главной поляне. Ребята стояли группами, переговариваясь шепотом. Лица у всех были бледные, испуганные. Вчерашний смех и веселье исчезли без следа. Кто-то плакал, а кто-то нервно стоял и молчал.

— Вы слышали? — подошла к нам девочка из соседнего домика, Катя, кажется. Её глаза были красными от слёз. — Говорят, Ирина Викторовна пропала.

— Пропала? — переспросил я, хотя уже знал, что будет дальше.

— Ну да. Её искали всю ночь, но не нашли. Говорят, она ушла в лес и заблудилась. Охрана ищет.

Я посмотрел на Максима. Он едва заметно покачал головой. Мы знали правду. Но сказать не могли — кто поверит в наш бред?

— Внимание! — директор вышел на крыльцо штаба с мегафоном. Его лицо было каменным, ни одной эмоции. — Прошу всех построиться по отрядам! Быстро!

Мы встали в свою шеренгу. Директор обвел нас тяжелым взглядом.

— Произошел несчастный случай, — сказал он, и его голос эхом разнесся по поляне. — Вожатая Ирина Викторовна пропала ночью. Предположительно, она ушла в лес и заблудилась. Охрана и волонтеры ведут поиски. Но до тех пор, пока она не найдена, в лагере вводится режим повышенной безопасности. Ночью никто не выходит из домиков. Дневные прогулки только группами, с вожатыми. За территорию лагеря не выходить.

Он сделал паузу, и я увидел, как по толпе пробежала волна шепота. Мы в ловушке.

— И еще одно, — продолжил директор. — В связи с произошедшим, нам нужно срочно уточнить списки. Прошу каждого вожатого провести перекличку своих отрядов.

Началась перекличка. Вожатые выкрикивали имена, ребята отвечали "я". Мы стояли молча, слушая некий шёпот и гул.

Через пару минут перекличка закончилась. Директор еще раз повторил правила безопасности, и нас наконец-то отпустили на завтрак.

— Стрёмный он, — сказала Даша, когда мы шли к столовой. — Директор. Как будто что-то недоговаривает.

— А ты что думала? — пожал плечами Максим. — Они все что-то скрывают. "Пропала в лесу". Да они просто не хотят говорить правду.

— Какую правду? — спросила Вероника. — Что мы скажем? Что видели монстра? Нам никто не поверит.

— А может, и не надо говорить, — тихо сказал я. — Может, лучше просто ждать. Ждать, пока всё закончится.

— А если не закончится? — прошептала Вероника.

— Так вот, что вы от меня скрываете? Что стало с вожатой? Ну расскажите уже, — ворвался в беседу Максим.

— Давай попозже, — увернулся я от Максима. Он обиделся.

Мы дошли до столовой и сели за стол. Завтрак был обычный — каша, чай, бутерброды с колбасой. Но всё было не то. Каша казалась безвкусной, хлеб — резиновым. Вокруг тихо переговаривались, и я слышал обрывки разговоров: "пропала", "ищут", "опасно", "хочу домой". Это нагнетало обстановку. Не думать о вчерашнем было просто невозможно.

И тут я заметил его.

Наш одноклассник — Давид.

Он сидел за соседним столом, громко разговаривая с какими-то парнями и размахивая руками. Он что-то рассказывал, и они смеялись. Он был одет в обычную форму, только волосы торчали в разные стороны.

— Ты чего смотришь? — он вдруг поймал мой взгляд и ухмыльнулся. Ухмылка была кривой, насмешливой. — А, Арсений. Чего, не узнал?

Я смотрел на него и не мог поверить своим глазам. Это был Давид. Тот самый Давид из нашего класса, который вечно ездил по санаториям и пропускал школу. Который сидел на последней парте. Но тут он выглядел совершенно иначе, более бодрым что ли.

— Давид? — я встал из-за стола шагнул к нему, не понимая, что происходит. — Ты откуда тут? Я не знал, что ты в лагерях бываешь.

— Ага, — он пожал плечами. — Родители сюда сунули. Говорят, воздух полезный, тоже что и санаторий. А мне пофиг.

— Но ты же ездил по санаториям, — подошла и сказала Даша. — В школе вечно ездил. Ты в неё почти не ходил.

— Да вам-то чё, — он махнул рукой. — Ну теперь я в лагере. Нельзя что ли?

Он говорил так, будто ему действительно было все равно на нашу неожиданную встречу. Но я заметил, что его руки слегка подрагивают. И под глазами были темные круги, как будто он не спал несколько ночей.

— Ты чего такой веселый? — спросил Максим, подходя к столу. — Ирина Викторовна пропала, а ты ржешь.

Давид посмотрел на него, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то. Не страх. Не удивление. Что-то другое.

— А чего грустить-то? — он пожал плечами. — Найдут её. Или не найдут. Мне-то что?

— Тебе что, плевать? — не выдержала Вероника. — Человек пропал! В лесу, ночью!

— А вдруг её медведь сожрал, — усмехнулся Давид. — Чего переживать-то?

— Ты чего такой бесстрашный? — нахмурился Максим. — Тебе что, всё равно?

— А чего бояться? — Давид откинулся на стуле, скрестив руки на груди. — Медведь так медведь. Его найдут и пристрелят. Всё.

Он говорил так уверенно, так спокойно, что мне стало не по себе. Как будто он знал что-то, чего не знали мы.

— Ладно, — сказал я, чувствуя, что разговор заходит в тупик. — Пойдемте.

После завтрака вожатые объявили, что день будет обычным — никаких отмен. "Чтобы дети не паниковали", как сказал один из них шепотом, но мы услышали.

Первым мероприятием был волейбол на главной поляне. Нас разделили на две команды — мальчики против девочек. Максим сразу записался, а я остался смотреть с Дашей и Вероникой.

— Пойдем играть, — толкнула меня Вероника. — Не сидеть же тут как на похоронах.

— Не хочу, — покачал головой я. — Мне не до волейбола.

— Не время? — она схватила меня за руку и потащила на поле. — Хватит киснуть. Надо отвлечься.

На поле уже собрались ребята. Кто-то пытался шутить, но смех получался натянутым. Все понимали, что происходит что-то плохое, но пытались делать вид, что всё нормально, будто ничего таинственного и не произошло.

Игра началась. Максим играл очень неплохо. Я стоял в защите, но мысли были далеко. Каждый раз, когда мяч летел в сторону леса, я вздрагивал, ожидая, что оттуда выскочит оно.

— Арсений, очнись! — крикнул Максим, подавая мяч. — Лови!

Мяч ударил меня в грудь, и я едва не уронил его.

— Сорри, — пробормотал я.

— Ты чего такой рассеянный? — подошел ко мне после игры Максим, вытирая лоб рукавом. — Не заболел, а?

— Не-а, — усмехнулся я. — Просто... не могу выкинуть из головы вчерашнее.

— А что не так? — он помолчал. — Вы мне так и не рассказали, что с вами приключилось. Рассказывай!

Мы с Максом сели на лавочку. Я подробно рассказал ему про то, как мы видели полуживую вожатую собственными глазами, когда ходили за ним. Он был поражён, но особого виду не показал.

— Понятно... — затянул Максим. — Это, конечно, реально стрёмно и странно. Необычно.

Я посмотрел на Веронику. Она сидела на противоположной скамейке, обхватив колени, и смотрела в землю. Она была больше всех испугана в ту ночь. Даша пыталась её разговорить, но Вероника отвечала односложно.

— Она слабая, — тихо сказал Максим. — Сейчас ей точно тяжелее всех.

— Господи, да мы все слабые, — покачал головой я. — Просто кто-то лучше это скрывает.

После волейбола был какой-то квест по лагерю. Вожатые раздали нам карты с заданиями — найти определенные места, сфотографироваться, ответить на вопросы. "Чтобы опять таки отвлечь детей", как они говорили.

Мы ходили по лагерю, выполняли задания. Фотографировались у столовой, у спортплощадки, у старого колодца. Но я замечал, что все постоянно оглядываются на лес. Сегодня мы были не особо многословны. Каждый шорох заставлял нас вздрагивать.

— Смотрите, — Даша показала на дерево. — Там что-то написано.

Мы подошли. На коре старого дуба кто-то вырезал ножом очень неприятные слова: "ПОМОГИТЕ".

— Это что, прикол? — нахмурился Максим. — Кто-то из ребят балуется?

— Или не из ребят, — тихо сказала Вероника. — Может, это Ирина Викторовна написала. Перед тем как...

— Хватит, — оборвал я её. — Не надо. Пойдемте дальше.

Но настроение было испорчено. Мы молча дошли до следующего пункта — старого сарая за спортплощадкой. Внутри было темно и пахло сыростью. На стене кто-то нарисовал углем огромного зверя с красными глазами.

— Кто это нарисовал? — спросила Даша, но никто не ответил.

— Господи, зачем тут фоткаться? Это называется безопасный режим? — возмутился я. — Пошлите отсюда поскорее.

Мы вернулись на главную поляну. Вожатые уже собирали нас на обед.

— Вы где были? — одна из вожатых, Ольга Андреевна, посмотрела на нас с подозрением. — Мы вас искали.

— Мы по квесту ходили, — сказал Максим. — Задания выполняли.

— Ладно, — она махнула рукой. — Идите в столовую. И... не ходите далеко. Пожалуйста.

В столовой за обедом мы снова увидели Давида. Он вновь сидел с другими парнями, громко смеялся, рассказывал какие-то истории. Но я заметил, что он постоянно поглядывает в окно. На лес.

— Пойду поговорю с ним, — сказал Максим, вставая.

— Зачем? — спросил я.

— Не знаю. Просто... мне кажется, он что-то знает про пропажу Ирины Викторовны.

Максим подошел к столу Давида. Я видел, как они разговаривают, но не слышал слов. Давид сначала усмехался, потом его лицо стало серьезным. Он что-то сказал, и Максим нахмурился.

Когда Максим вернулся, он выглядел расстроенным.

— Ну? — спросила Даша.

— Он говорит, что ничего не знает, — пожал плечами Максим. — Что спал всю ночь. Что не видел Ирину Викторовну и ничего про неё не знает.

— А ты веришь ему? — спросил я.

— Не знаю, — покачал головой Максим. — Но что-то в нем не так. Он слишком спокоен. Как будто ему все равно.

— Может, ему и правда все равно, — сказала Вероника. — Он же такой. Всегда такой был в школе. Чего вы вообще прицепились к нему?

— Нет, — покачал головой я. — В школе он был другим. Бледным. Более тихим. А тут... как будто немного другой человек. Ладно, наверное, Вероника права...

После обеда была прогулка в лес. Но не глубоко — только по тропинке до старого родника. Вожатые шли впереди и сзади, словно охраняя нас.

Лес днем выглядел иначе, чем ночью. Но все равно давил. Сосны стояли так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь кроны. Каждый куст казался подозрительным. Прогулка не была эстетичной и вайбовой.

— Смотрите, — Даша показала на землю. — Следы!

Мы подошли. На влажной земле у родника были огромные отпечатки лап. Такие, каких не бывает ни у одного животного в наших лесах.

— Это что, медведь? — прошептал Максим.

— Медведи такие следы не оставляют, — отрицательно покачала головой Вероника. — У медведя когти меньше. А тут... длинные.

— Может, это старый след, — сказал я, хотя сам себе не верил. — От прошлого месяца.

— Нет, ты вообще? — ответила Даша. — Посмотри, в углублениях вода еще не высохла. Это свежий след. Сегодняшней ночи может быть.

Мы молча смотрели на следы. Никто не хотел говорить вслух то, что мы всё поняли.

— Пойдемте, — тихо сказал Максим. — Нас зовут.

Мы догнали группу и пошли дальше. Погуляв, все благополучно вернулись в лагерь и разошлись по домикам.

Вечером был костер. Вожатые пытались создать атмосферу — пели песни, рассказывали страшилки. Многие расслабились. Мы сидели молча, глядя на огонь.

— Расскажу вам историю, — начал один из вожатых, Сашка. — Про черную руку...

— Не надо, — оборвала его Вероника. — Пожалуйста, не надо страшилок.

— Ладно, — он пожал плечами. — Тогда давайте просто дальше посидим.

Мы сидели у костра, и я смотрел на огонь. Пламя гипнотизировало. Я думал о том, что будет дальше. О том, что ночь снова наступит. О том, что это может вернуться.

— Арсений, — Даша тихо позвала меня. — Пойдем прогуляемся. Мне нужно подышать.

— Куда? — нахмурился я. — В лес?

— Нет, просто по лагерю. По главной аллее. Там светло.

Мы встали и пошли по аллее. Максим и Вероника остались у костра.

— Ты как? — спросила Даша, когда мы отошли подальше.

— Нормально, — пожал плечами я. — Просто... устал. А ты?

— Я тоже, — она вздохнула. — Знаешь, я всю жизнь думала, что самое страшное — это учёба или ещё-что. А тут...

— А тут настоящий ужас, — закончил я.

— Да, — согласилась она.

Немного поболтав и прогулявшись, мы вернулись к костру. Вожатые уже отправляли нас по домикам.

— Отбой! — крикнула наша строгая Ольга Андреевна. — Все по домикам! Никто не выходит до утра!

Мы пошли к своему маленькому пятнадцатому домику. Ночь опускалась на лагерь. Лес превращался в черную, непроглядную стену.

— Давайте спать, — сказал Максим, укладываясь на нижнюю койку. — Завтра будет новый нормальный день.

Мы легли. Я лежал на верхней койке и смотрел в потолок, слушая, как за окном темнеет лес. Каждую минуту мне казалось, что я слышу скрежет когтей по дереву.

Прошло часа два. Может, три. Я уже начал засыпать, когда услышал звук.

Тяжелый, властный удар в дверь.

Я подскочил на койке, сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

— Опять, — прошептал я.

Еще один удар. Дерево треснуло, и по фанере прошла длинная трещина. Снаружи раздалось низкое, утробное рычание — такое, что у меня завибрировали зубы.

Оно снова вернулось.

Глава 3. Эвакуация

Дверь не просто треснула. Она прогнулась внутрь, и по тонкой фанере побежала сеть длинных, острых трещин, словно молнии на черном небе. Петли жалобно скрипнули, издавая противный душераздирающий звук.

Снаружи, прямо сквозь дерево, послышалось тяжелое, влажное дыхание. Оно было ритмичным, хриплым, словно огромные легкие пытались протолкнуть воздух сквозь забитое горло. Вместе с дыханием в щель между косяком и дверью начал просачиваться запах. Запах мокрой шерсти, сырой земли и чего-то сладковатого, тошнотворного — меди. Или крови.

— Арсений... — голос Вероники был тоньше паутинки. Она стояла посреди коридора, прижав ладони ко рту, и качалась из стороны в сторону. Ее глаза были широко раскрыты, и в них я видел безумие — то самое безумие, которое охватывает человека, когда он понимает, что смерти не избежать. Слезы текли по ее щекам, но она даже не замечала этого. Теперь её вайб строгой, правильной и взрослой тётки улетучился

— Тш-ш-ш, — выдохнул Максим. Он не дрожал, но я видел, как напряжены его плечи, как сжаты кулаки. Он схватил со стены тяжелый металлический огнетушитель, висевший там для красоты уже давно, и сорвал его с крепления. — Отходим от двери. Все назад, в нашу комнату к окну. Медленно. Не шуметь.

Мы попятились. Я обнял Веронику за плечи, чувствуя, как мелко она трясется, и потащил ее за собой. Даша подхватила подругу с другой стороны, шепча ей что-то успокаивающее, но я не слышал слов — кровь стучала в висках так громко, что заглушала все вокруг.

— БА-БАХ!

Дверь отлетела. Тонкая фанера разлетелась щепками, и в проем ворвалась огромная, черная масса. Я увидел мельком широкую, горбатую спину, покрытую слипшейся шерстью, и длинные, неестественно тонкие руки с черными когтями. Существо не вошло — оно ввалилось в наш маленький не совсем уютный коридор, мгновенно заполнив его собой. Его голова задела низкий потолок, и оно издало короткий, раздраженный визг, переходящий в низкий рык.

Я замер. Время остановилось. Я смотрел в эти глаза — желтые, с вертикальным зрачком — и понимал, что это конец. Что мы не выберемся. Что я никогда больше не увижу своих родителей, не закончу школу, не узнаю, что будет дальше. Я видел, как когти существа царапают стены, оставляя глубокие борозды в дереве. Я видел, как его пасть открывается, обнажая ряды острых, желтых зубов, с которых стекает мерзкая слюна.

— В окно! — заорал я, теряя всякую осторожность. — Быстро!

Мы рванулись в нашу с Максимом комнату. Даша уже дергала раму, но старое дерево от сырости разбухло, и окно не открывалось.

— Не поддается! — крикнула она, оглядываясь. В дверном проеме нашей комнаты появилась тень. Существо было уже в коридоре. Я увидел, как его огромная лапа с длинными, загнутыми когтями легла на косяк, оставляя глубокие борозды в дереве.

— Максим, помоги! — я бросился к окну вместе с ним. Мы вдвоем уперлись руками в раму и рванули на себя. Дерево скрипнуло, но не оторвалось. За спиной раздался хруст — это существо снесло перегородку в коридоре, проходя в нашу комнату. Я почувствовал его жар, его тяжелое дыхание на своей шее.

— А ну откройся, быстрее! — прорычал Максим. Он отпустил раму, развернулся и со всей силы ударил тяжелым красным огнетушителем по стеклу.

Стекло не разбилось, а пошло мелкой сеткой. Существо шагнуло к нему, поднимая когтистую лапу.

— Максим, берегись! — крикнул я и ударил по стеклу ногой, прямо в центр.

Стекло вывалилось наружу вместе с рамой. Холодный, сырой ночной воздух ворвался в комнату, пахнувший хвоей и сыростью.

— Лезь! — я толкнул Дашу к окну. Она не раздумывая нырнула в проем, цепляясь руками за землю снаружи. Вероника за ней, подгоняемая моим шепотом: «Давай, Вероника, давай!».

Максим отступал к окну, не спуская глаз с существа. Оно застыло на секунду, словно оценивая добычу, а затем сделало рывок. Максим успел нырнуть в окно, но когти прошли в сантиметре от его пятки, оставив неглубокую царапину.

Я прыгнул предпоследним. Я не просто выпрыгнул — я упал на мокрую землю, больно ударившись плечом, и тут же перекатился, чтобы освободить путь для Максима.

— Бежим! — Максим выдернул меня на ноги.

Мы рванули от пятнадцатого домика. Только сейчас, выбравшись наружу, я понял, что творится в лагере.

Ночь превратилась в кошмар.

Воздух разрывали крики. Сотни криков — детских, подростковых, взрослых. Они сливались в один сплошной, нечеловеческий вой паники. Весь лагерь эвакуировался как можно скорее. Над главной поляной взывала сирена гражданской обороны, от ее звука закладывало уши. Включились прожекторы на мачтах, и их мертвенно-белые лучи хаотично метались по лагерю, выхватывая из тумана страшные картины, от которых кровь стыла в жилах.

Я увидел, как из леса, со стороны спортплощадки, выбегает тень. Огромная, горбатая. Она налетела на группу ребят, бежавших к темному лесу. Поднялся такой крик, что я зажал уши руками. Я видел, как существо схватило кого-то, как взмахнуло рукой, и тело полетело в сторону, ударяясь о землю с тошнотворным хрустом. Крик оборвался на полуслове.

— Бежим к машинам! — крикнула зоркая Даша, указывая на парковку у административного корпуса. — Вожатые собирают всех на парковке!

Мы побежали. Земля была мокрой, ноги хлюпали по грязи, ветки сосен хлестали по лицу. Вокруг нас метались люди. Кто-то бежал в чем был, в пижамах, босиком. Вожатые пытались что-то кричать, собирать детей, но их никто не слушал. Толпа была слепа и глуха от ужаса.

Мы видели, как одна девочка, лет десяти, стояла посреди поляны и кричала имя мамы. Ее лицо было мокрым от слез, руки вытянуты вперед. Но вокруг нее все бежали, толкали, и никто не останавливался. Мы хотели броситься к ней, но Максим всё же сказал, что не стоит.

— Мы не поможем! — крикнул он. — Мы сами не выживем!

Я посмотрел на него, и в его глазах я увидел то же, что чувствовал самостоятельно — бессилие. Мы не могли спасти всех. Мы пытались хотя бы спасти себя.

Мы вылетели на парковку. Там стояли три небольших стареньких автобуса — те самые, на которых нас привезли сюда. Вожатые загоняли людей внутрь, крича, толкая, плача.

— Быстрее! Быстрее! — орала Ольга Андреевна, запихивая перепуганных подростков в салон. Ее лицо было мокрым от слез, но голос не дрожал. — Все внутрь! Не останавливайтесь!

Мы подбежали к последнему автобусу. Ольга Андреевна схватила меня за руку.

— Ты ранен? — быстро спросила она, оглядывая меня.

— Нет, — выдохнул я. — Мы... мы видели его. То, что напало на Ирину Викторовну.

Она кивнула, ее глаза потемнели.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Садитесь. Быстро.

Мы думали залезть в автобус, но вдруг двери резко закрылись и автобус помчался без нас. Вожатая крикнула вслед, но нас не забрали.

— Что за тупой водитель? — спросил Максим, оглядываясь на уезжающий автобус.

— Солнечный какой-то, — ответила Ольга Андреевна, не присущими для неё словами. — Ладно, что нам делать?

Максим заметил недалеко одиноко стоящий старенький минивэн.

— Смотрите! Поехали на минивэне! Скорее!

— Отлично! — крикнула вожатая. — Кто умеет водить? Нужен водитель на минивэн!

Никто не отозвался. Все смотрели на нее с ужасом.

— Я поведу, — чуть позже сказала Ольга Андреевна. — Арсений, Даша, Максим, Вероника — со мной. В минивэн. Быстро!

Мы побежали к старому минивэну, стоящему на краю парковки. Он был грязным, ржавым, с облупившейся краской, но двигатель, кажется, работал. Ольга Андреевна села за руль, я — рядом с ней, Даша — сзади. Максим и Вероника залезли на задний ряд.

— Ключи в замке, — сказала Ольга Андреевна, поворачивая ключ. Двигатель закашлял, зачихал, но завелся. — Поедем за автобусом.

Она включила передачу, и минивэн дернулся, пополз вперед. Мы выехали с парковки и повернули на главную аллею. Впереди ехал автобус, его красные задние фонари мелькали в тумане.

Мы мчались по аллее, объезжая какие-то препятствия — стулья, столы, брошенные вещи, сломанную ограду и стены. Вокруг бегали люди, кричали, но мы не могли остановиться. Не могли.

— Шлагбаум! — крикнула Даша. — Впереди шлагбаум!

Я увидел его — деревянный шлагбаум, перегораживающий выезд из лагеря. За ним — лесная дорога. Наш единственный шанс.

— Держитесь! — крикнула Ольга Андреевна.

Она не стала тормозить, а наоборот ускорила. Минивэн врезался в шлагбаум с грохотом. Он треснул, разлетелся в щепки, и мы вылетели на лесную дорогу. Колеса забуксовали на грязи, но она выкрутила руль, и машина всё же поехала вперед.

— Мы вырвались! — с небольшой радостью крикнула Даша.

Но я не радовался. Я смотрел в зеркало заднего вида и видел только темноту. Лагерь остался позади, скрытый туманом. Крики стихли, но в ушах все еще звенело.

— Куда мы едем? — прошептала Вероника сзади.

— К трассе, — ответила Ольга Андреевна, не отрывая глаз от дороги. — К ближайшему населенному пункту.

Мы мчались по разбитой грунтовке, петляя между вековыми соснами. Туман здесь был еще гуще, фары выхватывали из мрака только несколько метров вперед. Автобус ехал впереди, его фонари мелькали, как маяки в шторме.

Я не знал, куда мы едем. Не знал, выберемся ли мы вообще. Но я знал одно — мы живы. Пока что.

А где-то там, в лагере, в темноте и тумане, осталось оно. Одно. Огромное. Голодное.

После небольшой паузы, мы все вновь заговорили.

— Знаете, а наши вещи же остались в домике, — проговорил Максим.

По правде, мы были в пижамах и в простых тапках, за исключением Максима — он был вообще босиком. Максим даже не успел нормально обуться. А главное, что все наши телефоны, документы, еда и деньги остались там. Мы не успели захватить с собой совершенно ничего. Это было очень печально, ведь мы не могли жить без этого.

— Это очень плохо, — ответила наша водитель и оглянула нас. — Я тоже ничего не брала с собой, но я хотя бы одета в подходящую одежду.

— Ольга... Ольга Андреевна, — чуть слышно произнесла Вероника. В её голосе чувствовалась заметная тяжесть. — А почему на нас напал этот оборотень?

— Не знаю, ребят, — печально ответила она. — Я о нём ничего не знаю, я сама была в шоке от происходящего!

— А у вас даже нет телефона? — решила уточнить Даша.

— У меня вообще ничего нет, говорю же вам. Но, может быть, есть что-то в багажнике? Вероника, Максим, посмотрите!

Максим машинально повернулся и начал рыскать за сиденьем. Через пару минут он повернулся.

— Ну тут разные инструменты, старенькая аптечка, листья, — он снова повернулся к багажнику и вскоре воскликнул, Вероника дёрнулась. — О-о-о! Какая-то сумка! И в ней что-то есть!

Все сразу улыбнулись и обрадовались. Неужели там будет еда или телефон?

— Ну, открывай! — с трепетом сказала Даша.

— Сейчас, тут молнию заклинило! — отозвался голос Максима.

Немного повозившись на заднем кресле, а также с помощью Вероники, Максим открыл сумку и начал оттуда доставать различные вещи: тёмную куртку с дыркой, чёрную простую кофту, штаны с военным принтом, две литровые бутылки чистой воды, пачку сырных чипсов, ключи и, увы, разбитый телефон. Там, конечно, были ещё какие-то мелкие вещи, но я уже не обращал на них внимания. Осмотрев все эти интересные артефакты, мы услышали вожатую, про которую я уже честно забыл.

— Что за странный набор? — вдруг спросила Ольга Андреевна. — Я даже не припомню чья эта машина.

— Не важно, — бросил я. — Хотя бы у нас теперь есть еда, одежда и вода. Это круто.

Все опять немного помолчали. Мы безумно устали и запыхались, убегая из лагеря. Лично мне хотелось поспать и передохнуть, была уже глубокая ночь. Я посмотрел на дорогу впереди. И задумался. Что-то пропало. Я пытался понять, что мы упустили. Сзади начали весело болтать ребята. Вскоре меня осенило, что теперь впереди не было красного света фар автобуса, мы отстали от него. Я уже хотел напомнить всем про автобус, но вдруг машина резко остановилась.

Глава 4. Тишина в лесу

Машина дёрнулась так резко, что наши головы ударились о подголовники, а зубы громко щёлкнули. Двигатель издал последний, протяжный и металлический стон, похожий на предсмертный вздох раненого животного, и заглох. Тишина, которая обрушилась на нас снаружи, была такой густой и тяжёлой, что звенело в ушах.

— Остановилась?! — выкрикнули мы все разом. В каждом из них звучало одно и то же — недоумение, смешанное с нарастающим страхом.

Ольга Андреевна лихорадочно повернула ключ в замке зажигания. Стартер вяло провернул пару раз — чих, чих, скрежет — и замолк. Она повернула снова. Снова тишина. И снова. Руки её дрожали на руле.

— Да ну тебя, — выдохнула она, ударив ладонью по рулю. Голос её дрогнул, и в этом коротком жесте я увидел всё её отчаяние. Уже добрая и уверенная вожатая, которая только что таранила шлагбаум и везла нас сквозь непроглядный туман, куда-то исчезла. Осталась просто испуганная девчонка лет двадцати пяти, которая поняла, что застряла в лесу посреди ночи с четырьмя подростками.

— Что случилось? — тихо спросила Даша. Её голос казался неестественно громким в этом замкнутом пространстве.

— Двигатель заглох, — Ольга Андреевна откинулась на спинку сиденья и провела дрожащей рукой по лицу. — Завести не получается.

Я посмотрел в лобовое стекло. Фары ещё горели, но их свет пробивал сквозь туман всего на пару метров. Впереди была только чёрная стена леса и узкая лента разбитой грунтовки. Ни красных огней автобуса, ни звуков мотора. Мы совершенно потеряли их в этом молоке тумана. А сзади... сзади не было ничего.

— Я выйду посмотрю, что там, — сказала Ольга Андреевна, открывая дверь. В салон сразу хлынул ледяной, сырой воздух, пахнувший гнилой листвой и озоном. — Посидите тут, не выходите.

Она вышла, захлопнув за собой дверь. Я посмотрел на её удаляющуюся фигуру — маленькую, хрупкую в свете фар, — и мне вдруг стало её жалко. Она была взрослая, она должна была за нами следить, а сейчас ещё и одна разбиралась с какой-то развалюхой посреди леса.

— Пойду за ней, — сказал я, открывая свою дверь и подбирая на ходу куртку.

— Зачем? — спросил Максим.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Просто... не хочу, чтобы она там одна была. Морально поддержать, что ли.

Я вышел из машины. Ночь встретила меня холодом, который пробирал до костей. Туман был настолько плотным, что казалось, будто он имеет физическую форму: он цеплялся за одежду, лип к лицу, забивался в глаза. Моя тонкая пижама моментально промокла от сырости, и я поежился, натягивая на себя тёмную куртку с дыркой из багажника. Она пахла чем-то странным — смесью машинного масла, старого табака и ещё каким-то резким, химическим запахом, но сейчас мне было всё равно. Главное — тепло.

Ольга Андреевна стояла у открытого капота, наклонившись над двигателем. Свет фар выхватывал из тумана её силуэт и клубы пара, поднимающиеся от мотора. Я подошёл ближе, стараясь не шуметь.

— Что там? — тихо спросил я.

Она вздрогнула и обернулась. В свете фар её лицо казалось ещё более бледным, чем обычно.

— Арсений, ты чего тут делаешь? — её голос прозвучал устало, без привычной строгости. — Иди обратно в машину, замёрзнешь.

— Я хотел... — я замялся. — Помочь, что ли. Или просто побыть рядом.

Она коротко усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья. Только усталость.

— Мило с твоей стороны. Но помочь ты мне не сможешь. Я сама толком не разбираюсь в машинах, а ты, я предполагаю, тем более.

— Ну-у-у... — затянул я. В её словах была доля правды. — Мои знания сейчас не пригодятся просто.

Она снова наклонилась над двигателем, посветила куда-то вниз фонариком, найденным в багажнике. Я встал рядом, не зная, куда деть руки. Пар от мотора щипал глаза.

— И что, совсем не заводится? — спросил я, чтобы просто нарушить тишину.

— Совсем, — она выпрямилась и вытерла лоб тыльной стороной ладони. На коже остался чёрный след от масла. — Не знаю, в чём дело. Может, перегрелась, когда мы шлагбаум таранили. Может, бензин кончился. А может, просто старая развалюха не выдержала. Завести не получается, и всё тут.

— А автобус? — я посмотрел вперёд, в сторону, куда мы не доехали. Там была только непроглядная тьма. — Мы же отстали от него. Может, они вернутся? Вдруг заметят, что за ними нет хвоста?

Ольга Андреевна помолчала. Потом медленно покачала головой.

— Арсений, давай честно. Автобус уехал давно. В таком тумане они нас не увидели. А если и заметят, что мы пропали — будут думать, что мы сами куда-то свернули. Или что мы уже до трассы дошли. Они не станут возвращаться. Им по боку.

Её слова упали мне на грудь тяжёлым камнем. Я сглотнул.

— То есть мы... совсем одни?

— Пока да, — она вздохнула. — Но ничего страшного. Дорога обязательно выведет к трассе. Может быть, пойдём пешком. Утром, когда рассветёт, пойдём.

— А если... — я не договорил, но она поняла.

— Оно нас точно не найдёт, — тихо закончила она.

Я кивнул, хотя внутри у меня всё похолодело. Оно. То самое существо из пятнадцатого домика. Мы уехали от лагеря, но не уехали от него. Существо было где-то здесь, в этом лесу, в этом тумане. И мы были для него как на блюдечке.

— Иди в машину, — Ольга Андреевна хлопнула меня по плечу. — Скажи ребятам, что утром пойдём пешком. Я тут ещё немного посмотрю, может, что-то придумаю.

— Может, мне остаться? — предложил я.

— Нет, — она твёрдо покачала головой. — Иди. Мне нужно тут одной побыть, подумать. Иди, Арсений.

Я не стал спорить. Развернулся и пошёл обратно к машине. Туман обступал меня со всех сторон, и мне казалось, что я иду не по дороге, а плыву в каком-то мутном, холодном облаке. Шаги мои хлюпали по грязи — мои тапки моментально промокли, и вода противно чавкала при каждом шаге. Я натянул куртку плотнее и ускорился.

Дверь минивэна открылась, и я нырнул внутрь, жадно глотая тёплый, затхлый воздух салона. Даша, Максим и Вероника смотрели на меня с тревогой.

— Ну что? — сразу спросила Даша.

— Вожатая сказала, что она заглохла, — я сел на своё место и захлопнул дверь. — Ольга Андреевна говорит, что не знает, в чём дело. Может, перегрелась, может, бензин кончился. Завести не получается.

Вдруг все посмеялись, кроме меня. Я не понял, что произошло.

— Кто заглохла? Вожатая? — сквозь смех произнесла Даша.

— Да ну ошибся я! — сказал я и тоже засмеялся.

После пары минут смеха и радости мы продолжили разговор.

— И что же теперь? — спросила Вероника. — Мы что, тут застряли?

— Вроде того, — я пожал плечами. — Она говорит, утром, может, пойдём пешком. Дорога должна вывести к трассе.

— А автобус? — Максим наклонился вперёд. — Уже уехал?

Я посмотрел на него. В его глазах я увидел страх, прикрытый внешней спокойной маской. Максим умел держаться. Он всегда умел.

— Ольга Андреевна говорит, что автобус уехал давно, — медленно произнёс я. — В таком тумане они нас не увидели. А если и заметят, что мы пропали — будут думать, что мы сами куда-то свернули. Или что мы уже до трассы дошли. Они не станут возвращаться, им пофиг.

Повисла тишина. Только где-то вдалеке опять ухал филин — одинокий, протяжный звук, от которого по коже побежали мурашки. За несколько дней пребывания в лагере и за его пределами он мне поднадоел.

— То есть мы совсем одни, — констатировала Даша. Её голос был ровным, но я видел, как она сжимает края своей пижамы побелевшими пальцами.

— Пока да, — я постарался, чтобы мой голос звучал уверенно. — Но ничего страшного. Утром пойдём. А сейчас, думаю, переночуем в машине. Так безопаснее.

— Безопаснее, — фыркнула Вероника. — В машине, посреди леса, где бродит ЭТО. Очень безопасно.

— Вероника, — Даша положила ей руку на плечо. — Хватит. Мы и так на взводе.

— А я что говорю? — Вероника отстранилась. — Я просто хочу домой. Я хочу к маме. Я хочу, чтобы всё это закончилось.

— Закончится, — тихо сказал Максим. — Обязательно закончится.

Мы помолчали. Я смотрел в лобовое стекло, на клубы тумана, которые медленно ползли в свете фар. Где-то там, впереди, была Ольга Андреевна. Она, скорее всего, склонилась над мотором, что-то пыталась понять и починить. Бедная девушка. Она же тоже хотела домой. Она же не виновата, что нас сюда привезли.

— Ребят, — вдруг сказала Даша, и её голос прозвучал странно. — А она давно вышла?

Я посмотрел на часы на приборной панели. Цифры светились тусклым зелёным светом. Два часа ночи.

— Минут десять, наверное, — пожал я плечами.

— Нет, — покачала головой Даша. — Больше. Гораздо больше. Мы уже минут двадцать тут сидим, разговариваем. А её всё нет.

Я нахмурился. Действительно. Мы ведь довольно долго уже болтали. А Ольга Андреевна так и не вернулась.

— Может, она в другой части машины копается? — предположил Максим.

— Пойду посмотрю, — я снова открыл дверь. — Макс, пойдёшь со мной?

— Конечно, — он тут же поднялся.

Мы вышли из машины. Ночь окутала нас своей холодной, влажной пеленой. Туман был таким густым, что казалось, будто мы плывём в нём, а не идём по земле. Я включил второй фонарик — он был в багажнике, как и первый. Тусклый луч выхватил из мрака только размытые силуэты деревьев.

Сосны стояли стеной, их чёрные стволы казались решётками гигантской тюрьмы. Ветер шелестел в верхушках.

— Ольга Андреевна? — крикнул я. — Вы там?

Тишина. Только эхо разнеслось по лесу, отражаясь от стволов деревьев.

— Ольга Андреевна! — громче позвал Максим.

Снова тишина.

Мы обошли машину с другой стороны. Капот был закрыт. Ольга Андреевны нигде не было. Я посветил фонариком вокруг — под машиной, за деревьями, в кустах. Ничего. Только туман, только чёрные стволы сосен, только тишина.

— Куда она делась? — прошептал Максим. Его голос звучал непривычно тихо.

— Не знаю, — я сглотнул. Горло пересохло. — Может, она пошла в ту сторону? — я указал фонариком вглубь леса. — Может, увидела что-то и пошла посмотреть?

— Без ничего? В туман? Одна? — приземлил меня Максим. — Не похоже на неё. Она же вожатая. Она должна была за нами смотреть.

Мы стояли посреди дороги, двое подростков в пижамах, с фонариком в руке, и понимали одну простую и ужасающую вещь. Ольга Андреевна исчезла. Просто исчезла. Не позвала нас и не предупредила — мы бы её услышали. Она просто... пропала.

— Пойдём дальше, — сказал я, хотя сам не верил в то, что говорю. — Может, она пошла вперёд. Может, увидела какой-то дом и пошла туда.

— А нас не предупредила? — скептически спросил Максим.

— Может, не хотела тревожить, — пожал я плечами, хотя это звучало глупо. — Может, думала, что она быстро вернётся.

Мы пошли вперёд по дороге, светя фонариком. Туман обступал нас со всех сторон, и мне казалось, что мы идём не по дороге, а плывём в каком-то мутном, холодном облаке. Шаги наши хлюпали по грязи, и этот звук казался неестественно громким в ночной тишине.

Мы прошли метров пятьдесят, может, сто. Дорога петляла между соснами, то поднимаясь в горку, то уходя в низину. Туман становился всё гуще. Фонарик выхватывал из мрака только несколько метров впереди.

— Ольги Андреевны нигде нет, — тихо сказал Максим.

— Я вижу, — ответил я.

— Может, она вернулась к машине? — предположил он. — Пока мы тут ходили?

— Может быть, — я не был в этом уверен, но цеплялся за любую надежду. — Пойдём обратно.

Мы развернулись и пошли обратно. Дорога казалась длиннее, чем раньше. Каждый шаг давался с трудом — ноги увязали в грязи, мои тапки промокли насквозь, холод пробирал до костей. Я натянул куртку плотнее, но она не спасала.

Когда мы вернулись к минивэну, я с облегчением увидел, что он стоит там же, где мы его оставили. Но дверь со стороны водителя была закрыта. Я дёрнул ручку — заперто.

— Заперлась, — констатировал я.

— А кто запер? — Максим нахмурился.

— Я, наверное, — я попытался вспомнить. — Когда выходил, мог случайно захлопнуть. Центральный замок сработал.

Мы обошли машину и сели внутрь. Даша и Вероника смотрели на нас с тревогой.

— Её нет, — сказал я, не дожидаясь вопроса. — Мы прошли по дороге метров сто, никого. Вернулись — её нет.

— Как это нет? — Даша побледнела. — Куда она делась?

— Не знаем, — пожал я плечами. — Просто исчезла.

Вероника тихо всхлипнула. Она сидела, свернувшись калачиком на заднем сиденье, и обнимала свои колени. Её пижама с мишками промокла от пота и конденсата, а сама она издавала мелкую, частую дробь.

— Она нас бросила, — прошептала Вероника. — Она просто сбежала.

— Не говори так, — Даша обняла её. — Она не могла нас бросить. Что-то случилось. Может, она ушла за помощью. Может, увидела какой-то дом и пошла туда.

— В два часа ночи? В туман? Одна? — Вероника подняла на нас заплаканные глаза. — Вы сами в это верите?

Никто не ответил. Потому что никто в это не верил.

Мы помолчали. Тишина в машине стала такой густой, что её можно было резать ножом. Каждый думал о своём. Каждый боялся произнести вслух то, что у всех на уме. Что Ольга Андреевна не вернётся. Что мы остались совсем одни. Что в этом лесу, в этом тумане, мы — просто добыча.

— Ладно, — наконец сказал Максим, нарушая тишину. — Паниковать не будем. Она взрослая, разберётся. А нам нужно поспать. Завтра решим чё делать будем.

— Ты правда думаешь, что я смогу сейчас уснуть? — Вероника вытерла слёзы рукавом.

— Попробуй, — мягко сказал Максим. — Усталость возьмёт своё.

Мы стали устраиваться на ночлег. Это было то ещё приключение. Минивэн был не самым удобным местом для сна. Задние сиденья откидывались, но превращались в какую-то кривую, неудобную поверхность. Мы с Максимом возились, пытались соорудить что-то похожее на кровать.

— Давай сдвинем сиденья, — предложил Максим. — Так будет ровнее.

Мы сдвинули задние сиденья, и они образовали более-менее ровную поверхность. Я снял тёмную куртку с дыркой и бросил её на сиденье — получится хоть какое-то подобие подушки. Максим последовал моему примеру, используя дедовские штаны.

— Девчонки, вам как? — крикнул я вперёд.

— Нормально, — донёсся голос Даши. — Мы тут устроились.

Я посмотрел, как они разместились. Даша и Вероника свернулись на передних сиденьях, насколько это было возможно. Даша откинула спинку, и Вероника положила голову ей на плечо. Они укрылись той самой чёрной кофточкой.

— Вам не холодно? — спросил я.

— Нормально, — Даша улыбнулась, но улыбка получилась немного натянутой. — Главное — сухо.

Я кивнул и полез на своё место. Максим уже устроился на заднем сиденье, свернувшись. Я сел рядом, подтянув колени к груди. Куртка оказалась на удивление ещё теплее, и я закутался в неё, как в одеяло.

Ночь за окном была непроглядной. Туман стелился по земле, обвивая машину, словно белые щупальца. Деревья стояли стеной, их чёрные стволы терялись в мгле. Где-то вдалеке ухал филин, и его голос звучал одиноко и тоскливо. Ветер шелестел в верхушках сосен, и этот звук напоминал шёпот — тысячи голосов, которые переговариваются между собой на незнакомом языке.

Я смотрел в потолок машины и думал о том, как быстро изменилась наша жизнь. Ещё вчера мы сидели на крыльце пятнадцатого домика, шутили. А сейчас мы сидим в развалюхе посреди леса, без вожатой, без связи, без надежды. И где-то там, в этом тумане, точно бродит ОНО.

— Арсений, — тихо позвал Максим спустя время. — Ты спишь?

— Нет, — ответил я.

— Я тоже, — он помолчал. — Ты думаешь, мы как-то выберемся?

— Обязательно, — я постарался, чтобы голос звучал уверенно. — Завтра может пойдём, дойдём до трассы, нас подберут. Всё будет хорошо.

Мы помолчали. Где-то впереди тихо плакала Вероника — она старалась делать это как можно незаметнее, но в ночной тишине её всхлипы были слышны. Даша что-то вновь шептала ей, успокаивая.

Я закрыл глаза, но сон не шёл. В голове крутились мысли — об Ирине Викторовне, о директоре, который врал, о Давиде, который вёл себя чуть странно, о Веронике, которая плакала, о Максиме, который держался, о Даше, которая пыталась всех успокоить, об Ольге Андреевне, которая исчезла. И о НЁМ. О том, что бродит где-то в этом лесу, в этом тумане.

Ночь тянулась бесконечно долго. Каждую минуту мне казалось, что я слышу скрежет когтей по металлу, что дверь сейчас распахнется и войдёт оно. Но ничего не происходило. Только ветер шелестел в верхушках сосен, да где-то вдалеке ухал филин.

Я смотрел в потолок машины и ждал рассвета.

Глава 5. Жизненно важная находка

Я проснулся от того, что кто-то осторожно тряс меня за плечо.

— Арсений, просыпайся, — шепнул Максим. — Уже утро.

Я открыл глаза и на секунду не понял, где нахожусь. Потолок был слишком низкий, слишком близкий. Потом память вернулась — минивэн, лес, Ольга Андреевна, которая исчезла ночью. Я приподнялся на локтях и посмотрел в окно.

Сквозь грязное стекло пробивался мягкий, сероватый свет. Туман, который ночью казался непроглядной стеной, теперь поредел и лениво стелился между соснами, открывая мир в приглушённых, пастельных тонах. Солнце где-то было, но его лучи не могли пробиться сквозь густую хвою.

Я посмотрел на часы на приборной панели. Девять утра. Мы спали почти семь часов.

— Как спалось? — спросила Даша с переднего сиденья. Она уже сидела, потягиваясь, и её волосы были растрёпаны во все стороны.

— Как на гвоздях, — буркнул я, разгибая затёкшую спину. — Или, скорее, на кочках.

Вероника сидела рядом с Дашей, укутавшись в чёрную кофточку по самые уши. Её глаза были красными, но она не плакала — просто не спала. Я понял это по тому, как она вздрогнула, когда я зашевелился.

— Доброе утро, — тихо сказала она. Голос был хриплым.

— Доброе, — кивнул я. — Как ты?

— Нормально, — она пожала плечами, но я видел, что это неправда.

Мы стали выбираться из машины по очереди. Максим первым распахнул дверь и вдохнул полной грудью. Утренний воздух был холодным, но свежим — в нём не было той липкой, давящей сырости, которая ночью казалась почти физической. Пахло хвоей, влажной землёй и чем-то ещё — сладковатым, цветочным. Может, это цвели какие-то цветы в лесу.

— Офигеть, как хорошо, — выдохнул Максим, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Я думал, тут всегда такой туман.

— Не всегда, — сказала Даша, выходя из машины и оглядываясь. — Смотри, какое небо.

Я поднял глаза. Над верхушками сосен, там, где туман уже рассеялся, виднелось бледно-голубое небо с редкими, лёгкими облаками. Они плыли медленно, лениво, словно им тоже некуда было спешить.

— Красиво, — признал я.

Лес днём выглядел совсем иначе, чем ночью. Это был не кошмар, не ловушка с невидимым чудовищем. Это был просто лес — огромный, старый, полный звуков и запахов. Где-то в кроне сосны чирикала птица, невидимая, но звонкая. Где-то вдалеке стучал дятел — мерно, ритмично, как маленькие часы. Солнечные зайчики играли на земле, пробиваясь сквозь хвою.

— Есть хочется ужасно, — сказал Максим, потирая живот. — Давайте завтракать.

— А что у нас есть? — спросила Даша.

— Чипсы и батончики, — вспомнил я. — Из той сумки, что Максим нашёл в багажнике.

Мы открыли заднюю дверь минивэна и достали сумку. Максим вытряхнул её содержимое на капот машины: пачка сырных чипсов, три шоколадных батончика, полпачки каких-то крекеров и маленькая бутылочка воды.

— Богато, — усмехнулся я. — Прямо королевский завтрак.

— Зато калорийно, — Максим разорвал пачку чипсов и протянул её мне и Веронике. — На, начинайте.

Мы усадились на траве возле машины, подложив под себя тёмную куртку с дыркой. Даша аккуратно разделила чипсы на четыре равные кучки, каждому досталось по полбатончика и по несколько крекеров. Воду тоже разделили — по пару глотков из бутылочки.

— Знаете, — сказала Даша, откусывая батончик, — а ведь это даже по-своему вайбово. Как в каком-нибудь фильме. Пикник в лесу.

— В фильме нас бы ещё медведи и оборотни не ели, — фыркнула Вероника, но беззлобно. Она уже не плакала, и это радовало.

— Медведи в наших широтах людей не едят, — авторитетно заявил Максим. — Они вообще людей боятся.

— А оборотни? — тихо спросила Вероника.

Все замолчали. Название того существа, что мы видели ночью, было под негласным запретом. Мы не произносили его вслух, словно боясь призвать.

— Не будем об этом, — сказал я. — Давайте лучше решим, что делать дальше.

— Ольга Андреевна говорила, идти по прямой, — вспомнила Даша. — Дорога должна вывести к трассе.

— К трассе, к людям, к телефону, — кивнул Максим. — Логично. Идём вперёд, ищем помощь.

— А вдруг мы ходим кругами? — Вероника посмотрела на меня с тревогой. — Вдруг эта дорога никуда не ведёт?

— Ведёт, — твёрдо сказал я. — Дорога не может никуда не вести. Она либо к трассе, либо к какому-то населённому пункту. В крайнем случае — к другому такому же лагерю.

— Ты правда так думаешь? — она посмотрела на меня с надеждой.

— Правда, — я постарался, чтобы голос звучал уверенно. — Мы выйдем куда-то.

Мы доели свой скудный завтрак и собрались. Максим вдруг хлопнул себя по лбу.

— Слушайте, а я ведь так и не посмотрел, что с машиной! Может, там что-то простое? Вдруг починится?

— Ты же в машинах не шаришь, — усмехнулся я.

— А вдруг повезёт? — он уже шёл к капоту. — Подождите меня минут пять.

Мы сели на траву и стали ждать. Максим открыл капот, наклонился над двигателем и начал что-то разглядывать, тыча пальцем в разные детали. Он бормотал себе под нос, хмурился, чесал затылок. Мы с Дашей переглянулись и тихо засмеялись — со стороны это выглядело так, будто он врач, который ставит диагноз пациенту по пульсу.

Прошло минут десять. Может, пятнадцать. Максим вдруг выпрямился, вытер руки о штаны и с таким лицом, словно сделал великое открытие, повернулся к нам.

— Ну что? — спросила Даша.

— Я нашёл! — торжествующе объявил он. — У нас просто кончился бензин!

— Серьёзно? — я встал и подошёл. — Ты уверен?

— Смотри, — он ткнул пальцем в какую-то деталь. — Тут датчик. И стрелка на нуле. Бак пустой. Вот почему она заглохла.

— Охренеть, — выдохнул я. — Мы столько времени ехали, а потом шли, а машина просто... без бензина стояла?

— Получается, да, — Максим пожал плечами. — Ольга Андреевна, видимо, этого не заметила. Или не знала, где смотреть.

— То есть, если мы найдём бензин, мы сможем поехать? — Даша вскочила на ноги.

— Теоретически — да, — Максим задумчиво посмотрел на машину. — Но где мы найдём бензин посреди леса?

— Может, на заправке? — предположила Вероника. — Если дойдём до трассы, там точно будет заправка.

— А может, в каком-нибудь гараже, — добавил я. — Или у кого-то есть канистра. В деревнях же все держат бензин про запас.

— А может, в самом лагере, — вдруг сказала Даша. — Там же были машины. У кого-то точно была канистра.

— В лагере? — Максим покачал головой. — Мы от него уехали. Не вернёмся же мы туда.

— А вдруг придётся? — тихо сказала Вероника.

Все замолчали. Мысль о возвращении в «Солнышко» была неприятной. Там осталось ОНО. Там осталась Ирина Викторовна, вернее, то, что от неё осталось. Там был директор, который врал.

— Не надо пока думать об этом, — сказал я. — Давайте сначала дойдём до трассы. А там посмотрим.

— Согласен, — кивнул Максим. — Идём вперёд. Если не получится — вернёмся и подумаем.

Мы закрыли минивэн на ключи, которые Ольга Андреевна оставила в замке зажигания, и двинулись в путь. Максим обулся в какие-то простые грязные тапки, которые нашёл в багажнике — его собственные кроссовки так и остались в лагерьном домике. Тапки были ему велики, но идти в них было лучше, чем босиком.

Дорога вела нас вперёд, петляя между соснами. Туман окончательно рассеялся, и лес ожил. Солнечные зайчики прыгали по земле, птицы пересвистывались в кронах, где-то вдалеке шумел ветер. Мы шли не спеша, разговаривая, и постепенно напряжение, которое держало нас всю ночь, начало отпускать.

— Помните, как мы в прошлом году в поход ходили? — вдруг сказала Даша. — С классом, на озеро?

— Помню, — кивнул я. — Там ещё Максим в воду упал.

— Да отстань ты, — фыркнул Максим, но беззлобно. — Это не я упал, это берег обрушился.

— Ага, — усмехнулась Вероника. — Берег обрушился прямо под твоими ногами. Случайность.

Мы засмеялись. Впервые за последние сутки смех был настоящим, а не натянутым. Мы шли по лесу, и лес был просто лесом — красивым, старым, полным жизни. Никаких теней, никаких шорохов, никаких жёлтых глаз в темноте.

— А помните, как мы в пятом классе на дискотеке танцевали? — Даша хихикнула. — Арсений тогда пытался танец показать и упал прямо на стол.

— Я не падал! — возмутился я. — Это стол пошатнулся!

— Стол стоял на полу, — заметила Вероника. — Пол тоже пошатнулся?

Мы снова засмеялись. Я шёл и думал о том, как важно иногда просто вспомнить что-то хорошее. Как важно на минуту забыть про оборотней, про пропавших вожатых, про безнадёжность ситуации. Как важно просто быть с друзьями.

Мы шли уже часа два, может, больше. Солнце поднялось выше, и в лесу стало теплее. Дорога под ногами была мягкой — покрытой хвоей и мхом — и идти по ней было приятно.

И вдруг мы услышали шум воды.

— Слышите? — остановилась Даша. — Это же река!

Мы ускорили шаг и через несколько минут вышли к небольшому лесному ручью. Он был нешироким — метра три в поперечнике — но быстрым и звонким. Вода перекачивалась через камни, создавая тот самый мелодичный шум, который мы слышали. Ручей был чистым, прозрачным, на дне виднелись гладкие, отшлифованные водой камни.

— Офигеть, как красиво, — выдохнул Максим, приседая на корточки у воды. Он зачерпнул ладонями воду и плеснул себе в лицо. — Холодная, блин.

— Пить можно? — спросила Вероника.

— Не знаю, — пожал плечами Максим. — Вроде чистая. Но лучше не рисковать.

— А искупаться? — он вдруг оживился. — Жарко же.

— Ты с ума сошёл? — Даша посмотрела на него как на ненормального. — В ледяной воде? В одежде? У нас даже переодеться не во что.

— Да я быстро, — он уже начал снимать пижаму. — Просто окунусь.

— Максим, не надо, — я положил ему руку на плечо. — Простудишься. А болеть нам сейчас совсем не с руки.

— Да ладно тебе, — он махнул рукой, но пижаму снимать перестал. — Ладно, уговорили. Не пойду.

Мы посидели у ручья, попили воды — всё-таки рискнули, и она оказалась вкусной, холодной и чистой. Вероника даже умылась, и её лицо сразу стало свежее. Мы отдохнули минут десять и пошли дальше.

Дорога продолжала вести нас вперёд. Лес вокруг менялся — сосны постепенно уступали место берёзам, потом снова соснам. Где-то в кустах шелестел ёжик, мы даже увидели его на секунду — маленький, серый, с иголками, он быстро перебежал дорогу и скрылся в траве.

— Смотрите, ёжик, — прошептала Даша. — Какой милый.

— Не трогай его, — усмехнулся Максим. — Он дикий.

— Я и не собираюсь, — она улыбнулась.

Мы шли ещё часа полтора. Солнце было на самомверху, и тени стали короче. Я уже думал, что мы так и будем идти до вечера, когда увидели впереди что-то странное.

— Смотрите, — я указал рукой. — Что это?

Между деревьев, метров через двести, виднелось какое-то строение. Оно было серым, бетонным, не слишком большим — одно- или двухэтажное. Крыша была целой, стены тоже выглядели крепкими. Это не было похоже на обычный дом — скорее на какое-то техническое здание, склад или что-то в этом роде.

— О, люди! — оживилась Вероника. — Может, там кто-то есть?

— Может, — согласился я. — А может, заброшено.

— В любом случае, лучше, чем в лесу ночевать, — сказал Максим. — Пойдём посмотрим.

Мы ускорили шаг. Чем ближе мы подходили, тем яснее видели детали. Здание было действительно бетонным, серым, без всякой отделки. Окна были маленькие, заколочены досками. Дверь — тяжёлая, металлическая, с ржавым замком. Вокруг здания была расчищена площадка, но трава уже начала её завоевывать — значит, тут давно никто не ходил.

— Заброшенное, — констатировал я.

— Да вроде не сильно, — Максим подошел и постучал по стене. — Бетон крепкий. Не развалится.

— А дверь? — Вероника дёрнула ручку. — Заперта.

Мы попробовали вдвоём — не открывается. Замок был старый, ржавый, но крепкий.

— Может, обойдём? — предложил я. — Посмотрим, может, есть другое окно?

Мы обошли здание. Все окна были заколочены досками, и оторвать их голыми руками не получилось бы. Дверь оставалась единственным входом.

— Слушайте, — Максим сел на ступеньку. — Обед уже. Есть хочется. Может, посидим тут, отдохнём, а потом подумаем, как войти.

Мы сели рядом с ним. Было тепло, но не жарко — идеальный день для того, чтобы просто посидеть и ничего не делать.

— А может, выломать дверь? — предположила Даша.

— Чем? — Максим развёл руками. — Голыми руками?

— Камнем? — она подняла с земли довольно крупный булыжник.

— Попробуй, — пожал плечами Максим.

Даша подошла к двери и со всей силы ударила камнем по замку. Раздался громкий звон, но замок выдержал. Она ударила ещё раз. И ещё. На четвёртый удар что-то хрустнуло, и замок, вместе с куском металла, отлетел в сторону.

— Опа, — выдохнула она. — Получилось.

— Даша, ты зверь, — усмехнулся Максим. — Я бы так не смог.

— Я не знаю как так, — она гордо подняла подбородок. — От безысходности что ли.

Мы рассмеялись и вошли внутрь.

Здание оказалось неожиданно приятным. Внутри было темно, но не сыро. Пахло пылью и старым деревом, но не плесенью. Пол был бетонным, чистым. Стены — тоже бетонные, но оштукатуренные. Потолок — высокий, с балками.

— Офигеть, — выдохнул Максим, оглядываясь. — Тут нормально.

— Смотрите, — Даша указала на угол. — Там стол.

Мы подошли. В углу действительно стоял большой деревянный стол, а на нём — какие-то банки, коробки, бутылки. Я подошёл и ахнул.

— Ребята, тут еда!

Мы сгрудились вокруг стола. На нём стояли несколько банок с тушёнкой, пачки крупы, сгущёнка, сухари, и — главное — большая трёхлитровая банка с водой, закрытая крышкой.

— Офигеть, — повторил Максим. — Просто капец.

— Кто тут жил? — Вероника оглядывалась с подозрением. — Лесник? Охотник?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Но еда почти свежая. Смотрите, сроки годности нормальные.

— Может, тут кто-то запасается? — предположила Даша. — Какой-нибудь наркоман?

— Наркоманы тушёнку не едят, — фыркнул Максим. — Они ягодами питаются.

Мы рассмеялись, но есть всё равно начали. Максим нашёл консервный нож — старый, но рабочий — и открыл банку тушёнки. Мы разломали сухари и начали обедать прямо так, стоя вокруг стола. Тушёнка была вкусной, сухой паёк — тоже. А вода... вода была просто спасением. Мы пили жадно, глоток за глотком, и я чувствовал, как силы возвращаются в тело.

— Слушайте, — вдруг сказала Вероника. Её голос прозвучал странно. — Идите сюда.

Мы подошли. Она стояла у какой-то полки в углу и держала в руках что-то маленькое, чёрное, металлическое.

— Что это? — спросил я.

— Пистолет, — тихо сказала она.

Мы замерли. Я посмотрел — это был действительно пистолет. Маленький, чёрный, с коротким стволом. Я видел такие только в фильмах и в играх. В жизни — ни у кого.

— Ты... ты уверена? — Максим подошёл.

— Смотри, — она протянула руку. — Это рукоятка. Это курок. Это ствол. Это точно пистолет.

— Упасть и не встать — выдохнул я. — Тут пистолет.

— Заряжен? — Даша отступила на шаг.

— Не знаю, — Вероника пожала плечами. — Я в оружии так себе разбираюсь. Только у трудовика с ружья стреляла, а такое...

— Давай не будем трогать, — предложил я. — Мало ли что.

— А вдруг пригодится? — Максим посмотрел на пистолет задумчиво, с небольшим удивлением. — Вдруг ОНО нас догонит?

Все замолчали. Мысль была неприятной, но логичной. Если то, что бродило в лесу, было реальным — а оно было реальным — то пистолет мог спасти нам жизни.

— Ну бери, — сказал я. — Только осторожно.

Вероника аккуратно положила пистолет в карман. Я заметил, что её руки дрожали, но она старалась не подавать виду.

— Нашла ещё что-нибудь? — спросил Максим.

— Тут какие-то бумаги, — она показала на полку. — Карты, записки. Ничего интересного.

— Ладно, — я посмотрел на часы. — Уже скоро вечер. Давайте соберём еду, воду и пойдём обратно к машине. Тут ночевать не очень — вдруг кто-то придёт.

— Согласен, — кивнул Максим. — Идём.

Мы начали собирать находки. Еду сложили в сумку из багажника, воду туда же, одеяла и копейки тоже. Пистолет Вероника так и оставила у себя. Я нашёл ещё какие-то спички, фонарик — старый, но рабочий — и нож. Всё это тоже пригодится.

Мы уже собирались уходить, когда Вероника вдруг остановилась в дальнем углу.

— Ребята, — её голос прозвучал странно. — Идите сюда.

Мы подошли. В углу, покрытая толстым слоем пыли, стояла канистра. Обычная, пластиковая, красная, литров на десять. На боку была наклейка с какой-то надписью, но я не смог разобрать.

— Это... — Максим подошёл и стёр пыль рукой. — Это бензин.

— Серьёзно? — я не поверил своим глазам. — Бензин?

— Смотри, — Максим поднял канистру и потряс. Внутри что-то плеснулось. — Полная.

— Офигеть, — выдохнула Даша. — У нас есть бензин!

— Мы можем заправить машину! — Вероника вдруг улыбнулась. Впервые за всё время я увидел её настоящую улыбку. — Мы можем уехать!

Мы рассмеялись все разом. Это было так неожиданно, так невероятно, что хотелось кричать от радости. Мы нашли еду, воду, пистолет, одежду, а теперь ещё и бензин. Это был не просто счастливый день — это был волшебный день.

— Тащим канистру к машине, — скомандовал я. — Быстро, пока не стемнело.

Мы взяли канистру — она была тяжёлой, но Максим и я несли её по очереди — и двинулись обратно по дороге. Солнце уже садилось, и лес начал темнеть. Но нам было не страшно — мы знали, что вечером будем в машине, с едой, с водой, и, главное, с бензином.

Мы дошли до минивэна, когда уже совсем стемнело. Я открыл капот, и Максим начал аккуратно переливать бензин в бак. Даша и Вероника тем временем раскладывали наши находки в салоне — еду в одну кучу, воду в другую, полезные вещи в третью.

— Сколько там? — спросил я, глядя, как Максим возится с канистрой.

— Половину залил, — он вытер лоб рукавом. — Больше не надо, а то перельётся.

— Поедет?

— Должен, — он закрыл капот. — Завтра попробуем завести.

Мы зашли в салон. Девочки уже приготовили ужин — открыли ещё одну банку тушёнки, разломали сухари, налили воду. Мы уселись вчетвером — Максим и я сзади, Даша и Вероника спереди — и начали есть.

— Знаете, — сказала Даша, откусывая сухарь, — а ведь нам сегодня очень повезло.

— Ещё как, — кивнул я. — Нашли это здание. Нашли бензин. Нашли пистолет.

— Пистолет — это, конечно, круто, — усмехнулся Максим. — Но бензин важнее.

— А еда важнее, — возразила Вероника. — Без еды мы бы до завтра не дожили.

— Без воды важнее, — сказал я. — Без воды человек три дня живёт.

— Без сна важнее, — фыркнула Даша. — Без сна человек с ума сходит.

Мы рассмеялись. Ужин прошёл в весёлой болтовне — мы обсуждали, куда поедет завтра, что будем делать, когда доберёмся до трассы, как будем объяснять родителям, почему так долго не выходили на связь.

— Скажем, что телефон разрядился, — предложила Даша.

— А они поверят? — скептически спросил Максим.

— Придётся верить, — пожала плечами Вероника. — Что им ещё делать?

— Или скажем правду, — сказал я. — Про оборотня, про лагерь.

— И нам поверят? — Даша посмотрела на меня с сомнением.

— Не знаю, — я пожал плечами. — Но хотя бы честно будет.

Мы поели, убрали остатки еды и начали готовиться ко сну. Девочки устроились на передних сиденьях, мы с Максимом — сзади. Я закутался в куртку, Максим — в штаны с военным принтом. Было тепло и сухо.

— Спокойной ночи, — сказала Даша.

— Спокойной ночи, — ответили мы с Максимом хором.

— Доброй ночи, — тихо добавила Вероника.

Мы лежали немного в тишине. За окном была ночь — настоящая, тёмная, с ветром в верхушках сосен и далёким уханьем филина. Но внутри машины было тепло и спокойно. Я слушал, как дышат друзья, и чувствовал, как сон медленно накатывает на меня.

И я уснул. Впервые за долгое время — крепко, спокойно, без снов.

Глава 6. Дорога

Рассвет в этот день наступил не постепенно, а словно кто-то одним движением отдернул тяжёлый бархатный занавес. Ещё минуту назад мир за окнами минивэна был серым и безликим, а уже в следующее мгновение сквозь стёкла хлынул густой, медовый свет, который превратил каждую сосновую иголку в маленькую золотую свечу.

Я открыл глаза и первым делом почувствовал тепло. Не то липкое, сырое тепло вчерашней ночи, а настоящее, живое, солнечное. Оно пробивалось сквозь грязное стекло и ложилось на лицо мягким, ласковым прикосновением. Где-то совсем рядом, буквально в паре метров от машины, заливалась какая-то невидимая птица — звонко, отчаянно, словно спешила высказать всё, что думает о новом дне, пока не проснулись остальные.

— Арсений, — тихий голос Максима вернул меня в реальность. — Не спишь?

— Нет, — я протёр глаза и приподнялся. Спина затекла за ночь, шея ныла, но это была приятная, здоровая усталость — та самая, что бывает после долгой прогулки. — Который час?

— Без пятнадцати десять. Смотри, что снаружи делается.

Я посмотрел в окно и на секунду забыл, где нахожусь и почему. Лес преобразился до неузнаваемости. Вчерашняя мрачная, давящая чаща превратилась в сказочный чертог — высокие сосны стояли, как колонны в каком-то древнем храме, а между их стволами струился лёгкий, почти невесомый свет. Он был не белым и не жёлтым, а каким-то золотисто-розовым, живым, движущимся. Там, где лучи падали на мох, тот начинал светиться изнутри, становился изумрудным. Там, где они касались коры, она приобретала тёплый, красноватый оттенок.

— Красиво, — выдохнул я.

— Ещё бы, — Максим уже сидел, свесив ноги с сиденья, и смотрел в окно с таким выражением, будто видел всё это впервые. — Как будто и не было ничего. Ни ночи, ни Ольги Андреевны, ни... всего остального.

С переднего сиденья донёсся сонный вздох. Это Даша потягивалась, расправляя затёкшие плечи.

— Доброе утро, — её голос был чуть хриплым, но в нём слышалась улыбка. — Кто первый умываться?

— Я, — отозвалась Вероника, и я удивился. Обычно по утрам она была молчаливой и угрюмой, а сегодня в её голосе звучало что-то лёгкое, почти беспечное. — Только давайте сначала позавтракаем. А то я кроме еды ничего не хочу.

Мы посмеялись. Смех в этот раз получился настоящим — не натянутым, не вымученным, а таким, каким он бывает только у людей, которые только что проснулись и ещё не успели вспомнить о своих проблемах.

Выходили мы из машины по очереди, и каждый, оказавшись снаружи, замирал на секунду, вдыхая этот невозможный воздух. Он пах не просто типичной хвоей — он пах летом, детством, какими-то забытыми, но очень важными вещами. В нём были нотки разогретой солнцем смолы, влажной земли, цветущего черёмухового куста где-то неподалёку и ещё чего-то неуловимого, что нельзя было назвать, но что делало каждое лёгкое дыхание маленьким счастьем.

— Офигенно, — протянул Максим, расправляя плечи. — Я даже не помню, когда последний раз так хорошо себя чувствовал.

— Может, на каникулах? — предположила Даша.

— Ну может, — ответил он. — Но тут — тоже рай.

Мы разложили на капоте машины наши вчерашние трофеи. Запасы заметно поредели — это бросалось в глаза. От тушёнки осталась две банки, сухарей — меньше половины пачки, сгущёнка была на доньшке. Зато воды — целая трёхлитровая бутылка, и это радовало.

— Экономить надо, — констатировал я, открывая банку тушёнки. — Хватит ли нам до трассы?

— Хватит, — уверенно сказал Максим. — Сегодня до трассы доедем, там и поедем нормально. В придорожном кафе, например. Представляете — столики, скатерти, меню. И официант такой вежливый: "Что будете заказывать?"

— Ты вообще в придорожном кафе был когда-нибудь? — усмехнулась Вероника.

— Ну... нет. Но я видел в фильмах.

Мы снова рассмеялись и принялись за завтрак. Тушёнка была холодной, жир застыл белыми комочками, но это не имело значения. Сухари хрустели так громко, что, казалось, их слышно на весь лес.

— Знаете, о чём я думаю? — вдруг сказала Даша, отправляя в рот последний кусочек сухаря. — О том, как я приду домой и первым делом включу горячую воду. Не холодную, не тёплую, а именно горячую. Чтобы пар шёл, чтобы кожа розовела. И буду стоять под этим душем час. Может, два.

— А я съем пиццу, — мечтательно произнёс Максим. — Большую. С четырьмя сырами. И запью колой. Ледяной.

— А я просто полежу, — тихо сказала Вероника. — В своей кровати. Под своим одеялом. И буду смотреть в потолок. И никто не будет кричать, никто не будет плакать, никто не будет... — она не закончила, но мы все поняли.

— А я, — я задумался, — я, наверное, просто выйду на улицу. И пойду. Без цели. Просто чтобы видеть людей. Машины. Чтобы слышать, как гудят провода, как сигналият машины, как кто-то ругается на остановке.

— Философ хренов, — фыркнула Даша, но в её голосе не слышалось строгости.

Мы убрали остатки еды, закрыли бутылку с водой и переглянулись. Наступал тот неловкий момент, когда завтрак съеден, а планов на день ещё нет.

— Так, — Максим хлопнул в ладоши. — Предложения?

— Умыться, — сразу сказала Вероника. — Я себя чувствую как бомж.

— К ручью? — Даша посмотрела на меня. — Пойдём?

— Пойдём, — кивнул я.

Мы немного покапошили и двинулись обратно по дороге в сторону ручья. Солнце припекало — не сильно, но приятно. Было очень тепло, но не жарко. Идеальная погода. Мы шли, разговаривая о всякой ерунде — о школе, о друзьях, о том, что будем делать, когда вернёмся домой.

Мы дошли до знакомого ручья через двадцать минут. Он был таким же, как вчера — чистым, быстрым, звонким. Вода перекатывалась через камни, создавая тот самый мелодичный шум, который успокаивал. Солнце играло на поверхности воды, создавая тысячи маленьких бликов, которые танцевали между камней.

— Как хорошо, — выдохнул Максим, приседая на корточки. Он зачерпнул воду ладонями и плеснул себе в лицо. — Холодная.

Мы все умылись — вода была ледяной, но приятной. Вероника даже намочила волосы и завязала их в хвост. Даша набрала воды в пустые бутылки.

— Хватит? — спросила она.

— Думаю, да, — кивнул я. — Если будем экономить, на день хватит.

Мы посидели у ручья минут десять, просто наслаждаясь тишиной и покоем. Солнце грело, птицы пели, вода журчала. Казалось, что мы не в лесу, не в ловушке.

— Пойдём обратно, — сказал я наконец. — Надо машину заводить.

Вскоре мы увидели минивэн и приблизились к нему. Положив кое-какие тряпки и вещи, мы начали обсуждать, кто ведёт машину.

И тут началась моя личная драма.

— Так, — Максим хлопнул в ладоши. — Кто будет вести?

Все переглянулись.

— Я не умею, — сказала Даша.

— И я, — кивнула Вероника.

— Я теоретически знаю, — медленно произнёс я. — Но на практике...

— Значит, ты, — Максим посмотрел на меня решительно. — Других вариантов нет. Ты же старше всех.

— Но я никогда не водил! — я почувствовал, как внутри поднимается паника. — Я даже прав не имею!

— А кто их имеет в пятнадцать лет? — усмехнулся он. — Я тоже теоретически знаю, как. Покажу, что делать. А если что — я рядом, подстрахую.

— А если я врежусь в дерево?

— Не врежешься, — он пожал плечами. — Дорога прямая. Поворотов почти нет. Справишься.

— Я не уверен...

— Арсений, — Даша положила мне руку на плечо. — У нас нет выбора. Либо ты ведёшь, либо мы идём пешком. А идти пешком — это ещё несколько дней минимум.

Я посмотрел на неё, на Максима, на Веронику. Все смотрели на меня с ожиданием. И я понял — деваться некуда.

— Ладно, — выдохнул я. — Попробую.

— Вот и отлично, — Максим хлопнул меня по спине. — Садись за руль. Я рядом.

Я сел на водительское место. Руль был большим, непривычным. Педали тоже — я не сразу понял, какая за что отвечает. Максим сел рядом и начал инструктировать.

— Так, это сцепление, — он ткнул пальцем в левую педаль. — Это тормоз, это газ. Сейчас выжимаешь сцепление, поворачиваешь ключ, включаешь первую передачу, плавно отпускаешь сцепление и потихоньку жмёшь на газ. Понял?

— Вроде да, — я сглотнул. Руки дрожали. — Если такой умный, то чего сам не поведёшь?

— Не важно, — Максим положил мне руку на плечо. — Всё получится. Я помогу.

Я повернул ключ. Двигатель закашлял, зачихал... и завёлся. Ровно, без проблем.

— Ничего се, — выдохнул я. — Поехала!

— Поехала, — кивнул Максим. — Теперь сцепление плавно отпускай. И газ потихоньку.

Я отпустил сцепление — машина дёрнулась и заглохла.

— Ничего, — сказал Максим. — Снова заводи.

Я завёл. Снова отпустил сцепление — машина дёрнулась, рванула вперёд, и я в панике ударил по тормозу. Машина остановилась так резко, что мы оба ударились о ремни безопасности.

— Тормоз не жми сразу, — усмехнулся Максим. — Плавно. Всё плавно.

Я попробовал снова. На этот раз получилось лучше — машина поползла вперёд, не дёргаясь. Я добавил газу, и мы поехали.

— Молодец! — крикнула Даша с заднего сиденья. — Получается!

— Едет! — Вероника тоже выглядела довольной. — Арсений, ты молодец!

Я улыбнулся, не отрывая глаз от дороги. Руки на руле всё ещё дрожали, но я старался не подавать виду. Дорога была прямой, широкой, и ехать по ней было не так уж сложно. Главное — не думать о том, что может пойти не так.

Мы ехали медленно и долго — километров тридцать, может, сорок. Максим иногда подсказывал — когда переключать передачу, когда тормозить, когда поворачивать. Но в основном я справлялся сам.

За окнами мелькали сосны — одни и те же, бесконечные. Дорога петляла между ними, то поднимаясь в горку, то уходя в низину. Пейзаж не менялся — лес, лес, лес. Но мне было всё равно. Главное — мы ехали. Мы двигались. Мы выбирались.

— Как ты? — спросил Максим через какое-то время.

— Нормально, — я пожал плечами, не отрывая глаз от дороги. — Устал немного. Но нормально.

— Можешь передохнуть, если что. Я подменю.

— Давай потом, — я посмотрел на него. — Сейчас вроде нормально.

Мы ехали ещё час. Потом ещё. Время тянулось медленно, но я уже привык к рулю, к педалям, к тому, как машина реагирует на мои действия. Руки больше не дрожали. Я даже начал получать удовольствие — от самого процесса, от ощущения контроля.

— Арсений, — вдруг сказала Даша. — А который час?

Я посмотрел на часы. Четыре дня.

— Четыре, — ответил я.

— Мы же не обедали даже, — она посмотрела на меня с упрёком. — Ты так увлёкся, что мы забыли про еду.

— Точно, — я нахмурился. — Давай остановимся.

Я плавно притормозил и остановил машину у обочины. Руки на руле всё ещё сжимали его крепко, но я заставил себя расслабиться.

Мы достали еду — ещё одну банку тушёнки, сухари, воду. Поели быстро, на скорую руку, и снова двинулись в путь. Запасов становилось меньше — это было заметно. Нужно было экономить.

— Надо будет где-нибудь пополнить запасы, — сказала Вероника.

— На трассе, — кивнул я. — Там точно будут магазины.

— Если доедем, — тихо добавила она.

Мы помолчали. Все думали о том же — доедем ли. Но вслух это никто не произносил.

Мы ехали ещё час. Солнце начало клониться к закату, и тени стали длинными. Я устал — спина ныла, руки гудели от напряжения. Но останавливаться не хотелось — хотелось доехать. Хотелось, чтобы этот день закончился, и наступил следующий.

— Слушай, — вдруг сказал Максим. — А радио тут работает?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Попробуй.

Он потянулся к панели и начал крутить ручку. Зашипело. Потом снова зашипело. Потом — щёлк — и заиграла музыка.

— О, работает! — он улыбнулся. — Слушай, тут какое-то ноунейм радио. Но песни нормальные.

Из динамиков лилась музыка — какая-то разная, лёгкая, приятная. Я знал некоторых исполнителей и мелодии были хорошие. Под них хотелось петь, танцевать, просто радоваться жизни.

— Класс, — сказала Даша. — Включи погромче.

Максим выкрутил громкость, и музыка заполнила салон. Мы ехали, и музыка звучала, и солнце садилось, окрашивая небо в розовые и оранжевые тона. Было красиво. Очень красиво и эстетично.

И вдруг заиграла песня. Я знал, как она называется и она была цепляющей, с простым и крутым припевом. И слова — "Женщина, я не танцую" — запали в голову сразу.

— О-о-о! — Даша начала подпевать. — Громче!

И мы запели. Все разом. Максим, Вероника, Даша — все пели, зная слова. Я тоже пел, и голос мой звучал громко, уверенно. Я забыл про дорогу, про руль, про всё. Просто пел и радовался, что мы живы, что мы вместе, что всё это когда-нибудь закончится.

— Женщина, не танцую! Женщина, я не танцую! Хватит улыбаться, нормально с ориентацией, — слышны были наши слова. В машине будто была настоящая дискотека.

— ЧЕЛОВЕК! — вдруг заорал Максим. — СТОЙ!

Я вынырнул из музыки, как из омута. Посмотрел вперёд — и увидел.

Посреди дороги, прямо перед нами, шёл человек.

Высокий, худой, в какой-то странной одежде. Он шёл медленно, не оглядываясь, словно не слышал ни машины, ни музыки, ни наших голосов.

Я ударил по тормозам. Машина взвизгнула, но я не успел остановиться полностью — бампер слегка задел человека, оттолкнув его в сторону. Он упал на обочину и потерял сознание.

Мы замерли. Все пялились на него. Он лежал, спиной к нам.

— Эй! — крикнул Максим, высунувшись из окна. — Ты жив?

Человек не шевелился. Мы выскочили из машины и подбежали к нему.

И я увидел его лицо.

Бледное, худое, с тёмными кругами под глазами. Волосы растрёпаны, одежда — какая-то странная, не по сезону. И глаза... глаза были пустыми. Совсем пустыми.

— Давид? — прошептала Вероника сзади.

— Что... что с ним? — прошептал я.

— Нам надо... — Вероника не договорила, но я понял. Нам надо забрать его с собой.

Глава 7. Полнолуние

Мы подняли его с дороги вчетвером. Давид оказался неожиданно тяжёлым — каким-то плотным, увесистым, словно внутри у него были не кости, а свинцовые гири. Его голова безвольно моталась, изо рта тонкой ниткой тянулась немного противная слюна с примесью крови, а странные, не по сезону тёплые штаны оказались мокрыми от чего-то, что я старался не разглядывать.

— Аккуратнее, не кантуйте его, — шипела Даша, поддерживая парня под мышки. Её пальцы побелели от напряжения, а на лбу выступил пот, хотя вечер был прохладным.

— Да я и не кантую, — огрызнулся я. — Просто он тяжёлый, как мешок картошки.

Максим молча подхватил Давида за ноги, и мы втащили его в салон, уложив на заднее сиденье. Вероника тут же притянула его голову к себе на колени и начала осторожно вытирать кровь с его лица рукавом своей пижамы. Движения у неё были странные — нежные, почти материнские, совсем не похожие на ту холодную надменность, которую она обычно носила, как броню.

— Он дышит, — сказала она тихо, и в её голосе я услышал не облегчение, а что-то совсем другое. Что-то похожее на благоговение.

— Ну если живой, — кивнул Максим, захлопывая дверь. Звук получился глухим, окончательным, как приговор. — Заводи.

Я сел за руль. Ключ в замке, поворот — двигатель закашлял, зачихал, но завёлся. На этот раз без фокусов. Я выжал сцепление, воткнул первую, плавно отпустил педаль — и мы тронулись. Без рывков, без глохнущего мотора. Получалось.

Солнце к этому времени уже нырнуло за горизонт, и небо начало остывать. Сначала оно было персиковым, потом — лиловым, потом — цвета старого синяка. Сосны по бокам дороги стояли чёрными, молчаливыми стражами, и мне казалось, что они поворачивают за нами головы, провожая взглядом.

— Музыка можно? — робко спросила Даша.

— Можно, — кивнул я. — Только потише. А то я ещё за рулём не очень как оказалось.

Максим потянулся к панели, покрутил ручку. Из динамиков полилась какая-то медленная, тягучая мелодия — не та, что мы пели раньше. Что-то грустное, с протяжным вокалом и одиноким пианино. Эта музыка не располагала к веселью. Она располагала к тому, чтобы смотреть в окно и думать о всякой хрени.

Мы ехали молча. Минут двадцать. Может, тридцать. Давид лежал неподвижно, только его дыхание нарушало тишину — хриплое, неровное, с какими-то странными хлюпающими звуками, будто в груди у него булькала вода. Вероника гладила его по волосам, и я несколько раз ловил себя на том, что смотрю на них в зеркало заднего вида. Странно они выглядели — она и он. Будто не в кошмаре, а в каком-то другом фильме, где всё по-другому устроено.

— А он красивый, — вдруг сказала Вероника.

Все замерли.

— Чего? — не понял Максим.

— Давид, — она пожала плечами, не переставая гладить его волосы. — Когда не бледный и не с тёмными кругами под глазами. Когда вот так, спокойный. Красивый.

— Вероника, — Даша осторожно положила ей руку на плечо. — Ты сейчас о чём вообще?

— Ни о чём, — она вдруг дёрнула плечом, сбрасывая её руку. — Просто констатация факта. Вам можно, мне нельзя?

— Нам можно, — тихо сказал я, не отрывая глаз от дороги. — Но сейчас не время.

Она промолчала. Но я почувствовал, как в салоне что-то изменилось. Будто между нами пробежала невидимая трещина, и мы все это почувствовали, но никто не захотел смотреть, куда она ведёт.

Темнело быстро. Небо стало угольным, потом — абсолютно чёрным. Звёзды не было видно — небо было затянуто какой-то молочной пеленой, и только в одном месте, высоко над верхушками сосен, пробивался тусклый, болезненно-белый круг.

— Фары бы, — сказал Максим. — А то мы как слепые котята.

— Я не знаю, где они врубаются, — признался я. — Тут столько всего.

— Давай поищем, — он наклонился к панели.

Пока он возился с переключателями, я смотрел в лобовое стекло. Дорога в свете приборки казалась узкой, ненадёжной, как верёвка, по которой надо идти, не глядя вниз. Сосны по бокам сливались в сплошную чёрную стену, и мне казалось, что за этой стеной кто-то стоит. Ждёт.

— Вот! — Максим дёрнул какой-то рычажок, и лобовое стекло залил яркий, почти ослепляющий свет. Фары выхватили из темноты метров тридцать дороги впереди — разбитую грунтовку, усыпанную камнями, ветками, какими-то странными кочками.

— Ну и слава богу, — выдохнул я. — Теперь хоть видно, куда я еду.

— Не заблудимся, — усмехнулся Максим. — Дорога прямая.

Мы ехали. Час. Второй. Третий. Время в этой темноте потеряло всякий смысл. Минуты растягивались в часы, часы сжимались в минуты. Я уже не чувствовал ни рук на руле, ни ног на педалях — всё работало само, на автомате. Газ, сцепление, передача. Газ, сцепление, передача.

Даша с Вероникой о чём-то тихо переговаривались сзади. Я не слушал их — не хотел лезть в разговор. Но несколько слов всё же долетело:

— ...в школе он всегда такой был...

— ...да нет, ты не понимаешь...

— ...я просто думаю, что...

Я не расслышал окончания. Да и не хотел.

— Арсений, — Максим вдруг положил мне руку на плечо. — Ну ты как?

— Нормально, — я даже не посмотрел на него. — Устал. Но нормально.

— Может, остановимся? — он посмотрел в окно. — Уже, наверное, часов десять.

Я глянул на приборку. Без пятнадцати одиннадцать. Мы ехали уже почти четыре часа после того, как выбрали Давида, и до этого — ещё весь день. Итого — часов четырнадцать за рулём. Для первого раза. Очень неплохо.

— Давай, — кивнул я. — Только сначала поговорим.

— О чём?

— Обо всём. О Давиде. О том, что произошло. О том, что будет дальше.

Максим помолчал. Потом кивнул.

— Девчонки, — он обернулся назад. — Нам надо поговорить. Все вместе.

Даша и Вероника замолчали. Я увидел в зеркале, как Даша кивнула, а Вероника отвела взгляд.

— Я слушаю, — сказала Даша.

— Так, — я сглотнул. — Давайте по порядку. Что мы знаем?

— Мы знаем, что сбили человека, — медленно произнёс Максим. — Который шёл посреди дороги в полночь.

— Мы знаем, что этот человек — наш одноклассник Давид, — добавила Даша.

— Мы знаем, что он выглядит... странно, — тихо сказала Вероника. — Очень странно.

— И мы знаем, — я посмотрел на неё в зеркало, — что ты ведёшь себя с ним так, будто он тебе не чужой.

Вероника подняла глаза. В тусклом свете приборки её лицо казалось чужим — бледным, с каким-то странным, почти фанатичным блеском в глазах.

— А он мне и не чужой, — сказала она.

— Это ещё почему? — нахмурился Максим.

— Потому что я знаю, — она пожала плечами. — Я давно знаю.

Мы все замерли. Даже двигатель, казалось, притих, чтобы лучше слышать.

— Что знаешь? — голос Даши был тонким, как нить.

— Что с ним что-то не так, — Вероника провела рукой по волосам Давида. — Что он не такой, как все. Что в нём есть что-то... особенное.

— Ты с ним разговаривала? — спросил я. — В школе?

— Нет, — она покачала головой. — Но я видела. Как он смотрит. Как двигается. Как иногда... исчезает. На неделю, на две. А потом возвращается, и от него пахнет чем-то странным. Сырым. Землёй.

— Вероника, — с напряжением произнесла Даша. — Ты пугаешь. Чё ты несёшь?

— Я и сама напугана, — она вдруг улыбнулась. Улыбнулась так, что у меня по спине пробежал холодок. — Но я его понимаю.

— Что значит — понимаешь? — Максим повернулся к ней всем корпусом. — Ты о чём вообще?

— О том, что он одинокий, — тихо сказала она. — Что ему тяжело. Что ему нужна кто-то, кто будет рядом. Не осуждать. Не бояться. Просто быть рядом.

В салоне повисла такая тишина, что я слышал звуки леса.

— Вероника, — я выбирал слова осторожно. — Ты... ты в него влюблена, да?

Она не ответила сразу. Смотрела на Давида, на его бледное, худое лицо, на слипшиеся от крови волосы, и в её взгляде было что-то, чего я раньше не видел. Что-то пугающее. Что-то, от чего хотелось отвести глаза.

— Да, — наконец сказала она. — Влюблена. Давно. Ещё с седьмого класса.

— Охренеть, — выдохнул Максим. — Ты хоть понимаешь, что это... это ненормально?

— А что нормального в том, что мы сейчас делаем? — она резко повернулась к нему. — Мы едем непонятно куда, в машине, которую угнали, после того как сбили человека. И ты мне говоришь про нормальность?

Мы все замолчали. Она была права. Про нормальность сейчас говорить было смешно.

— Ладно, — я вздохнул. — Давай не об этом. Давай о том, что делать дальше.

— Ехать, — сразу сказал Максим. — К трассе. К людям.

— А если трассы нет? — тихо спросила Даша.

— Будем искать, — пожал плечами он. — Или вернёмся к тому зданию. Там хотя бы крыша.

— Или к лагерю, — вдруг сказала Даша.

Все посмотрели на неё.

— Ты серьёзно? — Максим округлил глаза. — После всего, что там было?

— Я не хочу туда, — она быстро затрясла головой. — Но это вариант. Там есть люди. Там есть...

— Там есть ОНО, — закончил я.

— Да, — она кивнула. — Есть. Но там хотя бы понятно, чего бояться. А тут — непонятно. Тут мы одни. В темноте. С Давидом на заднем сиденье.

Она кивнула на Давида, и мы все невольно посмотрели на него. Он лежал так же неподвижно, только дыхание стало каким-то другим — более хриплым, более частым. И мне показалось — или это был свет от приборки? — что кожа у него на руках начала темнеть. Прямо на глазах.

— Девчонки, — я постарался, чтобы голос звучал ровно. — Давайте не будем сейчас про лагерь. Давайте просто доедем до рассвета. А там решим.

— Согласен, — кивнул Максим. — До рассвета. А там видно будет.

Мы помолчали. В салоне было тихо, только двигатель гудел, да Вероника тихо гладила Давида по волосам. Я смотрел в лобовое стекло, на узкую полоску дороги, выхваченную фарами, и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё неделю назад самой большой проблемой было то, что родители отправляют нас в лагерь. А сейчас...

— Арсений, — вдруг сказала Даша. — Посмотри на луну.

Я поднял глаза. В зеркале заднего вида, сквозь разбитое... нет, ещё целое заднее стекло, я увидел луну. Огромную. Белую. Такую яркую, что от неё на дороге лежали тени.

— Полнолуние, — тихо сказала Вероника. — Сегодня полнолуние.

— И что? — пожал плечами Максим.

— Ничего, — она пожала плечами. — Просто... красиво.

Мы ехали ещё минут двадцать. Я уже начал думать, где бы остановиться, чтобы передохнуть — не слишком далеко от дороги, но и не на виду, — когда с заднего сиденья донёсся звук.

Сначала я подумал, что это Давид очнулся. Какой-то стон, хрип. Но потом звук стал другим. Он стал... расти. Набухать. Превращаться из стоны в рык, из рыка — в рёв.

— Что это? — я посмотрел в зеркало.

И увидел.

Давид больше не лежал. Давида больше не было. На заднем сиденье, заполняя его целиком, от двери до двери, от потолка до пола, сидело нечто. Огромное. Чёрное. Покрытое короткой, жёсткой шерстью, которая дыбом стояла на широкой, горбатой спине. Длинные, неестественно тонкие руки с чёрными, загнутыми когтями упирались в потолок салона, оставляя в нём глубокие борозды. Голова — волчья, но не совсем, с вытянутой мордой и оскалом, в котором сверкали ряды жёлтых, острых, как бритвы, зубов — почти касалась крыши.

И глаза. Жёлтые. С вертикальными зрачками. Те самые.

— АРСЕНИЙ! МАКСИМ! — взвизгнула Вероника. — ЭТО ОБОРОТЕНЬ! ЭТО ДАВИД!

Я ударил по тормозам — инстинкт, рефлекс. Машина взвизгнула, занесло, но Максим дёрнул ручник, и мы выровнялись.

— НЕ ТОРМОЗИ! — заорал он. — ГАЗУ!

Я вдавил педаль в пол. Минивэн рванул вперёд, вжал нас в сиденья. Спидометр пополз вверх — сорок, пятьдесят, шестьдесят. Дорога под колёсами дрожала, машину трясло, голову било о потолок.

Существо на заднем сиденье взревело. Звук был такой, что у меня заложило уши, что зубы застучали друг о друга. Оно рванулось вперёд, и я увидел, как его когти тянутся к моей шее, к затылку, к рулю.

— ДЕРЖИТЕ ЕГО! — заорал я, не отрывая рук от баранки.

— ДА МЫ СТАРАЕМСЯ! — крикнула Даша. — ОН СИЛЬНЫЙ, БЛИН!

Я увидел в зеркале, как Максим схватил какой-то тяжёлый предмет — кажется, это был фонарик из багажника — и со всей дури ударил существо по морде. Зверь дёрнулся, зарычал, но не отступил. Он тянулся ко мне, и я чувствовал его запах — запах сырой земли, крови, чего-то гнилого, животного.

— АРСЕНИЙ, ЧТО ДЕЛАТЬ?! — Максим ударил снова. И снова.

Существо щёлкнуло зубами в сантиметре от его лица, и Максим отлетел в сторону, ударившись о дверь. Даша заорала — пронзительно, не своим голосом. Вероника... Вероника не кричала. Она сидела, прижавшись к двери, и смотрела на существо с каким-то странным, почти влюблённым ужасом.

И вдруг — хрусталь. Звонкий, оглушительный, как колокол. Заднее стекло разлетелось на тысячи осколков, и в салон хлынул холодный ночной воздух, пахнувший хвоей и озоном.

Я услышал выстрел.

Громкий, сухой, как удар хлыста. Что-то ударило существо в плечо, и оно взревело ещё громче — уже с ноткой боли. Я увидел, как из его шерсти брызнула тёмная, почти чёрная кровь.

— ВЫ ЧТО ТВОРИТЕ?! — заорал я.

— ВЫТАСКИВАЕМ ЕГО! — крикнул Максим в ответ. — ДЕРЖИ РУЛЬ!

Второй выстрел. Существо дёрнулось, взмахнуло длинными руками, и я почувствовал, как оно падает назад, как его тело проваливается в разбитое окно, цепляясь когтями за обшивку, оставляя глубокие борозды.

— ОНО ВЫПАЛО! — заорала Даша. — ОНО ВЫПАЛО!

— ГАЗУ! — Максим схватил меня за плечо. — ГАЗУ, АРСЕНИЙ!

Я вдавил педаль так, что она ушла в пол. Стрелка спидометра перевалила за восемьдесят. Машина летела по дороге, подпрыгивая на кочках, и я еле удерживал руль. В зеркале заднего вида я увидел существо — оно лежало на дороге, огромное, чёрное, с перекошенной от боли мордой. И позже побежало.

Быстро. Слишком быстро для своего размера.

— ОНО БЕЖЕТ ЗА НАМИ! — Вероника вдруг закричала так, что у меня кровь застыла в жилах. — ОНО ДОГОНЯЕТ!

Я посмотрел в зеркало — она была права. Существо сокращало расстояние, его длинные ноги мелькали, как поршни, его пасть была оскалена, из неё текла слюна.

— ДЕРЖИТЕСЬ! — заорал я.

Впереди — два поворота. Резких. Крутых. Я увидел их в свете фар за долю секунды до того, как мы к ним подъехали.

Я не думал. Я действовал.

Вывернул руль влево — машина взвизгнула, занесло, задницу понесло в кювет, но я выкрутил руль обратно, добавил газу, и минивэн чудом выровнялся. Мы пролетели первый поворот, потом второй — я даже не помню, как. Машина тряслась так, что, казалось, сейчас развалится на части, но мы не перевернулись.

Я глянул в зеркало — существа не было. Мы оторвались.

— ОТОРВАЛИСЬ! — крикнул я.

— НЕ СБРАСЫВАЙ! — заорал Максим. — ЕЩЁ ЧУТЬ-ЧУТЬ!

Я держал педаль в пол ещё минут пять. Может, десять. Потом, когда понял, что сердце готово пробить грудную клетку, а руки на руле превратились в желе, постепенно сбавил скорость. Семьдесят. Шестьдесят. Пятьдесят. Сорок.

— Вы все... целы? — спросил я, не отрывая глаз от дороги. Голос мой звучал чужим, хриплым.

— Целы, — тяжело дыша, ответил Максим. — Вроде.

— Девчонки?

— Живы, — донёсся голос Даши. — Напуганы. Но живы.

— Вероника?

Молчание.

— Вероника? — повторил я.

— Жива, — наконец отозвалась она. Голос был какой-то странный — тихий, отстранённый, будто она была не здесь.

Мы помолчали. В салоне было тихо — только гудение двигателя, наше тяжёлое дыхание и ветер, который свистел в разбитом заднем окне. Радио шипело, не работало — видимо, что-то замкнуло.

— Что... — я сглотнул. — Что это было?

— Оборотень, — тихо сказала Даша. — Это был оборотень.

— Откуда ты знаешь? — спросил Максим.

— Потому что сегодня полнолуние, — её голос дрожал. — Потому что он превратился. Потому что... потому что это был Давид.

Мы замолчали. Все поняли то же, что и я. Давид. Тот самый Давид, которого мы подбирали на дороге. Тот самый Давид, который вёл себя так странно всё это время. Тот самый Давид, в которого, как оказалось, была влюблена Вероника.

— Он оборотень, — тихо сказал я. — Наш одноклассник — оборотень.

— Да, — кивнула Даша. — Получается, да.

— Но как? — Максим покачал головой. — Как это вообще возможно?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Но факт есть факт. Он превратился. В полнолуние. Как в фильмах.

— В фильмах это красиво, — фыркнула Вероника. — А в жизни — это треш.

Она впервые за всё время выругалась. И это было так неожиданно, что мы все даже вздрогнули.

— Вероника... — начала Даша.

— Что Вероника? — она резко повернулась. — Ты что, думаешь, я не знала? Ты думаешь, я не догадывалась?

— Ты знала? — Максим округлил глаза.

— Догадывалась, — она провела рукой по лицу. — Я видела, как он исчезает в полнолуние. Как возвращается с царапинами. Как от него пахнет... этим. Сырым. Кровью. Я просто не хотела верить.

— И ты нам не сказала? — Даша посмотрела на неё с ужасом.

— А что я должна была сказать? — Вероника горько рассмеялась. — "Слушайте, мой одноклассник, в которого я влюблена, кажется, оборотень"? Вы бы мне поверили?

Мы замолчали. Она была права. Не поверили бы. Посчитали бы сумасшедшей.

— Ладно, — я вздохнул. — Сейчас не об этом. Сейчас надо остановиться. Я больше не могу. Руки не слушаются.

— Да, — кивнул Максим. — Давай остановимся. Где-нибудь подальше от дороги.

Я свернул на обочину, заглушил двигатель. Тишина обрушилась на нас так резко, что звенело в ушах. Только ветер шелестел в верхушках сосен, да где-то вдалеке ухал этот тупой филин. Один и тот же.

— Посидим тут? — спросил Максим.

— Нет, — я покачал головой. — Надо выйти. Осмотреться. Проверить, нет ли его рядом.

— Ты серьёзно? — Вероника посмотрела на меня так, будто я предложил ей голыми руками обнять его. — Ты хочешь выйти туда? К НЕМУ?

— Надо, — твёрдо сказал я. — Нельзя же просто сидеть в машине с разбитым окном. Вдруг он рядом. Вдруг он ждёт.

Мы посидели ещё минуту. Потом Максим открыл дверь и вышел наружу. Я последовал за ним. Девочки остались в машине — я не стал их уговаривать. Они и так достаточно натерпелись за сегодня.

Ночь была холодной. Ветер дул сильно, пронизывая насквозь, и я пожалел, что не взял куртку. Луна висела высоко над горизонтом — огромная, ярко-белая, почти ослепительная. Её свет был таким ярким, что сосны по бокам дороги казались серебряными, а тени от них — чёрными, как чернила.

— Никого нет, — тихо сказал Максим, оглядываясь. — Ни его, ни следов.

— Ты уверен? — я тоже огляделся.

— Уверен, — он пожал плечами. — Если бы он был рядом, мы бы его услышали. Он же орал так, что, наверное, на километр было слышно.

— Может, он затаился, — предположил я.

— Может, — согласился Максим. — Но я думаю, он ушёл.оборотни, они же... они же после превращения слабые. Им нужно восстановиться.

— Ты в оборотней тоже разбираешься? — усмехнулся я.

— А что? — он пожал плечами. — Фильмы смотрел. Книги читал.

— Серьёзно?

— Ну а ты нет? — он посмотрел на меня с усмешкой.

— Нет, — я покачал головой. — Я больше по машинам.

Мы рассмеялись. Смех получился нервным, но всё равно — смехом. Впервые за долгое время.

— Пойдём обратно, — сказал я. — Расскажем девчонкам.

Мы вернулись к машине. Даша и Вероника сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели на нас испуганными глазами.

— Никого нет, — сказал я.

— Ты уверен? — Даша посмотрела на меня с надеждой.

— Уверен, — кивнул я. — По крайней мере, рядом его нет.

— Слава богу, — выдохнула Вероника. — Я думала, он сейчас вернётся.

— Может, и вернётся, — мрачно заметил Максим. — Но не сейчас. Давайте спать. Завтра будет новый день.

— Новый день, — фыркнула Даша. — С оборотнем-одноклассником. Отличное начало.

Мы приготовились ко сну. Это было ещё одно приключение. Заднее стекло было разбито вдребезги, и холодный ветер дул в салон, неся с собой запах хвои и чего-то ещё — того самого, животного, сырого. Мы нашли какую-то тряпку и заткнули ею окно. Помогло не сильно, но хоть немного теплее.

Девочки устроились на передних сиденьях, мы с Максимом — сзади. Я закутался в штаны с военным принтом, Максим — в чёрную кофту. Было холодно, но не так, как могло бы быть.

— Всё, — сказала Даша. — Сладких снов.

— Ага, — ответили мы хором.

Мы лежали немного в тишине. За окном была ночь — настоящая, тёмная, с ветром в верхушках сосен и далёким уханьем ненавистного филина. Луна светила так ярко, что в салоне было почти светло.

Я слушал этот звук — уханье филина — и думал о том, почему это всегда происходит именно так. Почему, когда всё вроде бы успокаивается, когда мы находим минутку передышки, начинает ухать филин. Будто природа напоминает нам, что мы не одни. Что за нами кто-то наблюдает. Что мы — всего лишь гости в этом лесу, и хозяева этого леса не всегда к нам дружелюбны.

Сон пришёл не сразу. Он пришёл только под утро, когда небо на востоке начало сереть, а филин замолчал, устав от своего бесконечного уханья.

Глава 8. Послание

Я проснулся от голоса Даши. И не один я — рядом заворочался Максим, сонно хлопая глазами.

— Вставайте! — её голос был тонким, напряжённым, с теми самыми нотками паники, которые я научился узнавать за эти дни. — Вероника пропала. Её нигде не видно!

Я подскочил так резко, что головой ударился о потолок салона. Сон как рукой сняло. Огляделся — передние сиденья пусты. Даша стоит у открытой двери, в одних тапках и пижаме, и её глаза бегают по сторонам.

— Как пропала? — я вывалился из машины босиком. — Когда?

— Не знаю, — она пожала плечами, и я увидел, что её руки дрожат. — Я проснулась — её нет. Дверь была открыта. Я думала, она в кустах или... не знаю. Но её нигде нет.

Максим тоже вылез из машины, потирая глаза. Он был бледный, сонный, но уже сообщал.

— Давид? — спросил он первым делом.

— На заднем сиденье никого, — я заглянул внутрь. — Пусто.

Мы замерли. Все поняли одно и то же. Вероника. Давид. Оборотень. Полнолуние.

— Может, она просто... отошла? — неуверенно произнесла Даша. — В туалет, например.

— Сама в такое время? — Максим посмотрел на часы приборки. — В лес, где бродит оборотень, в который превратился её любимый?

— А что я должна думать?! — её голос сорвался. — Я не знаю! Я просто проснулась, и её нет!

— Тихо, — я поднял руку. — Паникой не поможем. Надо искать.

Мы разошлись кругом. Максим — в одну сторону, Даша — в другую, а я — прямо по дороге. Утро было серое, туманное, с тем самым липким, холодным туманом, который я уже успел возненавидеть. Сосны стояли молчаливыми стражами, их силуэты терялись в молочной пелене. Где-то вдалеке кричала сойка — резко, требовательно, как будто жаловалась на нас.

— Вероника! — кричал я, и мой голос тонул в тумане. — Вероника, отзовись!

Тишина. Только эхо, отражаясь от стволов, возвращалось ко мне искажённым, чужим.

— Вероника! — доносилось со стороны Максима.

— Вероника! — вторила Даша.

Мы ходили кругами минут двадцать. Может, полчаса. Обошли всё вокруг — кусты, деревья, канавы у дороги. Ничего. Ни следа, ни голоса, ни записки. Только туман, только молчаливые сосны, только сойка, которая теперь кричала где-то совсем близко, словно издевалась.

— Её нет, — сказал Максим, когда мы снова сошлись у машины. Он был бледнее обычного, и я заметил, что его руки тоже дрожат. — Совсем нет.

— Может, она ушла к трассе? — предположила Даша. — Самостоятельно. Решила, что мы не выберемся, и пошла сама.

— Одна? — я покачал головой.

— А вдруг она... — Даша не закончила. Но мы сообразили. Вдруг она не ушла. Вдруг её забрали.

Мы молча смотрели друг на друга. В воздухе висел вопрос, который никто не хотел проносить вслух: жива ли она?

— Пойдёмте в машину, — наконец сказал я. — Стоять тут бессмысленно.

Мы залезли внутрь. Я закрыл дверь, и салон сразу стал тесным, душным, наполненным запахом вчерашнего страха и чего-то ещё — того самого, животного, сырого, что осталось после оборотня.

— Так, — Максим хлопнул в ладоши, хотя звук получился вялым. — Давайте рассуждать логически. Что мы знаем?

— Мы знаем, что Вероника исчезла, — сказала Даша. Она сидела на переднем сиденье, обхватив колени, и смотрела в окно. — Ночью. Когда мы спали.

— Мы знаем, — я сглотнул, — что Давид превратился в оборотня. И что он сбежал из машины.

— Мы знаем, — Максим посмотрел на нас серьёзно, — что Вероника в него влюблена. И что она... понимала его. Больше, чем мы.

Повисла тишина. Тяжёлая.

— Вы думаете, она ушла к нему? — тихо спросила Даша.

— Не знаю, — пожал плечами я. — Может, да. Может, он её позвал. Может, она сама почувствовала. Я не знаю, как это работает.

— А может, он её просто... — Максим не договорил.

— Не надо, — Даша вдруг выпрямилась, и в её голосе появилась та самая сталь, которую я в ней ценил. — Хватит. Не надо сейчас об этом. Она жива. Я чувствую.

— Ты чувствуешь? — скептически спросил Максим.

— Да, чувствую, — она посмотрела на него вызывающе. — А ты что, предлагаешь сидеть и плакать?

— Я предлагаю думать, — он развёл руками. — А не надеяться на чувства.

— Хватит, — я поднял руку. — Оба правы. Но сейчас нам надо поесть. И решить, что делать дальше.

Мы достали еду. Запасы таяли на глазах — осталась последняя банка тушёнки, горстка сухарей, и воды в трёхлитровой бутылке было на доньшке. Мы поделили всё уже на троих — скромные порции.

— Знаете, — вдруг сказала Даша, откусывая сухарь, — а я, пожалуй, не так уж и переживаю за Веронику.

Мы с Максимом переглянулись.

— Это почему? — нахмурился он.

— Потому что я устала, — она пожала плечами. — Я устала её успокаивать. Устала бояться за неё. Устала быть взрослой, когда она ведёт себя как маленькая. Если она сама решила уйти — пусть идёт. Мы не няньки.

— Даш... — я не знал, что сказать.

— Не смотрите на меня так, — она фыркнула. — Я не бессердечная. Просто... у меня внутри щёлкнуло что-то. Я больше не могу тянуть всех на себе. Если Вероника решила, что ей лучше с оборотнем, чем с нами — это её выбор.

Мы помолчали. Она была права, и это было неприятно. Неприятно признавать, что мы тоже устали. Что мы тоже хотим, чтобы кто-то позаботился о нас. Что мы не железные.

— Ладно, — Максим доел свой сухарь и вытер руки о штаны. — Решаем, что делать дальше.

— Едем, — сразу сказал я. — К трассе. Других вариантов нет.

Мы вышли из машины. Я достал канистру — ту самую, красную, которую нашли в заброшенном здании. Бензина в ней оставалось немного, но на пару десятков километров должно было хватить. Я открыл капот, и начал аккуратно переливать топливо в бак. Максим с Дашей тем временем убрали салон — выметали осколки заднего стекла, выбрасывали мусор, застилали сиденья какой-то тряпкой, чтобы было мягче.

— Ну всё, — я закрыл капот. — Поехали.

Я сел за руль. Ключ в замке, поворот — двигатель завёлся с пол-оборота. Я выжал сцепление, включил первую, плавно отпустил педаль — и мы тронулись. На этот раз без рывков, без фокусов. Я уже привык к машине, к педалям, к рулю.

Максим потянулся к радио, покрутил ручку. Зашипело, потом щёлк — и полилась музыка. Какая-то весёлая, ритмичная, с простыми словами и заводным мотивом.

— О, это нормальная, — он улыбнулся. — Включу погромче.

Музыка заполнила салон, и нам сразу стало легче. Как будто вместе с мелодией в машину вошло что-то светлое, живое, настоящее.

— Классно, — Даша начала отбивать ритм на приборке. — Наконец-то что-то весёлое.

Мы поехали. Солнце поднималось всё выше, и туман начал рассеиваться. Лес вокруг был красивым — по-настоящему красивым, а не пугающим. Сосны стояли стройными колоннами, их стволы были тёплого, красноватого цвета. Хвоя блестела на солнце, и от неё шёл тот самый смолистый запах, который ассоциируется с летом и детством.

— Смотрите, — Даша показала в окно. — Белка!

Мы посмотрели — по ветке сосны, прямо над дорогой, прыгала маленькая, рыжая белка. Она была быстрой, ловкой, и на секунду остановилась, посмотрела на нас своими чёрными бусинками-глазами, и нырнула в густую хвою.

— Красиво, — тихо сказал Максим.

— Ещё бы, — кивнула Даша. — Лес-то хороший. Просто мы его неправильно видели.

— Из-за оборотня? — усмехнулся я.

— Из-за всего, — она пожала плечом. — Из-за лагеря. Из-за Ольги Андреевны. Из-за Вероники.

Мы помолчали. Имя Вероники снова повисло в воздухе, но уже не такое тяжёлое, как утром.

Мы ехали часа два. Дорога петляла между соснами, то поднимаясь в горку, то уходя в низину. Пейзаж не менялся — лес, лес, лес. Но нам было всё равно. Главное — мы ехали. Мы двигались. Мы выбирались.

— Слушай, — вдруг сказал Максим. — Давай остановимся. Я есть хочу. И в туалет.

— Согласен, — я кивнул. — Я тоже.

Я плавно притормозил и остановил машину у обочины. Мы вышли, размяли ноги, сходили в лес — кто по каким делам. Вернулись, поели — последняя банка тушёнки, глоток воды.

— Всё, — я вытерся тряпкой. — Я больше ехать не могу. Руки не слушаются. Спина отваливается.

— Давай я, — Максим сразу поднялся. — Я отдохнул, я в форме.

— Ты в форме? — усмехнулась Даша. — Ты всю дорогу спал.

— Тем более, — он пожал плечами. — Отдохнувший водитель — лучший водитель.

Мы поменялись местами. Я сел на самое заднее сиденье, подтянул колени к груди и прилёг. Даша села рядом с Максимом на переднее.

— Ну что, инструктор, — Максим посмотрел на меня через плечо. — Что делать?

— То же, что и я, — я закрыл глаза. — Сцепление, газ, передача. Плавно. Всё плавно. Сам же ты мне это и говорил.

— Понял, — он кивнул. — Поехали.

Двигатель заурчал, машина тронулась. Максим оказался неплохим водителем. Я услышал, как Даша что-то ему показывает, как он смеётся, как они о чём-то спорят. Но позже я уже и не слышал их — сон накатывал волнами, тяжёлыми, тёплыми, и я провалился в него.

Мне снился кошмар.

Мы бежали по лесу. Я, Максим, Даша — втроём. За нами гнались двое — Вероника и Давид. Только Давид был не человеком, а оборотнем — огромным, чёрным, с жёлтыми глазами и оскалом, в котором сверкали острые, как бритвы, зубы. А Вероника... Вероника бежала рядом с ним, держала его за руку, смеялась. Её лицо было счастливым, влюблённым, и в её глазах горел тот самый странный, фанатичный огонь, который я видел в салоне минивэна.

— Догоняй их! — кричала она нам, и её голос звучал чужим, почти звериным. — Мы вас поймаем!

Мы бежали, ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги. Оборотень рычал, его когти скребли по коре, его дыхание было горячим, влажным, у моей шеи. Вероника смеялась, и этот смех был страшнее рыка.

— Вы нас предали! — кричала она. — Вы не поняли! Вы не приняли!

И вдруг оборотень настиг меня. Его пасть раскрылась, зубы сомкнулись вокруг моей головы, и я почувствовал, как он начинает меня жевать, как его слюна течёт по моему лицу, как...

— А! — я дёрнулся и открыл глаза.

Салон минивэна. Музыка играет. Солнце на закате. Даша и Максим сидят впереди, о чём-то тихо переговариваются.

— ...может, скажем ему? — шептала Даша.

— Ну не знаю, — шептал в ответ Максим. — Может, потом. Когда проснётся.

— А если не обрадуется?

— А что тут радоваться? — он пожал плечами. — Факт есть факт.

Я приподнялся на локтях.

— Я проснулся, — сказал я.

Они оба дёрнулись, как от удара током. Даша побледнела, Максим обернулся, и в его глазах я увидел то, что бывает только у людей, которых поймали на чём-то нехорошем.

— О, — он откашлялся. — Выспался?

— Да, — я сел, потирая глаза. — Что вы от меня скрываете?

Они переглянулись. Даша закусил губу, Максим почесал затылок.

— Да ничего, — он пожал плечами. — Просто... мы тут пока ты спал, решили бардачок открыть.

— И? — я посмотрел на него с подозрением.

— И нашли много всякой мелочи, — Даша потянулась к перчаточному ящику и открыла его. — Документы какие-то старые. Жвачки. Монеты. Ключи непонятные. И...

Она замолчала. Протянула мне сложенную вчетверо бумажку.

— И послание от Вероники, — тихо закончила она.

Я замер. Руки, которые тянулись к бумажке, повисли в воздухе.

— Что? — я не поверил своим ушам. — От Вероники?

— Да, — кивнул Максим. — Она оставила. В бардачке. Когда... ушла.

Я взял бумажку. Пальцы дрожали. Развернул.

Почерк был аккуратный, ровный — тот самый, которым Вероника писала сочинения в школе. Но слова... слова были тоже её. Слова были в её типичном стиле — возвышенными, почти поэтическими, будто их писал не пятнадцатилетний подросток, а какой-нибудь писатель из прошлого века.

И я начал читать.

"Друзья мои, что ж, прощайте,

Коль не смогли понять меня.

Вы в сердце моём — как чужие,

Хоть и делили дни, огня

Не видя в глазах моих томных.

Вы жалили меня, как больную,

Как сложенную, как пустую,

Но не как живую, не как вольную.

Вы не видели света во тьме,

Что горел в нём, в моём единственном.

*Вы смеялись над чувством моим,
Называли его постыдным.
Но любовь — не болезнь, не позор,
А огонь, что сжигает дотла.
Вы не поняли мой разговор
С тем, кого душа обрела.
Он — не зверь, как вы говорите,
Он — душа, что в оковах плоти.
Он — мой свет, мой маяк, мой щит,
В этом мире, полном заботы.
Вы же видели в нём лишь угрозу,
Лишь опасность, лишь тьму, лишь страх.
А я видела в нём слезу,
Что блестела в его глазах.
Вы судили, не зная сути,
Осуждали, не понимая.
Вы в своей праведной мути
Не заметили, как я,
Ухожу от вас навсегда.
Не ищите, не ждите, не зовите.
Я нашла свою звезду,
А вы — свою пустоту храните.
Простите, если смогу,
Но не жду я прощенья в ответ.
Я с тем, кого так берегу,
Ухожу в рассвет, где бед
Нет, где только мы — и тишина,
Где любовь сильнее, чем страх.
Прощайте. Я больше не одна.
Я — в его объятиях. Навсегда."*

Я читал эти строки, и у меня внутри всё похолодело. Буквы плясали перед глазами, складываясь в образы — образ Вероники, которая пишет это письмо дрожащей рукой. Образ Давида, который ждёт её в лесу. Образ нас — троих, которые сидят в машине и не понимают ничего.

Я поднял глаза. Даша и Максим смотрели на меня с тревогой.

— Ну... — Максим сглотнул.

Я сложил бумажку, положил на колени. Смотрел в окно, где мелькали сосны, и думал о том, как же мы ошибались. Как же мы не понимали. Как же мы были слепы.

— Арсений? — тихо позвала Даша.

— Я в порядке, — сказал я.

Мы помолчали. Музыка играла, солнце уходило за горизонт, дорога бежала вперёд. Но внутри у меня была пустота. Пустота, которую заполняло только одно — слова Вероники, которые звучали в моей голове, как приговор.

"Я — в его объятиях. Навсегда."

Глава 9. Круги по лесу

Мы ехали дальше. Солнце уже начало садиться, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона, но нам было не до красоты. Спать никому особо не хотелось — слишком много всего навалило за этот день, слишком много мыслей крутилось в головах, и каждая из них была тяжёлой, как камень.

— Давайте поедem ночью, — сказал Максим, не отрывая глаз от дороги. Его голос был твёрдым, решительным. — Чем быстрее доедем до трассы, тем лучше. Не хочу ещё одну ночь провести в этом стрёмном лесу.

— Согласен, — кивнул я с заднего сиденья, устраиваясь поудобнее. — Усталости нема, только желание выбраться отсюда. Как можно скорее.

— Я тоже не хочу спать, — добавила Даша, поворачиваясь к нам. — Лучше болтать будем. Мне сейчас сон не поможет.

— О чём? — спросил Максим, бросив на неё быстрый взгляд.

— О чём угодно, — она пожала плечами. — Только не о Давиде и Веронике. Пожалуйста. Не хочу сейчас об этом думать. Не могу.

— Договорились, — я подложил руку под голову и откинулся на спинку сиденья.

И мы начали болтать. О всякой ерунде — о школе, о дурацких правилах, о том, как Максим однажды забыл форму на физру и пришёл в джинсах, а физрук заставил его бегать кругами по стадиону, пока он не взмолился о пощаде. О том, как я в третьем классе упал со сцены на утреннике и расплакался прямо перед всеми родителями. И о том, как Даша боялась всяких ненастоящих духов.

Мы смеялись, и этот смех был настоящим, помогающим держать оборону от накатывающего отчаяния. Смех, который напоминал нам, что мы всё ещё люди, что мы всё ещё друзья, что мы всё ещё можем радоваться мелочам, даже когда мир вокруг рушится.

За окнами темнело быстро. Небо стало сначала фиолетовым, потом синим, потом угольным. Сосны по бокам дороги вновь превратились в чёрные силуэты, и лес стал казаться огромным, враждебным существом, которое смотрит на нас тысячами невидимых глаз. Максим включил фары, и мы ехали по узкой полосе света, как по канату, не видя ничего по бокам.

Мы болтали ещё часа два. Потом ещё час. Время тянулось медленно, но мы не замечали его — слишком увлечены были разговорами, воспоминаниями, смехом. За окнами мелькали одни и те же сосны, одни и те же повороты, один и тот же пейзаж. Но нам было всё равно. Главное — мы ехали. Мы двигались вперёд. Мы выбирались.

Мы проехали так около четырёх часов. И вдруг, когда небо на востоке начало светлеть, предвещая рассвет, когда первые лучи солнца пробились сквозь облака, Даша вдруг выпрямилась и закричала:

— Свет!

Я приподнялся, посмотрел вперёд. Вдалеке, между деревьями, виднелся знакомый огонёк. Маленький, тусклый, но живой.

— Свет! — заорал Максим, и в его голосе прорезалась надежда. — Наконец-то! Цивилизация!

Я почувствовал, как внутри поднимается радость — настоящая, светлая, такая, какой не было уже много дней. Люди. Помощь. Конец этому кошмару.

— Газуй! — крикнул я. — Быстрее!

Максим нажал на газ, и машина рванула вперёд. Огонёк приближался, становился ярче, чётче. Мы уже видели, что это — фонарь.

— Сейчас будет трасса! — крикнула Даша. — Сейчас будут люди!

Мы мчались, и радость росла с каждой секундой. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и мы вырвемся из этого леса, из этого кошмара, из этого...

Но радость была недолгой.

Подъехав ближе, мы заметили знакомую, покосившуюся будку охраны, из которой и горел этот одинокий свет. А рядом с ней лежал сломанный деревянный шлагбаум, который мы уже видели однажды. Тот самый, через который мы переехали в первую ночь.

Все были в шоке. Мы затормозили так резко, что меня подбросило на заднем сиденье.

— Это... это «Солнышко», — прошептал я, не веря своим глазам.

— Как?! — Максим ударил ладонью по рулю. — Мы же ехали прямо! Мы не сворачивали!

— Сворачивали, — тихо сказала Даша, глядя в окно. — Помнишь, когда ехали от оборотня? Арсений свернул налево, потому что там дорога казалась шире. А потом ещё раз, у того большого валуна. И ещё раз, когда объезжали упавшее дерево. Мы просто заблудились в этом лесу и нарезали круги.

В этом не было никакой мистики или аномалии. Просто ночь, туман, усталость и незнакомая местность сделали своё дело. Мы вернулись туда, откуда уехали.

Мы заехали на парковку у административного корпуса. Машин не было ни одной — все уехали во время эвакуации. Но сам лагерь не выглядел как постапокалиптические руины. Он был просто немного неухоженным: трава на аллеях вылезла, на асфальте валялся какой-то мусор, принесённый ветром, на некоторых корпусах совсем чуть-чуть облупилась краска. Но здания стояли целые. Практически все окна были на месте, двери — тоже. Просто всё выглядело так, будто сюда давно не заглядывали хозяева.

Мы заглушили двигатель и устроили бурную, долгую беседу прямо в салоне. Спорили, ругались, предлагали разные варианты.

— Может, уедем снова? — предложила Даша.

— И снова заблудимся, — покачал головой Максим. — Нет, надо действовать по-другому.

— Надо осмотреть лагерь, — сказал я. — Может, найдём карту. Или телефон. Или что-то, что объяснит, что тут происходит.

— И заехать к домику, — я посмотрел на наш корпус. — За вещами. Там наши телефоны. Там наша одежда.

— Согласен, — кивнул Максим. — Пойдёмте.

Мы вышли из машины и пошли к пятнадцатому домику. Утро было серое и туманное, как в ту ночь. Сосны стояли молчаливыми стражами, их силуэты терялись в молочной пелене.

Мы подошли к домику — и разочарованно переглянулись.

Дверь была приоткрыта. Мы зашли внутрь. Это были не развалины, но полный хаос. Вещи были разбросаны, кровати смяты, шкафы распахнуты. Видно было, что здесь кто-то искал что-то или просто устроил беспорядок во время паники. Мы начали лихорадочно рыться в своих вещах, но телефонов не было. Нигде. Только разорванные футболки, сломанная расчёска Даша и какие-то обрывки бумаг.

— Ничего нет, — устало констатировал Максим, вытирая лоб. — Всё забрали или разбросали.

— Ну как такое может быть? — возразил я и спустя время отчаянно добавил. — Пошли в столовую. Есть хочется ужасно.

Столовая оказалась на удивление целой. Да, на столах был слой пыли, но в подсобных помещениях мы нашли то, что искали. Еда была. Консервы, пара пачек сухих макарон, немного чёрствого, но вполне съедобного хлеба и, что самое главное, несколько целых бутылок с водой. Видимо, во время спешной эвакуации пару дней назад сюда просто не успели заглянуть, или это был стратегический запас.

Мы позавтракали за одним из не сломанных столов в главном зале. Ели молча, но это была хорошая еда, вернувшая нам немного сил.

Позавтракав, мы выдвинулись дальше бродить по лагерю. Ходили по аллеям, заглядывали в пустые корпуса, искали хоть что-то полезное — фонарики, верёвки, аптечку и так далее.

И в конце концов, сидя на скамейке у старого фонтана, мы заговорили о том, что старались игнорировать всю дорогу. О странности Давида и о сумасшедшей, сбежавшей Веронике.

— Он всегда был странным, — задумчиво сказал Максим, подбрасывая камешек. — Вечно эти его отлучки в санатории. А запах... помните, он иногда приходил в класс и от него пахло сырой землёй? Мы думали, он просто в грязи возится.

— А Вероника... — Даша покачала головой. — Я всё не могу поверить. Она же как бы нормальная была. Ну, замкнутая, да. Но чтобы вот так, взять и уйти к... к этому? Это же чистое безумие.

— Она была влюблена, — тихо сказал я, вспоминая её письмо. — Для влюблённых логика не работает. Особенно для таких. Она видела в нём не монстра, а того, кого хотела видеть. И теперь они где-то здесь, в этом лесу.

Мы помолчали, осознавая жуткую реальность: мы ходим по одному лесу с тем, кого Вероника назвала своей «звездой».

— Нам нужно найти какую-нибудь карту или хотя бы понять, где мы точно находимся, — сказал Максим, вставая. — Пошли в кабинет директора. Там точно должна быть карта местности или какие-то документы.

Мы поднялись на второй этаж административного корпуса. Дверь в кабинет директора была не заперта. Внутри было пыльно, но относительно аккуратно. Мы начали обыскивать полки и ящики стола.

И тут Даша, которая рылась в нижнем ящике, тихо позвала нас:

— Ребят... смотрите, что я нашла.

Она вытащила толстую, потрёпанную папку с надписью «Спецпроект "Солнышко". Объект 4». Мы переглянулись. Я открыл папку. Внутри лежали не обычные лагерные документы, а медицинские отчёты, странные графики лунных циклов и фотографии.

На одной из фотографий, сделанной, судя по всему, издалека, был изображён Давид. Но не тот Давид, которого мы знали. На фото он стоял на опушке леса, и даже на снимке было видно, как меняется его фигура, как вытягиваются конечности.

А под фотографией была приписка рукой директора: «Объект становится всё более нестабильным. Изоляция в лагере больше не работает. Необходима срочная транспортировка в закрытое учреждение. Риск для персонала и отдыхающих критический».

Мы стояли и смотрели на эти бумаги, и тишина в кабинете стала звенящей. Мы не просто наткнулись на оборотня. Лагерь «Солнышко» был для него не местом отдыха.

Он был его тюрьмой.

Глава 10. Охота на людей

Мы стояли и смотрели на эти бумаги, и тишина в кабинете стала звенящей. Я не мог оторвать взгляд от фотографии — от того, как фигура Давида на ней искажалась, становилась чем-то нечеловеческим, пугающим. И от приписки директора. "Объект". "Закрытое учреждение". "Критический риск".

— Это... это бред, — наконец выдал Максим. — Какой-то бред. Директор с ума сошёл.

— Не похоже, — я перевернул страницу. — Тут медицинские отчёты. Настоящие. С печатями. С подписями врачей.

Даша взяла один из отчётов и начала читать вслух, хотя голос её дрожал:

— "Объект 4, мужской пол, пятнадцать лет. Врождённая аномалия, проявляющаяся в периодических трансформациях, совпадающих с лунными циклами. Во время трансформации объект демонстрирует повышенную агрессию, силу, скорость. Контроль над состоянием отсутствует. Рекомендуются постоянная изоляция..."

Она замолчала. Мы переглянулись.

— Врождённая, — тихо сказал я. — То есть он таким родился. Это не проклятие, не укус, не... не фигня из фильмов. Он просто... такой.

— И родители знали? — Даша опустила отчёт. — Они знали, что их сын... что он такое? И что сделали? Сдали сюда? В лагерь?

— Не в лагерь, — Максим указал на папку. — В тюрьму. Это не лагерь.

Мы начали лихорадочно перебирать документы. Их было много — слишком много. Графики, таблицы, какие-то схемы. Письма от родителей Давида, в которых они умоляли "продлить срок содержания" и обещали "регулярно оплачивать расходы". Отчёты о "инцидентах" — один за другим, с регулярностью в несколько месяцев. "Объект вырвался из изолятора. Повреждён персонал. Ущерб минимизирован". "Объект снова стабилен. Переведён в усиленный изолятор".

— Боже, — прошептала Даша. — Тут целая история. Годы.

— И мы приехали сюда, — я обвёл рукой кабинет. — Прямо к нему. Родители знали, что мы будем в одном лагере с ним?

— Может, нет, — пожал плечами Максим. — Может, родители думали, что это обычный лагерь. А директор просто... использовал ситуацию. Давид ему нужен был для чего-то. Для денег, может. Родители же платили.

— А как же мы? — Даша посмотрела на меня. — Как мы вообще тут оказались? Почему именно мы?

— Странное совпадение, — я пожал плечами. — Просто очень странное совпадение. Наши родители отправили нас сюда, родители Давида отправили его сюда. И всё.

— Слишком много этих совпадений, — покачал головой Максим. — Лагерь в глуши. Один оборотень. И мы — четвёрка подростков, которые случайно оказались рядом. Это не совпадение.

— А что тогда? — я развёл руками. — Заговор?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Но что-то тут не так. Очень не так.

Мы продолжили рыться в бумагах. Нашли ещё несколько папок — с именами других "объектов". Однако Давид сбегал и из них. Мы были в полном недоумении.

— Но почему милиция не знает? — Даша вдруг выпрямилась. — Почему никто не знал? Почему полиция, прокуратура, кто угодно? Как можно держать подростка-оборотня в лесу годами и никому не говорить про это?

— А кто расскажет? — я горько усмехнулся. — Его родители? Они сами его сюда сдали. Персонал? Они либо замешаны, либо запуганы, а может оплачены. А сам Давид... он же не человек в эти моменты. Он же... он же зверь.

— Но он человек, — тихо сказала Даша. — В остальное время. Он же ходил в школу. У него же были друзья. Ну, одноклассники. Он же... он же не виноват, что он такой.

Мы замолчали. Это была мысль, которую никто не хотел произносить вслух. Давид — не злодей. Он — жертва. Жертва своей природы, своих родителей, директора, всей этой системы.

— Но это не меняет того факта, что он хотел нас убить, — твёрдо сказал Максим. — И что Вероника...

Он не договорил. Имя Вероники повисло в воздухе, тяжёлое, как свинец.

— Что Вероника? — тихо спросила Даша.

— Что она с ним, — закончил Максим. — Что она его выбрала. Нас — предала. Его — выбрала.

— Она влюблена, — я вспомнил её письмо. — Она не видит в нём монстра. Она видит... кого-то другого. Кого-то, кого мы не видим. Обычного человека может.

— Она сумасшедшая, — фыркнул Максим. — Чистая сумасшедшая.

— Может быть, — согласился я. — Но она же не всегда такая была. Помните, в школе? Она была нормальной. Замкнутой, да. Но нормальной.

Мы замолчали. Каждый думал о своём. О Веронике. О Давиде. О том, что мы узнали. О том, что нас ждёт дальше.

— Надо уходить, — наконец сказал я. — Нам надо взять эти документы и уходить. В них — правда. В них — всё. Если мы донесём это до милиции, до кого угодно...

— До милиции, — фыркнул Максим. — А ты уверен, что милиция не замешана? Что они не знают про эти "объекты"? Что они не работают на того, кто за этим стоит?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Но попробовать надо. Хуже уже не будет.

— Хуже будет, если нас поймают, — тихо сказала Даша.

Мы снова замолчали. И в этот момент услышали звук.

Шаги.

Тяжёлые, размеренные шаги в коридоре. Кто-то шёл по второму этажу административного корпуса. Медленно, тихо, не спеша. И — что было хуже всего — не один. Два человека. А может, больше.

— Тихо, — прошептал я, и сердце моё ухнуло куда-то вниз. — Кто-то идёт.

Максим побелел. Даша прижала ладонь ко рту. Мы переглянулись, и в наших глазах был один и тот же вопрос: кто?

Шаги приближались. Уже совсем близко.

— Прячемся, — выдохнул я. — Быстро.

Максим рванулся к шкафу в углу — большому, старому, с зеркальной дверцей. Он дёрнул её — открылась. Он нырнул внутрь, аккуратно притворив за собой дверцу. Я увидел, как в щели мелькнуло его бледное лицо, и исчезло.

Даша метнулась к окну, за которым висела тяжёлая, пыльная штора. Она юркнула за неё, прижавшись к стене, и штора закачалась, прежде чем замереть.

Я огляделся. Шкаф занят. Штора занята. Остался только стол — большой, массивный, директорский, с длинной скатертью до пола. Я нырнул под него, подтянул колени к груди и задержал дыхание. Скатерть упала вокруг меня, как занавес, и я оказался в полной темноте. Пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — тем самым, животным, сырым запахом, который я уже научился узнавать.

Сердце колотилось так громко, что мне казалось — его слышно во всём кабинете. Я прижал ладонь к груди, пытаюсь унять его, но оно не слушалось. Дыхание стало частым, прерывистым. Я заставил себя дышать медленно, глубоко, через нос.

Шаги остановились у двери.

Я услышал голоса. Два голоса. Один — низкий, хриплый. Другой — мягкий, женский, знакомый до боли.

Давид с Вероникой.

— Может, они тут? — голос Вероники. Мягкий, но напряжённый.

— Ищи их повсюду, — ответил Давид. Его голос был другим. Не таким, как в школе. Не таким, как на дороге. Он был глубоким, утробным, с какими-то странными нотками, которые заставляли мою кровь стыть в жилах. — Они не могли уйти далеко.

Дверь кабинета открылась. Я увидел, как в щель под скатертью мелькнули ноги — две пары. Одни — в больших, тяжёлых ботинках, с какими-то странными, нечеловеческими пропорциями. Другие — в знакомых тапках с мишками. Вероникиных.

Они вошли в кабинет. Я видел только их ноги. Давид — в своих странных ботинках — подошёл к столу. Вероника — в тапках — остановилась рядом.

— Тут никого нет, — сказала она.

— Проверь, — ответил он.

Я услышал, как она начала обходить кабинет. Её шаги были лёгкими, почти неслышными. Она подошла к шкафу. Я увидел, как дверца слегка дёрнулась — это Максим, внутри, прижался к стенке, чтобы его не заметили.

Она подошла к окну. Штора закачалась — это Даша, внутри, задержала дыхание.

— Да пусто тут, — сказала она.

Она обошла весь кабинет. Я видел, как её тапки мелькают в щели под скатертью. Она подошла к столу. Остановилась. Я задержал дыхание, прижался к полу, закрыл глаза.

Она наклонилась. Я увидел, как её лицо появилось в щели под скатертью. Бледное, с тёмными кругами под глазами, с тем самым странным, фанатичным блеском в глазах. Она смотрела чуть ли не на меня.

Я замер. Не дышал. Не моргал. Просто смотрел на неё, и молил все силы мира, чтобы она не заметила меня.

Она смотрела секунду. Две. Три.

— Никого, — наконец сказала она, выпрямляясь.

Я выдохнул. Тихо, незаметно, но выдохнул.

Они встали в начале кабинета, у двери. Я видел их со спины — Давид, огромный, горбатый, с нечеловеческими пропорциями. Вероника — маленькая, хрупкая, рядом с ним.

— Они где-то здесь, — сказал Давид. — Чувствую.

— Может, они уехали? — предположила Вероника.

— Не уехали, — он покачал головой. — Машина на месте. Они не могли уехать.

— Тогда где?

— Ищем, — он рыкнул. — Ищем повсюду. Они не уйдут. Не в этот раз.

Я слушал их разговор, и у меня внутри всё похолодело. Они говорили о нас, как о добыче. Как о диких зверях, которых нужно выследить, поймать, убить.

— Зачем они нам? — тихо спросила Вероника. — Зачем нам их ловить?

— Они знают, — ответил Давид. — Они видели. Они знают, что я такое. Они не будут молчать.

— А если будут? — она посмотрела на него. — Что ты сделаешь?

— То, что должен, — он пожал плечами. — Они не должны уйти. Никто не должен уйти.

— А я? — тихо спросила она. — А я тоже не должна уйти?

Он повернулся к ней. Я увидел, как его рука — длинная, тонкая, с нечеловеческими пальцами — легла на её плечо. Нежно. Почти ласково.

— Ты — другая, — сказал он. — Ты — со мной. Ты — поняла. Ты — приняла.

— Я поняла, — прошептала она. — Я всегда понимала.

Они помолчали. Потом Давид снова заговорил:

— Идём. Надо проверить столовую. Потом — домики. Потом — парковку. Они не сбегут.

Они развернулись и вышли из кабинета. Я услышал, как их шаги удаляются по коридору — тяжёлые, нечеловеческие шаги Давида, и лёгкие, почти неслышные шаги Вероники.

Я сидел, не двигаясь, не дыша. Слушал, как шаги удаляются. Как стихают. Как затихают совсем.

Прошла минута. Две. Пять.

— Арсений? — тихий шёпот Максима из шкафа. — Ушли?

— Кажется, — прошептал я в ответ.

— Даш? — позвал Максим.

— Тут я, — донёсся её шёпот из-за шторы. — Жива.

Мы помолчали ещё немного. Прислушивались. Тишина. Только ветер за окном.

— Вылезает, — сказал я.

Я вынырнул из-под стола, отряхнулся, вытер ладонью пот со лба. Руки дрожали. Максим вылез из шкафа — бледный, с красными глазами, но целый. Даша вышла из-за шторы — расчёпанная, с пылью на одежде, но тоже целая.

Мы переглянулись.

— Они нас ищут, — тихо сказал я. — Они знают, что мы здесь. Они хотят нас поймать.

— И убить, — добавил Максим. — Ты слышал, что он сказал. "Они не должны уйти".

— Он не говорил "убить", — тихо возразила Даша.

— Подразумевал, — фыркнул Максим. — Не притворяйся, Даш. Не сейчас.

Мы помолчали. Я посмотрел на папку с документами, которая всё ещё лежала на столе.

— Надо брать, — сказал я. — Всё. Папку, фотографии, отчёты. Всё. Это — наша улика. Наша правда. Если мы донесём это до милиции...

— Если донесём, — покачал головой Максим. — Сначала надо выбраться отсюда. А потом уже думать о милиции.

— Согласен, — я начал собирать документы. — Берём всё. И идём к машине. Осторожно. Если они нас увидят...

— Не увидят, — твёрдо сказала Даша. — Мы же в прятки играли в детстве. Мы умеем прятаться.

— Прятки и охота на людей — разные вещи, — фыркнул Максим.

— Хватит, — я поднял руку. — Берём документы. Идём к машине.

Мы собрали папку, фотографии, отчёты — всё, что нашли. Я сунул это всё в рюкзак, который нашёл в одном из ящиков. Рюкзак был старый, пыльный, но целый. Я закинул его на спину, и мы двинулись к двери.

— Тихо, — прошептал я. — Слушаем.

Мы замерли у двери. Прислушались. Гробовая тишина.

— Чисто, — прошептал Максим. — Идём.

Мы вышли в коридор. Осторожно, на цыпочках, прижимаясь к стенам. Коридор был длинным, тёмным, с облезлыми стенами и покосившимися дверями. Мы шли медленно, прислушиваясь к каждому звуку, оглядываясь через плечо.

— Туда, — прошептал я, указывая на лестницу. — Вниз, к выходу.

Мы спустились по лестнице. Максимально осторожно, чтобы не скрипнула ни одна ступенька. Вышли на первый этаж. Коридор был пуст. Двери — закрыты.

— К парковке, — прошептал Максим. — Через чёрный ход.

Мы нашли чёрный ход — маленькую дверь в конце коридора, которая вела на задний двор административного корпуса. Я потянул ручку — открылась. Мы выскользнули наружу.

Задний двор был полностью пуст. Только несколько скамеек, урна, и вдалеке — парковка, на которой стоял наш минивэн.

Мы побежали. Пригибаясь, прячась за скамейками, урнами, деревьями. Сердце колотилось, дыхание сбилось, но мы бежали. Бежали, как никогда в жизни.

Вот мы уже и добежали до парковки. Минивэн стоял на месте — грязный, ржавый, с разбитым задним стеклом. Но он был уже родной.

— Быстрее, — прошептал Максим, открывая дверь. — Садитесь.

Мы запрыгнули в салон. Максим — за руль, я — рядом, Даша — назад. Он захлопнул дверь, повернул ключ — двигатель заурчал.

— Поехали! — крикнул я.

Максим включил передачу, нажал на газ — машина тронулась. Мы вылетели с парковки, развернулись, поехали к шлагбауму.

— Получилось! — крикнула Даша. — Мы выбрались!

— Мы молодцы! — Максим ударил по рулю. — Мы их обыграли!

Мы рассмеялись. Нервно, истерично, но рассмеялись. Мы выбрались. Мы живы. У нас есть документы. Мы доедем до трассы, доедем до города, доедем до милиции. Мы всё расскажем. Нас услышат. Нам помогут.

Мы ехали минут пять. Максим вёл уверенно, быстро, не сбавляя скорости. Я смотрел в окно, на мелькающие сосны, и чувствовал, как внутри поднимается облегчение. Мы выбрались. Мы живы. Всё будет хорошо.

— Слушай, — вдруг сказал Максим, не отрывая глаз от дороги. — А бензина-то нам хватит?

Я замер.

— Что? — я посмотрел на него.

— Бензина, — он повторил. — Нам до трассы ехать. А бензина в баке — на доньшке.

— Ну да, — я пожал плечами. — Но у нас же есть канистра. В багажнике.

— Ага, — он посмотрел на меня. — А ты сколько залил в прошлый раз?

Я замер. Вспомнил. Вспомнил, как стоял у капота, как переливал бензин из красной канистры в бак. Вспомнил, как мне казалось, что я залил всё, что не осталось про запас.

— Я... — я сглотнул. — Я вылил всё.

Максим посмотрел на меня. Даша посмотрела на меня. В их глазах я увидел то, что чувствовал сам — ужас.

— Всё? — тихо спросил Максим.

— Всё, — я опустил голову. — Я думал, что оставил немного. Но... я вылил всё.

Мы замолчали. Машина ехала, двигатель гудел, но я уже чувствовал, как он начинает глохнуть. Как стрелка указателя топлива медленно, но верно ползёт вниз. К нулю.

— Офигеть, — выдохнул Максим. — Мы без бензина.

— И что же теперь? — тихо, с испугом спросила Даша.

Я не ответил. Потому что ответа не было. Мы были в лесу. Без бензина. Без связи. Без надежды. И где-то там, в этом лесу, нас искали двое — оборотень и девушка, которая его любила.

И они не остановятся. Пока не найдут нас.

Глава 11. Ловушка

Машина начала дёргаться. Двигатель кашлял, чихал, словно простуженный старик. Максим вдавил педаль газа, но это не помогало. Машина теряла скорость, ползла всё медленнее, медленнее...

— Держись! — крикнул он, но было уже поздно.

Двигатель заглох.

Тишина обрушилась на нас так резко, что звенело в ушах. Только ветер шелестел в верхушках сосен.

Максим попробовал завести машину. Старенький стартер вяло провернул пару раз — чих, чих, скрежет — и замолк. Он повернул ключ снова. Снова тишина. И снова.

— Да ну боже мой, — выдохнул он, ударив ладонью по рулю. Голос его дрогнул, и в этом коротком жесте я увидел всё его отчаяние.

— Что случилось? — тихо спросила Даша, хотя уже знала ответ.

— Бензин кончился полностью, — Максим откинулся на спинку сиденья и провёл дрожащей рукой по лицу. — Завести не получается.

Я посмотрел в лобовое стекло. Мы остановились посреди дороги, между соснами. Впереди была только серая лента грунтовки, уходящая в туман. А сзади... сзади был лагерь. И они.

— Мы в ловушке, — констатировал я.

— Не паникуй, — Максим повернулся ко мне. — Давай думать. Что у нас есть?

— Ничего, — фыркнул я. — Бензина нет. Связи нет. Только документы, которые мы украли.

— Документы — это уже кое-что, — он пожал плечами. — Но нам нужно выбраться отсюда.

— Как? — Даша посмотрела на него. — Пешком?

— Пешком, — кивнул Максим. — Других вариантов нет.

— А как же Давид? А Вероника? — её голос дрогнул. — Они же нас ищут.

— Значит, надо быть осторожными, — он пожал плечами. — Мы же в прятки играли в детстве. Мы умеем прятаться. Твои слова.

— В прятки и в охоту на людей — разные вещи, — фыркнул я.

— Хватит, — Максим поднял руку. — Решаем. Идём пешком? Или ждём, пока они нас найдут?

— Идём, — сразу сказала Даша. — Лучше двигаться, чем сидеть и ждать.

— Согласен, — кивнул я. — Но куда? К трассе?

— К трассе, — кивнул Максим. — Мы же не знаем, сколько до неё. Может, два километра, может, десять. Но идти надо.

— А если заблудимся? — тихо спросила Даша.

— Не заблудимся, — он пожал плечами. — Дорога одна. Идём по ней и всё.

Мы помолчали. Я посмотрел на документы, которые лежали на заднем сиденье. Папка с надписью "Спецпроект Солнышко. Объект 4". Фотографии. Отчёты. Правда о Давиде, о лагере, о том, что тут происходило.

— Надо взять документы, — сказал я. — И идти.

— Согласен, — Максим открыл дверь. — Выходим.

Мы вышли из машины. Воздух был холодным, сырым, пахло хвоей и чем-то ещё. Я забрал документы, сунул их в рюкзак, закинул его на спину.

— Нет, всё таки нужно назад, — сказал я. — К лагерю.

— Что?! — он посмотрел на меня, как на сумасшедшего. — Ты хочешь вернуться туда? К НЕМУ?

— Подумай, — я пожал плечами. — Мы не знаем, сколько до трассы. Может, три километра, может, двадцать. А в лагере... в лагере может быть бензин. Есть что-то, что может помочь.

— А если парочка сумасшедших всё ещё там? — тихо спросила Даша.

— Будем осторожны, — я пожал плечами. — Мы же не пойдём на главную аллею. Мы пойдём через лес. Найдём бензин, заправим машину и уедем.

— А если не найдём? — спросил Максим.

— Тогда пойдём пешком, — я пожал плечами. — Но хотя бы попробуем.

Мы помолчали. Я видел, как они взвешивают все за и против. Как понимают, что других вариантов нет. Сидеть тут — значит ждать, пока они нас найдут. А это значит — конец.

— Ладно, — наконец сказал Максим. — Идём. Но тихо и очень внимательно. Если увидим их — бежим. Не сражаемся. Бежим.

— Согласен, — кивнул я. — Даша?

— Согласна, — она пожала плечами. — Хуже уже не будет.

Мы двинулись в путь. Не по дороге — по лесу. Пригибаясь, прячась за деревьями, кустами. Я шёл первым, Максим — сзади, Даша — последней. Рюкзак с документами давил на спину, но я не обращал внимания. Главное — идти. Главное — быть осторожным.

Лес был тихим. Слишком тихим. Птицы не пели, цикады не стрекотали. Каждый шорох заставлял нас вздрагивать. Каждый хруст ветки — оборачиваться.

Мы шли медленно. Я смотрел под ноги, чтобы не наступить на ветку, чтобы не хрустнуть. Максим шёл за мной, постоянно оглядываясь. Даша замыкала, её глаза были широко раскрыты, она смотрела во все стороны.

— Как думаешь, далеко до лагеря? — тихо спросил Максим.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Может, километр. Может, два.

— Надеюсь, два, — он пожал плечами. — Чем дальше от лагеря, тем лучше.

— Но нам нужен бензин, — напомнил я. — А он в лагере.

Мы помолчали. Идти было тяжело — ноги увязали в грязи, ветки хлестали по лицу. Но мы шли. Шли, потому что не было другого выбора.

Через полчаса я увидел знакомые очертания. Сосны расступились, и перед нами открылась поляна. На ней стояли домики — те самые, пятнадцатый, четырнадцатый, тринадцатый. Мы вернулись в лагерь.

— Тихо, — прошептал я. — Слушаем.

Мы замерли. Прислушались. Ничего.

— Никого, — прошептал Максим. — Пошли.

Мы подошли к парковке. Машин не было — все уехали во время эвакуации. Но был гараж, который до этого мы не видели.

— Смотри, — я указал на него. — Может, там есть бензин?

— Может, — кивнул Максим. — Но как его достать?

— Надо попробовать, — я пожал плечами.

Мы подошли к гаражу. Я потянул ручку двери — заперто. Обругался.

— Окно, — сказала Даша, указывая на боковое стекло. — Там открыто.

Мы обошли гараж. Окно и правда было приоткрыто, створка болталась на одной петле. Я просунул руку внутрь, нащупал какую-то поверхность. Я стал забираться внутрь. Пролез в окно и вступил на небольшой стеллаж. Я подошёл к дверям и дёрнул замок.

Вскоре двери щёлкнули.

— Опа, — выдохнул я. — Получилось.

Даша и Максим открыли двери и зашли внутрь. Гараж был пыльным, старым, пахло табаком. И в середине стоял ещё один минивэн. Немного другой, но похожий на наш. Мы обрадо-

вались и открыли двери машины. Я начал рыться в бардачке — салфетки, документы, какие-то бумаги. Ничего полезного.

— Тут ничего нет, — сказал я.

— Посмотри под сиденьями, — предложил Максим.

Я наклонился, посмотрел под водительское сиденье. Ничего. Под пассажирское — тоже. Под задние — тоже.

— Пусто, — констатировал я.

— Может, в багажнике? — предположила Даша.

Мы вышли из машины, открыли багажник. Внутри было не густо — только какое-то старое одеяло, аптечка и...

— Смотри! — я указал на новенькую канистру. — Канистра!

Мы вытащили её. Белая, пластиковая, литров на десять. Я потряс — внутри что-то плеснулось.

— Бензин! — выдохнул Максим. — Там есть бензин!

— Сколько? — спросила Даша.

— Не знаю, — я открутил крышку, понюхал и всмотрелся.

— Хватит? — спросил Максим.

— Должно хватить, — я пожал плечами. — До трассы доедем точно.

— Отлично, — он улыбнулся. — Тащим к нашей машине.

Мы взяли канистру — она была тяжёлой, но мы несли её по очереди — и двинулись обратно к нашему минивэну. Шли быстро, осторожно, постоянно оглядываясь. Я чувствовал, как внутри поднимается надежда. Мы нашли бензин. Мы заправим машину. Мы уедем. Мы выберемся.

Мы дошли до нашего минивэна. Я открыл капот, и Максим начал аккуратно переливать бензин в бак. Даша стояла на стрёме, оглядывалась. Уже был глубокий вечер.

— Сколько там? — спросил я, глядя, как Максим возится с канистрой.

— Полностью залил, — он вытер лоб рукавом. — Больше и не надо, а то перельётся.

— Поедет?

— Должна, — он закрыл капот. — Попробуем завести.

Мы сели в машину. Максим повернул ключ — двигатель заурчал. Ровно, без проблем.

— Поехала! — выдохнул я.

— Поехала, — кивнул Максим. — Теперь быстро отсюда.

Он включил передачу, нажал на газ — машина тронулась.

— Ура! — крикнула Даша. — Неужели!

Мы рассмеялись. Нервно, истерично, но рассмеялись. Мы снова выбрались. Мы живы. У нас есть документы. Мы доедем до трассы, доедем до города, доедем до милиции. Мы всё расскажем. Нам точно помогут.

Мы ехали быстро, не сбавляя скорости. Я смотрел в окно, на мелькающие сосны, и чувствовал, как внутри поднимается облегчение.

И тут я увидел их.

На обочине дороги, между двумя соснами, стояли двое. Давид и Вероника.

Давид был в человеческом обличье — высокий, худой, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Вероника стояла рядом с ним, маленькая, хрупкая, в своих тапках с мишками. Они смотрели на нас.

— Скорей! — крикнул я.

Машина пролетела мимо них, и я увидел, как Давид дёрнулся, как его фигура начала меняться. Как его руки стали длиннее, как его плечи стали шире, как его лицо начало искажаться. Я не успел оглянуться, как целый день уже промчался и наступила мрачная и тёмная ночь.

Максим вдавил педаль в пол. Машина рванула вперёд, но в зеркале заднего вида я увидел, как Давид — уже в облике оборотня — срывается с места и бежит за нами.

Быстро. Слишком быстро для своего размера.

— ОНО БЕЖИТ ЗА НАМИ! — заорала Даша.

— ЗНАЮ! — крикнул Максим в ответ. — ДЕРЖИТЕСЬ!

Тут же машина начала яростно буксовать и замедляться. Мне показалось, что я слышал выстрел. Потом ещё раз. Я подумал, что у меня галлюцинации из-за шока. Но оказалось нет. Максим с Дашей тоже это услышали. Стреляла Вероника. Только не по нам, а по колёсам минивэна. Они спустились и машина не могла больше ехать. И тут я понял, что всё подстроено.

Глава 12. В плену

Машина начала потихоньку останавливаться. Под колёсами что-то хрустнуло — противный, металлический звук, от которого у меня по коже побежали мурашки. Машина накренилась набок, и мы почувствовали, как она медленно, неумолимо опускается.

Мы остановились посреди дороги. Я внимательно посмотрел в зеркало заднего вида и в окна минивэна — и моё сердце рухнуло куда-то вниз.

Шины были пробиты. Все четыре.

Из тумана, медленно, к нам подходила Вероника.

Она была в своих тапках с мишками, в той самой чёрной кофте, которую мы нашли в багажнике. Волосы растрёпаны, лицо бледное, но в глазах — тот самый фанатичный блеск, который я видел, когда она гладила Давида по волосам. В правой руке она держала пистолет. Тот самый, маленький, чёрный, который мы нашли в заброшенном здании.

Мы замерли. Не дышали. Не шевелились. Только смотрели на неё, как загнанные звери.

— Если побежите, — её голос был тихим, но твёрдым, — я стрельну. И позову Давида.

Мы молчали. Я чувствовал, как руки Максима на руле дрожат, как моё сердце колотится где-то в горле. Даша сидела, прижавшись к двери, её глаза были полны слёз.

— Немедленно выходите, — продолжила Вероника. — И пойдёте со мной.

— Но Вероника, — Даша вдруг подала голос, и в нём была мольба. — Мы же были... мы же друзья...

— Заткнись, — оборвала её Вероника. И в её голосе я услышал что-то новое. Что-то холодное. Что-то чужое. — Выходите. Сейчас.

Мы переглянулись. Выхода не было. Пистолет был направлен на нас, и я знал — она не блефует. Она стреляла в оборотня. Она стрельнет и в нас, если мы попытаемся убежать.

Мы вышли из машины, подняв руки. Вероника стояла в нескольких метрах от нас, пистолет не опускала. За её спиной, в тумане, я увидел тень. Огромную, горбатую тень. Давид. Он стоял там, наблюдая, но не приближаясь. Я заметил, как Вероника время от времени поворачивалась к нему, делала какие-то странные жесты руками, словно уговаривала его не трогать нас. И оборотень — этот страшный, нечеловеческий зверь — слушался её. Отступал. Ждал.

— Идёмте, — сказала Вероника, указывая пистолетом назад, в сторону лагеря.

Мы пошли. Молча, послушно, как овцы на бойню. Я шёл первым, за мной — Даша, потом — Максим. Вероника замыкала, пистолет был направлен нам в спины. Я чувствовал его дуло даже сквозь расстояние и одежду — холодное, твёрдое, неумолимое.

Лес был тёмным. Деревья стояли стеной, их чёрные стволы терялись в мгле. Где-то вдалеке ухал филин — тот самый, ненавистный, который ухал раньше каждый раз, когда всё казалось спокойным.

Мы шли долго. Минут тридцать. Только шаги. Только дыхание. Только холод, который пробирал до костей.

И вот — знакомые очертания. Сосны расступились, и перед нами открылась поляна. Лагерь.

Но не тот лагерь, который мы покинули несколько дней назад. Не тот, где кричали люди, где были сирены, где горели прожекторы. Это был мёртвый лагерь. Пустой. Только туман стелился между корпусами, да где-то вдалеке мигал одинокий фонарь.

Вероника привела нас к пятнадцатому домику. Нашему домику. Тому самому, где всё началось. Тому самому, где оборотень ворвался внутрь в первую ночь.

— Здесь вам спать, — сказала она, открывая дверь.

Мы зашли внутрь. Домик был таким же, каким мы его видели утром — разгромленным, с разбитой дверью, с разорванными обоями. Но посреди комнаты были разложены матрасы. Три матраса. Рядом — какие-то одеяла, подушки.

— Ложитесь, — сказала Вероника. — Спите. Завтра поговорим.

— А ты? — тихо спросил я.

— Я буду рядом, — она улыбнулась. Но улыбка получилась странной — не тёплой, не дружелюбной, а какой-то... хищной. — Не бойтесь. Я не позволю ему вас тронуть. Пока.

Она развернулась и вышла, закрыв за собой дверь. Мы услышали, как щёлкнул замок.

Мы стояли посреди комнаты, не двигаясь, не дыша. Только смотрели друг на друга. В глазах Даши — слёзы. В глазах Максима — злость. В моих — страх. Чистый, животный страх.

— Ложимся, — наконец сказал Максим. — Других вариантов нет.

Мы легли. На матрасы, на пол, в холодном, сыром домике. Одеяла были старыми, пахли странно. Я закутался в них, но холод не отступал.

Ночь была тихой. Слишком тихой. Я слышал, как дышат Даша и Максим, как Вероника ходит снаружи, её шаги были лёгкими, почти неслышными. Где-то ещё дальше слышал тяжёлое, хриплое дыхание. Это был он. Давид. В своей звериной форме оборотня.

Я не спал. Не мог. Каждый шорох заставлял меня вздрагивать. Каждый порыв ветра казался шагами. Я смотрел в потолок — в тот самый потолок, который оборотень задел головой, когда ворвался сюда в первую ночь. Я смотрел на трещины в нём, на пятна от старой краски, и думал о том, как быстро всё изменилось.

Даша не спала. Максим ворочался, не находя себе места. Я тоже не мог уснуть.

Где-то после полуночи я услышал звук. Тихий, скребущий. Как будто кто-то водил когтями по стене домика. Я замер, прислушался. Звук повторился. Потом — ещё раз. Медленно, не спеша.

— Арсений... — прошептал Максим. — Ты слышишь?

— Слышу, — так же тихо ответил я.

Звук приближался. Теперь он был у самой стены. Я видел, как по фанере проходит тень — огромная, горбатая. Оно. Оно стояло снаружи, прямо за тонкой стенкой нашего домика.

— Мальчики... — прошептала Даша, и её голос был тоньше паутинки, как у Вероники. — Вы не спите?

— Не спим, — отозвался я.

Тень двигалась. Медленно, вдоль стены. Я слышал, как когти скребут по дереву, оставляя глубокие борозды. Я слышал, как оно дышит — тяжёлое, хриплое дыхание, которое я уже никогда не забуду.

— Оборотень нас ищет, — прошептал Максим. — Оно хочет войти.

— Не войдёт, — тихо сказала Даша. — Вероника не пустит.

— А если пустит? — я сглотнул. — А если она... если она его не контролирует?

Мы замолчали. Тень продолжала двигаться. Когти скребли по дереву. Дыхание становилось всё ближе.

И вдруг — голос Вероники. Тихий, но твёрдый.

— Давид, нет. Нельзя. Ещё не время.

Звук когтей прекратился. Тень замерла. Потом — низкий, утробный рык, в котором я слышал что-то похожее на подчинение. И шаги — удаляющиеся, тяжёлые, нечеловеческие.

— Ушёл, — наконец прошептал Максим.

— Надеюсь, — я закрыл глаза. — Надеюсь, оно ушло.

Сон пришёл совсем не сразу. Он пришёл только под утро, когда небо на востоке начало сереть, а я устал бояться. И даже тогда он был беспокойным — полным образов, в которых жёлтые глаза с вертикальными зрачками смотрели на меня из темноты, а чьи-то длинные, неестественно тонкие руки тянулись к моей шее.

Я проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо.

— Арсений, вставай, — голос Максима был напряжённым. — Они здесь.

Я открыл глаза и увидел, что в домике светло — утренний свет пробивался сквозь грязные пыльные окна. У двери стояли двое. Давид — в человеческом обличье, высокий, худой, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Вероника — рядом с ним с тем самым пистолетом в руке.

— Вставайте, — сказала Вероника. — Немедленно.

Мы встали. Я чувствовал, как тело затекло за ночь, как мышцы гудят от напряжения. Даша потирала глаза, Максим разминал шею.

— Идёмте, — Давид указал на дверь. — В столовую.

Мы вышли. Утро было сероватым. Воздух был очень холодным. В этой местности так всегда.

Нас привели к столовой. Завели внутрь. И тут я увидел места для нас — стулья с верёвками. Три стула. Три комплекта верёвок.

— Садитесь, — сказала Вероника.

Мы сели. И тут Давид начал нас привязывать. Руки — к подлокотникам. Ноги — к ножкам стула. Крепко, вообще не слабо. Я попытался пошевелить рукой — не получилось. Верёвки врезались в запястья.

— Зачем? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Поговорить, — Давид сел напротив меня. Его лицо было спокойным, почти дружелюбным. Но в глазах — тот самый холодный и противный, расчётливый блеск. — Вы слишком много знаете. И нам нужно решить, что с вами делать.

— Что с нами делать? — Даша посмотрела на него, и в её голосе я услышал страх, но и злость. — Ты хочешь нас убить? Вместе с этой психованой?

— Не хочу, — он покачал головой. — Но вы не можете уйти. Вы всё видели. Вы всё знаете. Вы точно не будете молчать.

— А если будем? — тихо спросил Максим. — Если мы пообещаем молчать?

— Не поверю, — Давид пожал плечами. — Никто не поверит. Вы испугаетесь. Расскажите родителям. Родители расскажут милиции. Милиция приедет сюда. И что тогда?

Мы замолчали. Он был прав. Мы не могли молчать. Мы не могли просто забыть.

— Зачем вы это делаете? — спросил я. — Зачем держите нас здесь? Зачем привязываете?

— Потому что у нас нет выбора, — он вздохнул. — Я не хочу вас убивать. Я не зверь. Я... я просто такой. Я не виноват, что я такой.

— Но ты убил Ирину Викторовну, — тихо сказала Даша. — Ты напал на нас. Ты превращаешься в монстра.

— Я не контролирую это, — он посмотрел на свои руки. — В полнолуние... я не я. Я — он. И он... он не думает. Он просто... охотится.

— А в остальное время? — спросил Максим. — В остальное время ты кто?

— Я — Давид, — он пожал плечами. — Просто Давид. Хожу в школу. Учусь. Живу. Но несколько раз в месяц... раз в месяцы я становлюсь этим. И я не могу это остановить. Раньше я загонялся по этому поводу. Но сейчас... Вероника помогла мне осознать, что я в этом не виноват ни капли. Мне нужно принимать себя таким, какой я есть.

Мы помолчали. Я смотрел на него — на этого странного, бледного парня, который сидел напротив меня. И понимал — он не злодей. Он — жертва. Жертва своей природы, своих родителей, директора, всей этой системы. Но он будто гордиться этим...

— Почему вы нас не отпустите? — тихо спросила Даша. — Если вы не хотите нас убивать... почему просто не отпустите?

— Потому что вы расскажете всё, дурочка, — Вероника, которая до этого молчала, вдруг подала голос. — Вы расскажете. И тогда придут люди. И тогда его заберут. В другое место. В ещё более худшее место. И я... я расстанусь с ним из-за вас!

— А что плохого в том, что его заберут? — Максим посмотрел на Веронику. — Может, там ему помогут.

— Не помогут, — она покачала головой. — Там его просто... изолируют. Навсегда. В бетонной камере. Без окон. Без света. Без надежды. Я не позволю.

— Ты не можешь его защитить, — тихо сказал я. — Ты не можешь спрятать его от всего мира.

— Могу, — она посмотрела на меня, и в её глазах был тот самый фанатичный блеск. — Я могу. Потому что я люблю его. И он любит меня.

Мы замолчали. Смотрели на неё — на эту странную, хрупкую девочку, которая сидела рядом с оборотнем и говорила о любви так, будто это было самое безобидное существо в мире.

— Сколько вы знаете? — вдруг спросил Давид. — Что вы видели? Что вы поняли?

— Мало, — я пожал плечами, насколько это было возможно в упругих верёвках. — Мы знаем, что ты оборотень. Мы знаем, что лагерь был для тебя тюрьмой. Мы знаем, что директор знал. Мы знаем, что твои родители тебя сюда сдали. И всё.

— И? — он посмотрел на меня. — Что вы будете с этим делать?

— Не знаем, — я пожал плечами. — Но мы не можем просто забыть и отпустить.

— Забыть нельзя, — он кивнул. — Но можно... договориться.

— О чём? — нахмурился Максим.

— О том, что вы не расскажете, — Давид посмотрел на нас. — О том, что вы никогда не вернётесь.

— А если проболтаемся? — тихо спросила Даша.

— Тогда... — он не закончил.

Мы помолчали. Я всё ещё смотрел на него. Он предлагал сделку, которая означала нашу свободу в обмен на его тайну. Но это было попросту сложно и невозможно.

— А если мы согласимся? — спросил я. — Что тогда?

— Тогда мы вас отпустим, — он пожал плечами. — Вы уедете. Забудете. Жить дальше сможете.

— А ты? — спросил Максим. — Что будешь делать ты?

— Останусь здесь, — он пожал плечами. — С Вероникой. Будем тут жить. Пока спокойно. Никого не тронем.

— До следующего полнолуния, — тихо сказала Даша.

— До следующего полнолуния, — он кивнул. — А потом... потом посмотрим.

Мы вновь помолчали. Я смотрел на него, на Веронику, на верёвки, которые держали мои руки. И думал о том, как же странно устроена жизнь. Как она легко может измениться.

— Хорошо, — наконец сказал я. — Мы согласны.

— Арсений, — Максим посмотрел на меня с удивлением. — Ты серьёзно?

— Серьёзно, — я пожал плечами. — Мы согласны. Мы уедем. Но к нам будет много вопросов, да и мне кажется, что другие отдыхающие и персонал всё рассказали или расскажут очень скоро.

— Кто им поверит? Мы всё равно скроемся. И к тому же это не ваше дело! Умники! — Вероника вдруг посмотрела на Дашу. — Ты то согласна молчать?

— Согласна, — она кивнула. — Только отпустите нас.

— А ты? — она посмотрела на Максима.

— Угу, — он вздохнул. — Отпускайте.

Давид и Вероника переглянулись. Потом Давид встал, подошёл ко мне и начал развязывать верёвки. Руки затекли, пальцы не слушались, но я чувствовал, как кровь снова начинает бежать по венам, как возвращаются ощущения.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— Не благодарите, — он пожал плечами. — Просто уезжайте. И забудьте.

Он развязал Максима, потом — Дашу. Мы встали, разминая затёкшие ноги. Руки дрожали, но мы держались.

— Идите к машине, — сказала Вероника. — Она там же, где вы её оставили.

— А колёса? — спросил Максим. — Вы же их пробили.

— Мы поменяли их, — она пожала плечами. — Можете ехать.

Мы пошли к выходу. Я чувствовал на себе взгляды Давида и Вероники. Они стояли посреди столовой и смотрели, как мы уходим.

— Подождите, — вдруг сказал Давид.

Мы остановились. Обернулись.

— Есть ещё кое-что, — он подошёл ко мне. Ближе. Слишком близко. — Кое-что, что вы должны знать. Перед тем, как уехать.

— Что? — я посмотрел на него, и сердце моё ухнуло куда-то вниз.

— Вы ведь так и не поняли, почему вы здесь, — он говорил тихо, почти шёпотом. — Почему именно вы. Почему именно в этом лагере. Почему именно со мной.

— Совпадение, — пожал плечами я. — Наши родители отправили нас сюда, родители твои отправили тебя сюда. И всё.

— Не совпадение, — он покачал головой. — Ваши родители знали.

Я замер.

— Что? — я не понял.

— Ваши родители, — он повторил. — Они знали, что я здесь. Они знали, что я... такой. И они специально отправили вас сюда.

— Зачем? — мой голос дрогнул.

— Чтобы присматривали, — он пожал плечами. — Чтобы следили. Чтобы докладывали.

— Кому докладывали? — Максим шагнул вперёд. — О чём ты говоришь?

— Моему отцу, — Давид посмотрел на меня. — Директору лагеря.

Мир вокруг меня померк. Звуки стали далёкими, приглушёнными. Я чувствовал, как кровь отливает от лица, как руки холодеют, как внутри поднимается волна ужаса.

— Твоему отцу? — прошептал я. — Ты... ты его сын?

— Да, — он кивнул. — Я его сын. И он создал этот лагерь для меня. Чтобы содержать меня здесь. Чтобы прятать меня от мира.

— А наши родители? — Даша посмотрела на него, и в её голосе я услышал страх. — Наши родители... они знали?

— Знали, — Давид кивнул. — Все знали. Ваши родители получали деньги за то, что отправляют вас сюда. За то, что вы присматриваете за мной. За то, что докладывали моему отцу, как я себя веду.

— Это... это невозможно, — прошептал я. — Наши родители... они не могли...

— Могли, — он пожал плечами.

Я стоял, не двигаясь и даже не дыша. Смотрел на него — на этого странного парня, который только что сказал мне, что наши родители — предатели. Что они продали нас. Что они отправили нас сюда не заботясь о нас, а за деньги.

— Тогда почему ты нам сказал? — наконец выдавил я. — Зачем?

— Потому что вы должны знать, — он пожал плечами. — Потому что теперь вы понимаете, почему не можете никому рассказать. Если расскажете хоть что-то — ваши родители

попадут в тюрьму. Они — соучастники. Они знали, что я здесь, что я опасен, и они всё равно отправили вас сюда. За деньги.

— И что нам делать? — тихо спросила Даша.

— Уезжайте, — он пожал плечами. — Забудьте. Живите дальше. И никогда, слышите, никогда не возвращайтесь сюда.

Мы помолчали. Я посмотрел на Максима, на Дашу. Они стояли рядом, бледные, с широко раскрытыми глазами. Они всё слышали. Они всё поняли. Но я догадывался, что это неправда. Он специально запугивает нас.

— Пойдёмте, — тихо сказал я. — Пойдёмте отсюда.

Мы вышли из столовой. Прошли по аллее. Дошли до машины. Сели внутрь. Максим завёл двигатель — машина послушно заурчала. Мы тронулись.

Я смотрел в окно, на мелькающие сосны, и не чувствовал ничего. Только холод. Только пустоту. Только осознание того, что моя жизнь только что изменилась ещё больше. Я теперь не знаю, кому можно верить.

Глава 13. Выход из леса

Первые полчаса мы ехали в гробовой тишине. Слышно было только гул двигателя, шелест колёс по гравии и наше сбивчивое дыхание. Максим сидел за рулём, вцепившись в баранку так сильно. Я сидел рядом, и мои руки всё ещё дрожали мелкой, противной дрожью. Адреналин отступал, оставляя после себя липкую слабость и тошноту. Я был безумно рад, что Максим подменил меня. Сейчас я бы просто не смог удержать машину на дороге.

— Он сто проц врёт, — наконец нарушил тишину Максим. Его голос был хриплым, но твёрдым. — Давид. Он всё выдумал. Про родителей.

— Естественно, — фыркнула Даша с заднего сиденья. Она сидела, обхватив колени, и смотрела в окно на мелькающие деревья. — Это классическая манипуляция. «Мы вас отпустим, но если вы пойдёте в полицию, ваши родители сядут». Чтобы мы боялись. Чтобы мы молчали.

— Но зачем он вообще нас отпустил? — я сглотнул, пытаюсь унять дрожь в голосе. — Этого я не понимаю. Мы видели, что он творит. Мы знаем про лагерь. Логичнее было бы... ну, вы понимаете.

— Логичнее было бы нас убить, — закончил Максим. — Но он не убийца. В человеческом обличье он просто напуганный подросток. А Вероника... она фанатичка, но не психопатка, я думаю. Им просто не нужны лишние трупы. Чем больше шума, тем больше внимания. А им нужно, чтобы всё затихло.

— Именно, — кивнула Даша. — Они думают, что мы просто сбежавшие дети. Что мы приедем домой, испугаемся и будем молчать. Они даже не подозревают, что мы уже всё поняли.

— А про власть? — спросил я. — Вы думаете, они реально не знают, что творится в лагере?

— Да ты что, Арсений, — Максим усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Ты думаешь, когда из лагеря эвакуировали всех детей, а потом он просто закрылся, никто ничего не заподозрил? Родители звонили, писали. Местная полиция наверняка уже давно нюхает землю вокруг этого леса. Они просто не могут найти точные координаты, потому что лес огромный, а дороги там — грунтовки. Но скоро найдут. Давид и Вероника просто слепые идиоты, если думают, что смогут там отсидеться.

— А наши родители... — Даша тихо вздохнула. — Они точно нас не предали. Правда?

— Конечно нет, — твёрдо сказал Максим. — Не ведись на это.

Я кивнул на слова Максима, хотя где-то в глубине души всё равно оставался холодный, колющий червячок сомнения. Но гнать его от себя было необходимо.

— Так, — я хлопнул в ладоши, стараясь встряхнуться. — Хватит об этом. У нас другая задача. Как мы будем ехать?

— Без остановок, — сразу ответил Максим. — Пока бензин есть. Меняемся за рулём. Я, ты, потом я. Даша, твоя задача — еда и вода.

— Принято, — она кивнула и тут же полезла в пакет, который Вероника оставила на переднем сиденье. — Кстати, о пропитании. Смотрите, что она нам положила.

Даша вытащила несколько банок, пачку чего-то и полные бутылки воды.

— Ну надо же, — я усмехнулся. — В ней всё-таки осталось что-то человеческое. Или просто не хотела, чтобы мы сдохли от голода по дороге и подняли шум.

— Не важно, — Максим нажал на газ. — Ешьте, спите, когда сможете. Наша цель — трасса. А там разберёмся.

Дальше всё слилось в один длинный, монотонный кошмар. День сменялся ночью, ночь — серым, туманным рассветом, который снова переходил в день. Мы ехали, ехали и ехали.

Менялись за рулём каждые несколько часов. Останавливались только по острой необходимости: в туалет, размять затёкшие ноги, умыться водой из бутылки. Ничего не происходило. Никаких оборотней, никаких странных теней, никаких сломанных машин. Только бесконечная, давящая стена сосен по бокам и узкая лента грунтовки впереди.

Мы почти не спали. Когда один вёл, двое пытались дремать, но сон был поверхностным, рваным.

Уже на утро третьего дня путешествия за рулём был я.

Солнце только начало подниматься, окрашивая небо в бледно-розовые тона. Я моргал, борясь с усталостью, и вдруг заметил, что лес по бокам дороги стал реже. Сосны отступили, уступив место низкорослым кустарникам, а потом и вовсе исчезли.

Вдалеке, насколько хватал глаз, расстилались поля. Золотистые, зелёные, залитые утренним летним светом.

— Ура! — выдохнул я, и это слово вырвалось само собой. — Ребят! Поле! Хотя что-то, кроме этих сосен!

Даша, которая дремала на заднем сиденье, тут же открыла глаза и прильнула к окну.

— Ой, солнце! — она улыбнулась, и эта улыбка показалась мне самой красивой вещью на свете. — Мы выбрались! Арсений, мы всё таки выбрались!

— Похоже на то, — я рассмеялся и улыбнулся в ответ. — Сейчас проснётся Максим, и мы будем болтать о том, какой огромный душ я приму, когда доеду до дома. И какую пиццу закажу.

— А я уже хочу просто полежать, — мечтательно протянула Даша. — На своей кровати. Под своим одеялом. И чтобы никто меня не трогал неделю минимум.

Мы весело болтали, строили планы, обсуждали грядущее. Напряжение, которое держало нас последние три дня, наконец начало отступать. Казалось, что самый страшный кошмар остался позади.

Но тут Максим, который спал на переднем сиденье, заворочался и открыл глаза.

— Чего шумим? — он сонно потёр лицо. — Мы уже приехали?

— Почти, — я кивнул. — Смотри, поля какие.

Максим выглянул в окно, зевнул и вдруг нахмурился. Он посмотрел на меня, потом на Дашу, потом снова в окно.

— Ребят, — медленно произнёс он. — А мы вообще можем ехать по трассе?

Мы с Дашей переглянулись. Веселье как ветром сдуло.

— В смысле? — уточнила она.

— В прямом, — Максим сел ровно. — Мы едем на угнанном минивэне. Нам по пятнадцать лет. У нас нет прав. Нас остановит первый же патруль ДПС, и что мы им скажем? «Здрасьте, мы сбежали из лагеря, где жил оборотень, а машину взяли покататься»?

— Мы ведь не можем просить помощи, — тихо сказал я, и холод снова пополз по спине. — Серьёзно. Кто нам поверит? Нас отправят в психушку. А если Давид не врал?.. Нет, он врал, но как мы это докажем?

— А попутки? — предложила Даша. — Мы можем бросить машину в лесу и поймать попутку.

— Ты серьёзно? — фыркнул Максим. — После всего, что было в этом лесу? После Вероники? Я теперь людям не доверяю. Вдруг нас посадят в машину какие-нибудь маньяки или хуже? Или просто сдадут полиции, и начнётся допрос с пристрастием.

— Тогда что? — Даша развела руками. — Мы не знаем, что делать. Мы застряли.

Мы замолчали. Машина ехала по грунтовке, которая становилась всё более наезженной. Вокруг были поля, но мы чувствовали себя такими же изолированными, как в том проклятом лесу. Проблема была реальной. Мы были детьми, которые совершили кучу незаконных вещей, чтобы выжить. И теперь, на пороге спасения, мы упирались в стену.

— Надо что-то выдумывать, — сказал Максим, потирая подбородок. — Может, доедем до первого крупного перекрёстка, бросим тачку в кустах и пойдём пешком до ближайшего города? Там найдём телефон-автомат... хотя их уже нет. Найдём интернет-кафе.

— А если нас там камеры засветят? — возразил я.

— Ну это ты загнул, — вздохнул Максим. — Мы просто беззаботные дети. Нас должны жалеть, а не сажать.

Пока мы спорили и выдумывали различные, порой совсем абсурдные планы, я смотрел на дорогу. Мысли роились в голове, и я настолько увлёкся разговором, что сначала даже не понял, что изменилось.

Звук.

Гулкий, нарастающий гул. Не ветер, не лес. Это был звук резины по асфальту. Звук моторов.

Я моргнул, выныривая из своих мыслей, и посмотрел вперёд.

Грунтовка резко обрывалась. Впереди, метрах в двухстах, лежала широкая, ровная асфальтовая лента. По ней неслись фуры, легковушки, автобусы. Белая разметка, дорожные знаки, отбойники.

Трасса. Настоящая, живая трасса.

Я нажал на тормоз. Машина плавно выкатилась на обочину и остановилась прямо перед съездом на асфальт.

Мы сидели и смотрели на дорогу. Внутри меня бушевал ураган. Радость, что мы наконец-то выбрались из этой зелёной тюрьмы, смешивалась с диким, паническим страхом перед тем, что будет дальше. Как мы сойдёмся с реальным миром? Как объясним всё это?

Максим медленно повернул голову, посмотрел на мчащиеся машины, и тихо, с лёгкой ухмылкой произнёс:

— Окак.

Глава 14. Сюрприз на трассе

Мы вывалились из минивэна, жадно глотая свежий, пахнувший выхлопными газами и разогретым асфальтом воздух. Ноги были ватными, спина ныла, но мы стояли на твердой земле, а не на шаткой грунтовке. Вокруг шумел ветер, гоняя по обочине фантики и сухие листья.

— Ну что, — Максим потянулся, хрустнув суставами. — Думаем.

Мы облокотились на горячий капот. Впереди лежала широкая, ровная трасса, уходящая за горизонт.

— Нам нужно доехать до заправки, — сказал я, вытирая ладонью пот со лба. — Или до кафе. Или магазина. Куда угодно. Нужно нормально поесть, заправить эту колымагу и позвонить родителям.

— Позвонить — это да, — кивнула Даша. — Но сначала договоримся.

Она посмотрела на нас по очереди, и в её взгляде появилась та самая сталь.

— Никаких оборотней, — чётко произнесла она. — Никаких нападений. Никакого лагеря «Солнышко», директора и спецпроектов.

— Согласен, — Максим скрестил руки на груди. — Если мы начнём рассказывать правду, нас либо отправят в психушку, либо Давид реально доберётся до наших родителей через свои связи. Мы скажем, что мы просто трое подростков, которые едут с родителями куда-то.

— А если спросят, зачем нам телефон? — уточнил я.

— Скажем, что телефоны разрядились или в машине с родителями остались, которые уехали, — отмахнулся Максим. — Главное — держимся одной версии. Никаких монстров.

— Договорились, — я протянул руку. Мы по очереди хлопнули друг друга по ладоням.

— Отлично, — Максим зевнул и полез обратно в салон. — Арсений, ты за руль. Я больше не могу, у меня глаза слипаются. Даша, ты вперёд, навигатор. Я — в тыл, спать.

Я вздохнул. Пришлось. Я открыл багажник и начал рыться в куче тряпья, которое мы нашли в заброшенном здании.

— Ты чего делаешь? — удивилась Даша.

— Маскируемся, — буркнул я, вытаскивая потёртую, мешковатую вельветовую куртку и старую кепку. — Если нас остановят или рассмотрят, я должен выглядеть не как пятнадцатилетний школьник, а как уставший двадцатипятилетний парень. Мы — молодая семья. Ну в машине точно.

— Офигеть, — хихикнула Даша. — Ну давай, «папаша».

Я натянул на себя куртку. Она пахла пылью и чем-то кислым, но сидела нормально. Кепку надвинул на глаза.

— Поехали, — сказал я, садясь за руль.

И тут меня накрыло. В лесу правила дорожного движения не имели никакого значения. А тут? Поворотники, знаки, камеры, разметка. Я смотрел на асфальт, и он казался мне минным полем.

— Включи радио, — попросил я. — Только тихо. Чтобы я не отвлекался.

Даша покрутила ручку. Из динамиков полилась какая-то спокойная поп-музыка. Я глубоко вдохнул, включил левый поворотник (рука дрожала) и, дождавшись просвета, вывернул руль. Минивэн влился в поток.

Слава богу, утро было раннее, и машин было не так много.

— Молодец, — подбадривала Даша, поглядывая в зеркало. — Держи полосу. Скорость шестьдесят, всё нормально.

Максим на заднем сиденье уже тихо посапывал, свернувшись калачиком на сиденье.

Я ехал, вцепившись в руль так, что пальцы побелели. Каждая машина, подъезжающая сзади, казалась мне смертельной угрозой. Когда какой-то чёрный джип резко перестроился в соседний ряд и просигналил мне, я вздрогнул всем телом.

— Куда прёшь, козёл?! — вырвалось у меня, и я инстинктивно нажал на гудок.

Джип улетел вперёд, обгоняя нас. Я смотрел ему вслед, чувствуя, как лицо горит от стыда и злости. Хотелось кричать ему вслед что-то ещё. И в этот момент я вдруг понял, почему все, кто за рулём, такие нервные и агрессивные. Когда ты пассажир, ты просто едешь. А когда ты за рулём — ты несёшь ответственность. Не только за свою жизнь, но и за жизни друзей, которые сидят рядом. От одного твоего движения зависит всё.

Знаков про города или деревни пока не было. Мы понятия не имели, в какую сторону и куда именно мы едем. Даша что-то говорила мне, рассказывала про то, как она будет гулять, но я лишь кивал, полностью сконцентрировавшись на разметке и зеркалах.

Примерно через три часа такого напряжения вдалеке показались крыши. Мы подъехали ближе. Это была простая, маленькая деревня. Пара десятков домов, покосившиеся заборы, куры на дороге. Мы даже не стали замедляться тут — нам нужен был хотя бы городок, а не мелкая деревня.

Но вдруг Даша хлопнула меня по плечу.

— Арсений, смотри! Бабушка! С ягодами!

Я посмотрел. На обочине, у старого колодца, сидела старушка в платке. Рядом стояли три ведёрка с красной, сочной клубникой и малиной.

— Мы можем купить перекусить, — сказала Даша. — Я есть хочу.

— Давай, — согласился я. — Только быстро.

Я включил правый поворотник и прижался к обочине. Сзади тут же раздался нетерпеливый гудок какой-то фуры. Я проигнорировал его, заглушил двигатель.

Даша выскочила из машины. Я видел в зеркало, как она подошла к бабушке, что-то сказала, порылась в карманах (видимо, нашла ту самую мелочь, которую мы собирали по бардачку), отдала деньги, взяла маленькое ведёрко и поблагодарила старушку.

Бабушка лишь кивнула и помахала ей рукой.

Даша вернулась, захлопнула дверь.

— Выруливай, — сказала она.

Я включил поворотник и стал ждать. Мимо пронеслись две легковушки. Потом грузовик. Я нервничал, педаль сцепления дрожала под ногой. Наконец, образовалось окно. Я выкрутил руль, нажал на газ, и минивэн, кряхтя, влился обратно на трассу. Фура позади нас громко взревела двигателем, но мы уже набирали скорость.

— Ну как? — спросил я, когда мы выровнялись.

— Нормально, — Даша открыла ведёрко. — Бери.

Мы ели клубнику, выплёвывая хвостики прямо в окно.

— А эта бабушка ничего не заподозрила? — спросил я, облизывая пальцы. — Что мы дети?

— Да ты что, — фыркнула Даша. — Она подумала, что мы просто уставшие туристы. Сказала: «Кушайте, детки, ягодки сладкие». Всё, никаких вопросов.

— Ну и хорошо, — я расслабился. — Значит, работает.

Мы ехали ещё часа три. Настроение улучшилось. Солнце припекало, музыка играла, желудки были не пусты. Тревога отступила, уступив место приятной усталости. Мы болтали о всякой ерунде, смеялись над тем, как Максим храпит на заднем сиденье.

И тут Максим заворочался. Он приподнялся, потёр глаза и выглянул в лобовое стекло.

Мы с Дашей как раз обсуждали, какой фильм посмотрим, когда доберёмся до дома.

— Милиция спереди не смущает? — громко и совершенно спокойно спросил Максим.

Я замер. Руки на руле стали ледяными.

Я посмотрел вперёд. Метрах в трёхстах, прямо поперёк обеих полос, стоял полицейский УАЗ с включёнными мигалками. Рядом — знак «Стоп». Двое полицейских в форме и с жезлами. Один из них что-то записывал в блокноте, другой смотрел на подъезжающие машины.

— Чёрт, — выдохнул я. Сердце начало колотиться где-то в горле, заглушая музыку. — Они проверяют документы. У нас нет прав. У машины нет документов. Мы в угнанном минивэне. Мы трупы.

— Арсений, не паникуй, — голос Даши стал резким, командным. Она смотрела по сторонам, сканируя обочину. — Смотри! Справа! Перед самым постом!

Я посмотрел. Прямо перед полицейским УАЗом, в метрах пятидесяти, от трассы отходила узкая, заросшая травой грунтовка.

— Сворачивай, — скомандовала Даша. — Прямо перед ними. Не тормози, но и не гони. Включи поворотник.

— Ты с ума сошла?! — прошипел я. — Они же увидят!

— Если мы поедem к ним, нас остановят, — отрезала она. — А если свернём — они подумают, что мы местные, и едем к себе на дачу. Давай, Арсений, давай!

Я не мог дышать. Включил правый поворотник. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Этот звук казался оглушительным.

Я нажал на газ. Минивэн поехал к посту.

Полицейский, который стоял с жезлом, поднял голову. Он посмотрел на наш грязный, ржавый минивэн. Потом посмотрел на меня.

Время замедлилось. Я чувствовал, как пот стекает по спине под вельветовой курткой. Кепка закрывала глаза, но я знал, что он видит моё лицо. Я сжал руль так, что ногти впились в кожу. Не смотри на меня. Пожалуйста, не смотри на меня.

Мы были в тридцати метрах. В двадцати. В десяти.

Полицейский сделал шаг вперёд, поднимая жезл.

— Сейчас! — крикнула Даша.

Я выкрутил руль вправо. Минивэн дёрнулся, колёса захрустели по гравию и высокой траве. Мы свернули на грунтовку ровно в тот момент, когда поравнялись с УАЗом.

Я краем глаза увидел, как полицейский опустил жезл. Он просто смотрел нам вслед, даже не пытаясь нас остановить. Надеюсь он подумал, что мы местные. Он подумал, что мы просто сворачиваем на свою улицу.

Мы проехали по кочкам метров двести, пока пост не скрылся за поворотом трассы. Только тогда я нажал на тормоз и остановил машину в кустах.

Двигатель заглох.

В салоне повисла тишина. Только тяжёлое, рваное дыхание.

— Ну... — выдохнул Максим с заднего сиденья, потирая лицо. — Вот это было эпично.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Руки дрожали так сильно, что я не мог их разжать.

— Мы живы, — прошептала Даша, и я услышал, как она смеётся. Тихо, истерично, но смеётся.

— Я думал, он сейчас побежит или поедет вслед за нами, — признался я, открывая глаза. — Я думал, всё, конец.

— Догнал бы, — фыркнул Максим. — У них УАЗ, а у нас дряхлый минивэн. Хотя, конечно, пронесло нас по полной.

Мы сидели в кустах, на старой, заросшей дороге, и болтали о том, как нам повезло. О том, как близко мы были к тому, чтобы всё потерять. И о том, что впереди у нас ещё много километров. Но теперь я знал — мы, может, доедем.

Глава 15. Придорожное кафе

Дорога сливалась в одну сплошную, бесконечную серую ленту, которая, казалось, не имела ни начала, ни конца. Солнце медленно, неохотно клонилось к горизонту, окрашивая небо в тревожные багровые и фиолетовые тона. Тени от придорожных деревьев вытягивались, становясь длинными, тонкими и причудливыми, словно пальцы какого-то гигантского существа, тянущегося к нашей машине.

Я ехал, механически удерживая руль, и чувствовал, как усталость медленно, но верно берет верх. Спина ныла так, что казалось, будто позвоночник вот-вот рассыплется на мелкие кусочки. Глаза слезились от постоянного напряжения, а ноги уже почти не чувствовали педалей, работая на одном лишь мышечном рефлексе.

— Ты как, дед? — голос Максима донесся с заднего сиденья. Он наконец-то полностью отдохнул, потянулся, хрустнув суставами, и теперь сидел, свесив ноги с кресла и глядя в окно. — Выглядишь так, будто тебя только что из могилы выкопали и заставили вести маршрутку.

— Сам ты дед, — огрызнулся я, не отрывая взгляда от разметки, которая уже начала сливаться в сплошную линию. — Если бы не моя «дедовская» куртка и кепка, мы бы сейчас сидели в обезьяннике и писали явки с повинной. Так что извинись перед папашей и придержи язык.

Даша тихо посмеялась, поправляя волосы и откидываясь на спинку сиденья.

— А вообще, — продолжила она, глядя на мелькающие за окном поля и деревья, — это был капец. Ты реально свернул прямо перед ними. Я думала, у меня сердце остановится и выпадет через горло.

— Я тоже думал, — признался я, усмехнувшись. — Но ты сама сказала сворачивать. Я послушал.

— Ой, да ладно, — Максим махнул рукой, устраиваясь поудобнее. — Зато теперь у нас есть история, которую можно рассказывать внукам. «А вот дедушка Арсений однажды ушел от ментов на ржавом минивэне, когда сбегал из лагеря». Звучит. Прямо как в боевике.

Мы посмеялись, и этот смех немного разрядил обстановку. Напряжение, которое держало нас последние часы, наконец начало отступать, уступая место приятной, тягучей усталости. Мы болтали о всяком, стараясь не думать о том, что осталось позади. Максим рассказывал, как он в детстве пытался построить шалаш во дворе и случайно поджег старые газеты, Даша вспоминала какие-то школьные приколы и дурацких учителей, а я просто слушал, изредка вставляя свои комментарии. Голоса друзей, монотонный шум двигателя и тихая, спокойная музыка из радио создавали какой-то уютный, почти домашний пузырь, внутри которого мы на время забыли об оборотнях, лагере и страхе. Казалось, что мы просто едем домой без приключений.

Но когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, а небо стало чернильно-черным, этот хрупкий пузырь лопнул. Наступила ночь.

Фары выхватывали из темноты только узкий кусок асфальта. Вокруг была только бесконечная, глухая степь — я уже перестал понимать, где именно мы находимся. Знаки попадались всё реже, а встречные машины пролетали мимо редкими, слепящими вспышками. Живот начал предательски, громко и протяжно урчать.

— Ребят, — тихо сказал Максим, потирая живот и морщась. — Я больше не могу. Я хочу есть. Нормальную, горячую еду. Не сухари, не клубнику с обочины и не тушенку из банки. Я хочу что-то, что не нужно жевать десять минут.

— Я тоже, — поддержала Даша, и в её голосе послышалась настоящая тоска. — И в туалет. Срочно. Иначе я просто выйду в поле.

— Терпите, — вздохнул я, вжимаясь в сиденье. — Сейчас найдем какую-нибудь заправку или кафе.

Мы ехали ещё минут сорок. Я уже начал отчаиваться, думая, что придется ночевать в машине на обочине, как вдруг впереди, в кромешной темноте, замаячил тусклый, нервно мигающий свет.

— Смотрите! — обрадовалась Даша, приподнимаясь на сиденье. — Огни!

Мы подъехали ближе. Это было придорожное кафе. Точнее, то, что от него когда-то осталось. Одноэтажное здание из потемневшего силикатного кирпича, с покосившейся вывеской «Кафе 24 часа», где цифра «24» уже давно отвалилась, оставив после себя лишь ржавые крепления. Парковка была почти пустой, только в дальнем углу стоял старый, грязный КамАЗ, из выхлопной трубы которого валил легкий дымок. У входа висела единственная тусклая лампочка, которая нервно мигала, издавая противный электрический треск.

— Выглядит как место из дешевого фильма ужасов, — скептически заметил Максим, глядя в окно. — Сейчас оттуда выйдет маньяк с бензопилой и предложит нам фирменное блюдо.

— Нам всё равно, — отрезала Даша, открывая бардачок и доставая оттуда пару мятых купюр. — Там есть свет, еда и, надеюсь, нормальный туалет. Паркуйся.

Я свернул на парковку, объезжая какую-то глубокую яму, и заглушил двигатель. Мы сидели секунду, прислушиваясь. Тишина. Только ветер шумел где-то вдалеке, гудели провода.

— Ну, пошли, — я поправил кепку, натянув её ещё ниже на глаза.

Мы вышли из машины. Ночной воздух был холодным и пах пылью, выхлопными газами и чем-то сладковатым, похожим на гнилые яблоки. Дверь кафе оказалась тяжелой, деревянной и скрипучей. Когда мы вошли внутрь, нас ударил в нос тяжелый, спертый запах пережаренного масла, старого табака, дешевого освежителя воздуха и чего-то кислого.

За грязной стойкой сидела женщина неопределенного возраста в засаленном фартуке и читала какой-то потрепанный журнал. Она даже не подняла на нас глаз, когда мы вошли, лишь лениво перевернула страницу.

В зале было всего семь столиков, покрытые липкими скатертями. За одним из них спал, уткнувшись лицом в сложенные руки, какой-то дальнбойщик в телогрейке. В углу, под самым потолком, висел старый, пузатый телевизор, из которого доносился тихий, бубнящий звук.

— О, живые, — буркнула женщина, наконец оторвавшись от журнала. Она посмотрела на нас мутными, ничего не выражающими глазами. — Что будете?

— Пельмени, — сразу сказал Максим, садясь за ближайший столик. — Три порции. И чай. Много чая.

— Не-а, — возразила Даша. — Я пельмени не буду. Я не люблю их. Можно салат какой-нибудь или картошку?

— Поняла, — она лениво записала что-то в блокноте. — Садитесь где хотите. Только не шумите, мужик спит.

Мы выбрали столик в самом углу, подальше от входа и от спящего дальнбойщика. Даша сразу пошла в туалет, а мы с Максимом сели, с облегчением вытянув ноги под столом. Я наконец-то снял кепку и провел рукой по взмокшим волосам.

— Ну и вонь, — прошептал Максим, морщась и оглядывая зал.

Через десять минут Даша вернулась, а следом официантка принесла нам две огромные, запотевшие тарелки с пельменями, политыми майонезом, порцию картошки с салатом сомнительного качества и три мутных стакана с чаем в пакетиках. Мы набросились на еду, как голодные волки. Пельмени были слипшимися, тесто было толстым, а мясо внутри вызывало серьезные сомнения, но мне они показались самым вкусным блюдом в моей жизни.

— Вкусно, — пробормотал Максим с набитым ртом, запивая чаем. — Я думал, будет хуже. Я бы даже добавил.

Пока мы ели, я краем глаза заметил телевизор. Звук был выкручен на минимум, но в тишине кафе его было слышно. По экрану бежала бегущая строка, а диктор в строгом костюме

что-то монотонно бубнила. Я не обращал на дикторшу внимания, пока Максим вдруг не замер с вилкой на полпути ко рту. Его лицо медленно побледнело.

— Арсений, — тихо, почти шепотом сказал он. — Смотри на телик.

Я поднял голову. Даша, заметив наше молчание, тоже перестала жевать и уставилась в экран.

Диктор говорил о каких-то погодных аномалиях, но потом картинка сменилась. На экране появилась карта какой-то лесистой местности, а рядом — фотография.

Моё сердце пропустило удар, а вилка с грохотом выпала из рук и ударилась о тарелку.

Это была фотография Вероники. Та самая, школьная, из нашего класса. Она смотрела в объектив своей обычной, немного надменной улыбкой. Под фотографией бежала крупная, красная строка: «ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК».

— Тс-с-с, — прошипел я, наклоняясь к столу и понижая свой голос до шепота. — Слушайте.

Диктор продолжал говорить, и его слова долетали до нас обрывками, но смысл был ясен и от этого становилось еще страшнее.

«...полиция продолжает поиски подростков, пропавших без вести в районе летнего лагеря «Солнышко». По предварительным данным, дети могли самостоятельно покинуть территорию во время ночной эвакуации...»

Картинка на экране снова сменилась. Теперь там было фото всех нас троих и других детей. Наши школьные фотографии из личного дела. А рядом со всеми — снова Вероника.

«...особое внимание уделяется поиску их сверстницы, Вероники Д., которая, по словам родителей, также должна была находиться в лагере, но не вернулась домой. Правоохранительные органы подозревают, что девушка может быть причастна к исчезновению детей...»

Мы сидели, не шевелясь, словно парализованные. Пельмени остывали в тарелках. Официантка что-то мыла за стойкой, дальнобойщик храпел, а мы смотрели на экран, где по кругу крутились наши лица и фотки лагеря.

— Они ищут нас, — прошептала Даша, и её голос дрогнул, а глаза наполнились незначительными слезами.

— И Веронику тоже, — тихо добавил Максим. Он медленно отложил вилку. — Но почему она в розыске? Она же не пропала. Она там, в лесу. С Давидом.

Я смотрел на её лицо на экране. На эту улыбку. И вдруг понял, что всё, что происходило с нами последние дни, было неизвестно никому в этом мире. Мы думали, что сбежали. Думали, что оставили кошмар позади. Но кошмар вышел на большую дорогу. И теперь он смотрел на нас с экрана старого телевизора в грязном придорожном кафе.

Глава 16. Чужие лица

Экран телевизора мерцал, отбрасывая на липкий столик кафе болезненные синие и белые блики. Диктор продолжал что-то говорить, его губы двигались в такт бегущей строке, но я перестал слышать звук. В ушах стоял только высокий, тонкий писк.

Я смотрел на своё лицо. На фотографии из школьного альбома, где я был ещё на голову ниже и глупо улыбался, не подозревая, что через пару лет эта фотография будет висеть на новостном канале с пометкой «Разыскиваются».

— Эй, — хриплый голос официантки за стойкой заставил нас всех вздрогнуть. — Вы там уснули? Чай допивать будете или не?

Я моргнул, выныривая из оцепенения. Женщина смотрела на нас с лёгким раздражением, вытирая руки о засаленный фартук. Она смотрела прямо на меня. На мою кепку. На моё лицо.

Она узнала нас, — пронеслось в голове. Она смотрит новости. Она сейчас схватит телефон и вызовет полицию.

— Нет, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Не будем. Сколько с нас?

— Двадцать пять рублей, — она равнодушно бросила чек на соседний столик.

Максим первым двинулся. Он достал из кармана мятую купюру, которую мы нашли в бардачке, бросил её на стол и, не дожидаясь сдачи, кивнул нам. Мы встали. Ноги были ватными, колени подгибались. Я натянул кепку на самые глаза, сгорбилась, стараясь казаться меньше, и двинулся к выходу. Даша шла позади, уткнувшись лицом в мою спину. Максим замыкал, постоянно оглядываясь.

Дверь кафе захлопнулась за нашей спиной, отрезая нас от запаха жареного масла и мерцания телевизора. Ночной воздух ударил в лицо, холодный и резкий.

— В машину погнали, — скомандовал Максим.

Мы запрыгнули в минивэн. Я захлопнул дверь, и звук получился глухим, как в бункере. Максим сразу же навалился на спинку моего кресла.

— Заводи, — прошипел он. — Заводи и гони отсюда.

— Куда гнать?! — взорвалась Даша, её голос сорвался на крик, и она тут же испуганно прикусила губу, посмотрев на окна кафе. — Максим, ты видел новости? Нас ищут! Веронику ищут! Мы должны ехать в милицию! Прямо сейчас!

— Ты с ума сошла? — Максим наклонился ко мне, его лицо было искажено гримасой ужаса и злости. — Арсений, не слушай её. Заводи и гони в сторону от трассы.

— Максим, о чём ты?! — Даша схватила его за рукав куртки. — Там наши родители! Они думают, что мы погибли! Мы должны пойти к ментам, рассказать про лагерь, про Давида, про то, что Вероника нас похитила!

— Нас никто не похищал! — огрызнулся Максим, стряхивая её руку. — Ты сама слышала диктора! «Дети могли самостоятельно покинуть территорию». Для них мы — сбежавшие, которые угнали чужую машину! А Вероничка — несчастная жертва, которая, возможно, попала в руки маньяка вместе с нами!

— Но там оборотень! — почти закричала она. — Там документы!

— Ага, расскажи это участковому, — Максим горько усмехнулся. — «Здравствуйте, товарищ майор, мы сбежали из лагеря, потому что наш одноклассник превращается в волка по ночам, а директор держит его в лагере». Тебя завтра же упакуют в мягкую рубашку и отвезут в психушку. А нас — в детдом до выяснения обстоятельств. Мы несовершеннолетние, Даша. У нас нет прав, нет документов на машину, и мы в розыске. Нас посадят в обезьянник ещё до обеда.

Я сидел, вцепившись в руль, и слушал их спор. Сердце колотилось где-то в горле. Максим был прав. Я знал это. Я чувствовал это каждой клеткой тела. Но и Даша была права. Мы

не могли просто ехать домой. Если мы приедем домой, к нам сразу придут полицейские. И что тогда? Давид сказал, что наши родители — соучастники. Что они брали деньги. Если мы расскажем что-то, наши родители могут сесть в тюрьму с нами заодно. С другой стороны это всё полнейший бред.

— Ну хватит, — тихо сказал я.

Они оба замолчали и посмотрели на меня. В салоне было темно, только тусклый свет приборной панели освещал наши лица.

— Максим прав, — продолжил я, глядя прямо перед собой, в темноту лобового стекла. — В полицию мы не поедem. По крайней мере, пока. Если мы сейчас явимся с повинной, мы теряем контроль. Нас изолируют, начнут допрашивать. Я в этом уверен.

— Тогда что?! — Даша вытерла глаза рукавом. — Мы будем просто бегать? Как преступники?

— Нет, — я повернулся к ней. — Мы поедem в город. В нормальный, большой или не очень город. Найдём интернет-кафе с компами.

— И что мы будем там делать? Играть в танки? — фыркнул Максим, хотя в его голосе уже не было злости, только усталое любопытство.

— Мы напишем письма, — сказал я. — На личные почты нашим родителям. Не на рабочие, не на домашние, а туда, куда проверяет только они. И мы приложим к письму фотографии документов из папки. Всех. Графики, отчёты, письма директора. Пусть они сами посмотрят. Пусть они сами решат, что с этим делать. Если они чисты — они сами вызовут полицию и отдадут им папку. А если Давид был прав... — я сглотнул. — Если они и брали деньги, они поймут, что мы знаем. И они нас не сдадут.

В салоне повисла тишина. Только где-то вдалеке, на трассе, прогудел грузовик.

— Это... это безумие, — тихо прошептала Даша. — Шантажировать собственных родителей. А документы? Разве мы их не оставили в лагере?

— Это не шантаж, — возразил Максим, и я услышал, как он устраивается поудобнее на заднем сиденье. — Это страховка. Арсений прав. Если мы отдадим документы копам, мы никогда не узнаем правду. А так... у нас будет козырь. Да, и по-моему их мы забрали с рюкзаком.

— Значит, решено, — я повернул ключ в замке зажигания. Двигатель заурчал, и фары выхватили из темноты покосившуюся вывеску кафе. — Едем в город.

Я включил поворотник и выехал с парковки. Колёса захрустели по гравию, а потом мягко легли на асфальт. Минивэн набрал скорость. В зеркале заднего вида кафе быстро уменьшалось, превращаясь в одинокую, мигающую точку в бескрайней чёрной степи.

Мы ехали молча около получаса. Напряжение немного спало, уступив место тяжёлой, ноющей тревоге. Я всматривался в дорогу, пытаюсь разглядеть указатели на города. Даша сидела, обхватив колени, и смотрела в окно. Максим дремал, но я знал, что он не спит — он просто экономил силы.

И тут я заметил их.

Сначала я подумал, что это просто фары какой-то машины, которая едет сзади и хочет нас обогнать. Два ярких, белых пятна в зеркале заднего вида. Но машина не приближалась. Она держала дистанцию. Метров триста. Может, четыреста.

— Ребят, — тихо сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У нас сзади хвост.

Даша тут же обернулась. Максим открыл глаза и приподнялся.

— Ну и что? — нахмурился Максим. — Трасса же. Все едут.

— Она едет уже минут десять, — сказал я. — Я сбавлял скорость — она сбавляла. Я ускорялся — она ускорялась. Она не обгоняет.

Даша прильнула к заднему стеклу. Туман и темнота мешали разглядеть детали, но силуэт машины был чётким. Это был не грузовик и не автобус. Это был тёмный, низкий седан или внедорожник. Фары горели ярко, но салон внутри был абсолютно тёмным. Тонировка в ноль.

— Может, это просто какой-то местный? — неуверенно произнесла Даша.

— В два часа ночи? В этой глуши? — Максим выпрямился. — Арсений, прибавь газу.

— Я и так еду восемьдесят, — ответил я, вдавливая педаль в пол. Спидометр пополз вверх. Девяносто. Сто. Минивэн задрожал, подвеска застонала на кочках.

Я посмотрел в зеркало. Машина сзади тоже ускорила. Расстояние между нами не изменилось. Она шла за нами, как тень. Плавно, уверенно, без единого рывка.

— Это не полиция, — тихо сказал Максим. — У них мигалки. Это не ДПС.

— Тогда кто? — голос Даши стал тонким, почти детским.

Я не ответил. Я смотрел на дорогу, на мелькающие столбы, на чёрное небо, и чувствовал, как холод медленно, неумолимо ползёт по спине, забираясь под куртку, под кепку, прямо в сердце.

Мы вырвались из леса. Мы думали, что оставили охоту позади. Но охота просто сменила локацию. И теперь мы бежали по асфальту, а за нами, в темноте, шёл тот, кто знал, куда мы едем. Это было страшно. Мы не знали, что делать.

Глава 17. Тень на хвосте

— Арсений, скорее! — рявкнул Максим, вцепившись обеими руками в спинку моего кресла так сильно, что костяшки его пальцев побелели даже в полумраке салона. — Он приближается!

Я вдавил педаль в пол. Старый, уставший двигатель минивэна взвыл, переходя на противный, натужный визг, от которого заложило уши. Спидометр дрогнул и пополз за сотню. Кузов машины начал вибрировать так, что зубы застучали друг о друга, а руль стал лёгким, ватным, и мне приходилось вцепляться в него мертвой хваткой, чтобы удержать машину на прямой.

— Он всё равно близко! — Даша обернулась, её лицо в свете приборной панели было белым как мел, а глаза широко распахнуты от ужаса. — Он сейчас врежется! Он таранит нас!

— Не врежется, — процедил Максим, глядя в зеркало заднего вида, прищурившись от яркого света чужих фар. — Он просто прижимает. Психологически давит. Арсений, сбрось скорость!

— Что?! — я повернул голову, не веря своим ушам, и чуть не вылетел на встречу. — Ты с ума сошёл? Он нас догонит!

— Сбрось! — крикнул Максим, и в его голосе прорезались нотки паники, которую он обычно тщательно прятал. — Он ждёт, что мы будем гнать! Он едет на спортивном джипе, у него резина нормальная, мощная, а у нас лысая и стёртая! На скорости сто двадцать мы на этой раздолбанной подвеске влетим во что-то и перевернёмся, а он просто проедет мимо и посмотрит, как мы горим. Сбрось до шестидесяти!

Я не стал спорить. Инстинкт самосохранения оказался сильнее логики. Я отпустил газ и резко, но аккуратно нажал на тормоз. Минивэн клюнул носом, ремни безопасности больно впились в плечи и грудь, Даша вскрикнула и ударилась коленями о переднее сиденье. Скорость начала падать.

В зеркале заднего вида я увидел, как чёрный внедорожник тоже сбавил ход. Он не стал нас обгонять. Он не включил мигалки, не посигналил. Он просто замедлился, сохраняя ту же идеальную, пугающую дистанцию, и поехал следом, как верный, терпеливый пёс, который знает, что добыча никуда не денется.

— Он издевается, — прошептал я. Руки дрожали так сильно, что я боялся, как бы их не свело судорогой. Пот заливал глаза, я моргал, пытаюсь сфокусироваться на разметке.

— Он играет с нами, — Максим сплюнул в приоткрытое окно, его лицо исказилось от бессильной злобы. — Он знает, что мы никуда не денемся. Арсений, смотри, вон там!

Он ткнул пальцем вправо. В свете фар, на обочине, виднелся узкий, едва заметный поворот. Асфальт обрывался, уходя в густую, чёрную чашу. Старая лесная дорога, поросшая высокой травой и кустарником.

— Сворачивай! — скомандовал Максим. — В лес! Там его джип не пройдёт, у него низкая посадка, он сядет на брюхо! А у нас минивэн выше, мы на колёсах!

— В лес?! — Даша закричала так, что у меня заложило уши, и она вцепилась в мои волосы. — Мы только оттуда выбрались! Вы хотите обратно?!

— У нас нет выбора! — я выкрутил руль вправо.

Минивэн вильнул, колёса с противным хрустом соскользнули с асфальта, и нас подбросило так, что голова ударилась о потолок. Мы влетели в лес.

Свет фар выхватил из мрака стволы деревьев. Они стояли частоколом, чёрные, угрожающие, словно решётки гигантской тюрьмы, в которую мы добровольно вернулись. Под колёсами захрустел гравий, потом пошла мягкая, коварная грязь. Машина начала скользить, заднюю ось

занесло, но я выкрутил руль в сторону заноса, чувствуя, как машину разворачивает, и чудом выровнял ход.

— Фары гаси! — заорал Максим, наклоняясь ко мне через спинку кресла. — Гаси, он нас по свету найдёт! Выключай всё!

Я нащупал кнопку и щёлкнул. Лобовое стекло погрузилось в кромешную, абсолютную тьму. Только тусклый, болезненно-белый лунный свет, пробивающийся сквозь кроны сосен, позволял различать очертания дороги. Я ехал почти на ощупь, ориентируясь по просветам между деревьями и интуиции. Минивэн подпрыгивал на корнях и ямах, подвеска стонала и скрипела, металл жалобно визжал, но мы летели вперёд, в самую гущу мрака.

Сзади, метрах в ста, я увидел два ярких луча. Чёрный джип тоже свернул. Его фары били прямо нам в спину, выхватывая из темноты наши задние бампер, грязные колёса и разбитое стекло. Свет был настолько ярким, что в салоне стало светло, как днём.

— Он не отстанет! — Даша заплакала, закрыв лицо руками, её плечи сотрясались от рыданий. — Он просто не отстанет! Он убьёт нас!

— Арсений, ещё круче! — Максим указал на узкую колею, уходящую влево, в самую гущу непролазного кустарника и молодых елей. — Туда! В кусты! Гаси движок! Прячемся!

Я свернул. Ветки хлестнули по стёклам, оставляя белые, похожие на шрамы царапины. Машина встала, уткнувшись носом в густой ельник. Я выключил зажигание. Тишина обрушилась на нас мгновенно, оглушая, давя на барабанные перепонки. Только двигатель остывал, потрескивая металлом, да где-то капала вода. И мы трое, затаив дыхание, слушали собственное сердцебиение.

— Тихо, — прошептал я, хотя и так было тихо. — Все замерли. Даже не дышите.

Мы сидели, не шевелясь. Снаружи, на основной лесной дороге, слышался шум мотора. Джип подъехал к тому месту, где мы свернули. Фары остановились. Лучи света начали метаться по деревьям, выхватывая стволы, кусты, камни. Один из лучей скользнул по нашему капоту, но мы сидели так глубоко в кустах, зарывшись в листву, что, казалось, нас не было видно. Мы стали частью леса.

Джип заглушил мотор. Двери открылись. Захлопнулись.

Шаги. Тяжёлые, но осторожные. Хруст веток под ногами. Кто-то шёл к нам. Медленно. Методично.

Я сжал руль так, что ногти впились в кожу, оставляя на ней полумесяцы. Максим медленно, миллиметр за миллиметром, потянулся к бардачку, где лежал тяжёлый металлический фонарик. Даша зажмурилась.

Шаги приближались. Я уже слышал чьё-то дыхание. Оно было частым, рваным.

И вдруг, прямо над нашими головами, в кроне старой, вековой сосны, раздался звук.

Медленный, протяжный, леденящий душу крик филина. Он эхом разнёсся по лесу, отражаясь от стволов деревьев, заполняя собой всё пространство, заставляя кровь стыть в жилах.

Я замер. Почему? Почему именно сейчас? Почему, когда всё успокаивается, когда мы находим минутку передышки, начинает ухать этот проклятый филин? Будто природа напоминает нам, что мы не одни. Что за нами кто-то наблюдает. Что мы — всего лишь гости в этом лесу, и хозяева этого леса не всегда к нам дружелюбны. Этот звук был как приговор.

Шаги за окном замерли.

— Арсений? — раздался голос. Тихий, дрожащий, срывающийся, но до боли знакомый. — Арсений, Максим... выходите. Я знаю, что вы здесь. Я вас вижу.

Я медленно выдохнул. Воздух вышел из лёгких с тихим свистом. Максим опустил фонарик. Даша открыла глаза.

— Это Вероника, — прошептал я. Голос не слушался.

Мы переглянулись. Выходить не хотелось, инстинкт кричал сидеть и не высовываться, но сидеть в кустах вечно мы не могли. Я толкнул дверь. Петли скрипнули. Мы вывалились из машины, поднимая руки, чувствуя себя глупо и беспомощно.

Перед нами, в луче лунного света, стояла Вероника.

Она выглядела ужасно. Её волосы были спутаны, в них застряли веточки и листья. На щеке виднелась грязная, запёкшаяся царапина, а тапки с мишками были разорваны и покрыты грязью. Она стояла одна. Никакого Давида. Никакого оборотня. Только она, маленькая, хрупкая, с фонариком в дрожащей руке, направленного в землю.

— Как ты нас нашла? — спросил Максим, его голос был хриплым, он не опускал фонарик. — Как ты ехала за нами? Ты одна?

Вероника горько усмехнулась. Она опустила фонарик, и луч света упал на землю, выхватывая из темноты опавшую хвою и грязь.

— Вы такие идиоты, — тихо сказала она, и в её голосе не было злобы, только бесконечная, разъедающая усталость. — Вы правда думали, что Давид просто так отпустил вас? Вы думали, он поверил в вашу сделку? Он отпустил вас, потому что ему было интересно посмотреть, как вы будете бежать. Как вы будете надеяться.

Она шагнула ближе. Я инстинктивно попятился, упираясь спиной в горячий капот минивэна.

— Когда он развязывал вас в столовой, — продолжила она, и в её голосе зазвенели слёзы, — он положил вам в карманы GPS-маячки. Маленькие, как пуговица, на липучке. Я видела. Он всё контролировал. Он просто хотел поиграть.

Я лихорадочно полез в карман своей пижамы. Пальцы нащупали что-то маленькое, твёрдое, с липкой основой. Я вытащил это и швырнул в темноту, в самую гущу кустов. Маленькая вещица тихо шлёпнулась о листву.

— Ты зачем приехала? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Чтобы добить? Чтобы Давид нас догнал и добил?

— Давид не знает, что я здесь, — она обхватила себя руками, словно ей было очень холодно, хотя ночь была тёплой. — Он спит. Он... он изменился после того, как вы уехали. Он стал злым. Он хочет найти вас. Он хочет... — она не договорила, сглотнув, и её лицо исказилось от боли. — Я угнала чью-то машину. Я поехала за вами.

— Зачем? — Даша шагнула вперёд, и в её голосе было столько боли и обиды, что мне стало не по себе. — Вероника, зачем?! Ты же предала нас! Ты держала нас в плену! Ты угрожала пистолетом!

— Я спасала Давида! — крикнула Вероника, и её голос сорвался, эхом разнёсся по лесу. — Вы не понимаете! Вы не знаете, что будет, если его найдут! Его не просто посадят. Его... его вскроют. Изучат. Как животное в лаборатории. Я читала документы! Я видела, что они планировали делать с Объектом 4!

Она замолчала, тяжело дыша, её грудь ходила ходуном. В лесу снова повисла тишина. Только ветер шелестел в верхушках сосен, да где-то вдалеке снова ухнул филин, словно подтверждая её слова.

— Я приехала, чтобы предупредить вас, — тихо сказала она, опуская голову. — Вы не можете ехать в город. Вы не можете идти в местную милицию.

— Почему? — нахмурился Максим, наконец опуская фонарик. — Мы же видели новости. Нас ищут.

— Потому что за вами следят не только местные менты, — Вероника подняла на нас глаза, и в них я увидел настоящий, неподдельный ужас, от которого по коже побежали мурашки. — Те новости в кафе... это приманка. Это сделали они. Те люди, которым платили ваши родители. Те, кто создал лагерь. Они хотят, чтобы вы приехали в город. Чтобы вы пошли в милицию. Чтобы вы отдали им папку.

— Почему? — я сглотнул, чувствуя, как пересыхает в горле. — Папка же против них. Там всё написано.

— Нет, — Вероника покачала головой, и её волосы рассыпались по плечам. — В папке только половина правды. Бумажные отчёты, которые можно сжечь. Вторая половина — в компьютере отца Давида. Если вы отдадите папку местной милиции, они просто уничтожат её, а вас объявят сумасшедшими сбежавшими детьми, которые всё выдумали из-за стресса. А ваших родителей... их просто убьют. Как неудобных свидетелей. Устроят несчастный случай.

Мы молчали. Слова Вероники падали на нас тяжёлыми, холодными камнями, разрушая последние иллюзии о том, что мы просто можем вернуться домой и всё забыть.

— Что ты предлагаешь? — тихо спросил я.

— Не езжайте в город, — она шагнула ко мне и протянула руку. В её ладони лежала маленькая, чёрная флешка. — Возьмите это. Здесь всё. Все счета, все имена, все связи отца Давида с теми людьми, видео с камер наблюдения. Это настоящий козырь. Но отдавайте его не милиции. Отдавайте напрямую федеральным каналам. Прямо в эфир. Только так вас услышат. Только так вас не смогут заткнуть.

Я взял флешку. Она была холодной, тяжёлой, как пуля. Я сжал её в кулаке.

— А ты? — спросила Даша, и её голос смягчился. — Ты поедешь с нами? Мы спрячем тебя.

Вероника посмотрела на нас. В её взгляде была такая бесконечная, неподъёмная усталость и обречённость. Но она покачала головой.

— Я не могу, — прошептала она. — Он проснётся. Он поймёт, что меня нет. И он найдёт меня. Он всегда меня находит. Если я не вернусь, он сорвётся и пойдёт по вашему следу. Я должна быть там. Я должна его успокоить. Я должна выиграть вам время.

— Может быть мы не увидимся, — она слабо улыбнулась, и эта улыбка была самой страшной вещью, которую я видел за последние дни. — Но я люблю его. И я не могу позволить ему убить вас. Простите меня. За всё.

Она отступила назад, в тень деревьев.

— Уезжайте, — сказала она. — Езжайте по старой лесной дороге, она выведет к заброшенной железнодорожной ветке. Там есть старое депо. Переночуйте там. А утром езжайте в областной центр. Не в наш. В соседний. Там есть редакция независимой газеты. Найдите их.

— Вероника... — начал я, но она уже развернулась.

— Прощайте, — бросила она через плечо.

Она пошла к своей машине. Шаги её были лёгкими, почти неслышными. Она села за руль, двигатель тихо заурчал. Фары включились, выхватив из темноты стволы сосен. Машина развернулась и медленно поехала обратно, к той дороге, откуда мы пришли.

Мы стояли и смотрели ей вслед, пока красные огни её не растворились в чёрной мгле леса, оставив нас в полной, звенящей темноте.

— Ну вот, — тихо сказал Максим, опуская руки. — А мы думали, что кошмар закончился. Оказывается, мы даже не начали.

— Она соврала, — я разжал кулак и посмотрел на флешку. В лунном свете она слабо блестела. — Поехали, надо узнать, что на флешке.

— Куда? — спросила Даша.

— Туда, — сказал я, указывая вперёд на дорогу.

Молча мы сели в минивэн. Я повернул ключ. Двигатель зачихал, но завёлся. Я включил фары и медленно, осторожно выехал из кустов на лесную дорогу.

Перед нами лежал тёмный, извилистый путь. Сосны стояли по бокам, молчаливые и высокие, словно стражи, провожающие нас в неизвестность. Где-то вдалеке, в самой глубине чащи, снова ухнул филин.

Я не стал его бояться. Я просто нажал на газ, выехал из кустов и мы поехали дальше, в темноту, навстречу тому, что ждало нас впереди.

Глава 18. Ловушка в депо

Дорога к заброшенному железнодорожному депо напоминала путешествие в самое чрево земли. Старая лесная колея, о которой говорила Вероника, давно перестала быть дорогой — теперь это была лишь рваная рана в теле леса. Ржавые рельсы, торчавшие из-под мха и гнилой листвы, как скелетированные ребра доисторического чудовища, беспощадно били по днищу минивэна. Подвеска машины стонала, издавая жалобные, вибрирующие звуки, а я вцепился в руль так, что суставы пальцев побелели, а ладони покрылись холодным, липким потом.

— Арсений, осторожнее, — тихо прошептала Даша с заднего сиденья. Её голос дрожал, сливаясь с гулом двигателя. — Мы и так ползем. Если застрянем, мы останемся здесь навсегда.

— Если я прибавлю, мы просто вылетим в лес, — огрызнулся я, не сводя глаз с узкого конуса света фар. Лучи выхватывали из крошечной тьмы лишь искореженные шпалы и стволы вековых сосен, которые нависали над нами, словно черные пальцы гигантских великанов, пытающихся схватить и утащить в свою чашу.

Максим молчал. Он сидел, вжавшись в спинку переднего кресла, и не отрываясь смотрел в боковое окно. В его руке был зажат тяжелый металлический фонарик — единственное оружие, которое у нас оставалось. Но лес был мертв. Ни ветра, ни шорохов, ни криков ночных птиц. Только тошнотворный скрежет металла о камень и наше собственное, сбивчивое дыхание.

Мы ехали еще почти час, пока впереди, сквозь пелену густого, молочного тумана, не вырисовались очертания цели. Вероника не обманула. Заброшенное депо. Когда-то это было величественное сооружение из красного кирпича, служившее домом для паровозов, но теперь оно напоминало лишь гнилой, изъеденный временем череп. Крыша в центре провалилась, образуя зияющую черную дыру, в которой тускло поблескивали холодные, равнодушные звезды. Кирпичные стены местами обвалились, обнажая ржавую арматуру, похожую на вены.

Я загнал минивэн внутрь, через широкие, покосившиеся ворота, которые с оглушительным, эхом разносящимся скрипом пропустили нас внутрь. Здесь, под высокими сводами, пахло сыростью, вековой пылью, ржавчиной и чем-то сладковатым, похожим на гниль. Но главное — здесь было сухо, и мы были скрыты от глаз.

— Вылезать не будем, — тихо скомандовал я, глуша двигатель. Тишина обрушилась на нас мгновенно, тяжелая и давящая. — Спим в машине. Блокируем двери.

Усталость навалилась на нас свинцовой плитой. Глаза слипались, мышцы горели огнем, а в голове стоял непрерывный, назойливый звон. Мы кое-как разложили задние сиденья, соорудив подобие лежанки из старых тряпок, курток и найденных в багажнике одеял. Даша свернулась калачиком посередине, Максим лег у самой двери, прижав к груди фонарик, а я — у противоположной, положив под голову рюкзак. Флешка и папка с документами были спрятаны глубоко внутри.

И тут я проснулся не от звука. Я проснулся от запаха.

Резкий, тошнотворный, бьющий в самое нутро запах мокрой шерсти, гнилой земли и свежей, медной крови ударил в нос, заставив меня поперхнуться. Я резко открыл глаза. В депо было темно, лишь бледный, болезненно-белый лунный свет пробивался сквозь дыру в крыше, освещая пыльный пол.

Я увидел оборотня.

В проеме ворот, загораживая собой единственный выход, стоял Давид. Нет, не Давид. Оборотень. Он был в своей звериной форме с самого начала этой сцены, и от этого зрелища мой разум отказывался работать, погружаясь в липкий, парализующий ужас. Он был огромным — его горбатая, покрытая слипшейся шерстью спина почти касалась верхней рамы ворот. Длинные, неестественно тонкие руки с черными, загнутыми когтями висели вдоль тела, а голова с

вытянутой, волчьей мордой была опущена. Желтые глаза с вертикальными зрачками светились в полумраке, как два раскаленных угля, приковывая меня к месту.

Я попытался закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный, жалкий хрип. Я попытался пошевелиться, но тело было парализовано первобытным инстинктом. Мы все трое лежали, не дыша, в состоянии абсолютного, всепоглощающего шока.

— Тихо, тихо, не пугайтесь, — раздался мягкий, почти ласковый голос, от которого по коже побежали мурашки.

Из тени за спиной монстра, ступая бесшумно, как кошка, вышла Вероника. Она выглядела ужасно. Ее лицо было бледным, как полотно, волосы спутаны, а в руке она держала длинную, толстую ветку, которой лениво поглаживала мохнатую лапу существа. Оборотень при этом издавал низкое, утробное мурлыканье, от которого завибрировали стекла минивэна.

— Проснулись, — констатировала она, и в ее голосе не было ни капли сочувствия. Только холодное, расчетливое удовлетворение. — А мы уж думали, вы так и будете спать до самого утра.

Она подняла руку, и я заметил движение наверху. На ржавой железной балке, прямо над нашими головами, сидел филин. Тот самый. Он медленно моргнул большими желтыми глазами, расправил крылья с размахом больше метра и бесшумно спланировал вниз, приземлившись прямо на плечо Вероники. Птица вцепилась когтями в ее куртку и тихо ухнула.

— Знакомьтесь, — Вероника погладила птицу по голове, и та покорно закрыла глаза. — Это Арчи. Мой питомец. Он был со мной с самого начала. Когда вы ездили, он летел над вами. Когда вы прятались в лесу и в лагере, он сидел и смотрел за вами. Он очень умный. И он привел нас прямо к вам.

— Зачем? — выдавил я, наконец обретая дар речи. Голос звучал чужим, скрипучим, как у старика. — Зачем вы это делаете? Мы же уехали! Мы никому ничего не сказали!

Вероника вздохнула, словно учительница, объясняющая материал нерадивому ученику. Она сделала еще один шаг к машине. Оборотень двинулся следом, его когти скребли по бетонному полу, оставляя глубокие белые борозды.

— Арсений, Арсений... Вы правда думали, что флешка и мои слезные речи вас спасут? — она покачала головой, и филин на ее плече наклонил голову набок. — Мы совершили ошибку, когда отпустили вас. Огромную ошибку. Давид отпустил вас, чтобы посмотреть, как вы будете бежать. Как вы будете надеяться. А я поехала за вами, чтобы убедиться, что вы не свернете не туда.

Она остановилась в метре от капота. Оборотень навис над ней, его горячее дыхание клубилось в холодном воздухе.

— Мы видели, как вы паниковали в кафе, — продолжила Вероника, и в ее голосе зазвенели стальные нотки. — Как вы испугались новостей. Как вы прятались в кустах, как трусливые щенки. Это было... поучительно. Мы хотели дать вам последний урок. Урок доверия. Нельзя доверять тем, кто любит монстров. Потому что монстры всегда побеждают. А вы... вы просто лишние свидетели, которые слишком много знают. И мы здесь, чтобы исправить свою ошибку.

Оборотень приоткрыл пасть. Я увидел ряды острых, желтых зубов, с которых стекала густая, тягучая слюна, капавшая на бетон с тихим шипением. Он сделал шаг к машине. Потом еще один. Жар, исходящий от его тела, пробивался сквозь стекло, пахло нестерпимой, дикой смертью. Я не понимал, что происходит. Я уже так пропитался этим всем, мне уже было настолько тошно и неприятно. Я уже не видел никого и ничего. Я устал морально и физически...

— Прощайте, — тихо сказала Вероника, отступая на шаг назад. — Арчи, придержи их, пока он будет есть.

Оборотень зарычал — звук был таким громким, что у меня заложило уши — и рванулся вперед. Его огромная лапа ударилась о дверь минивэна. Металл вмялся внутрь с оглушительным грохотом. Вновь стекло треснуло, покрываясь паутиной мелких трещин, и я зажмурился,

вжимаясь в спинку сиденья, закрывая лицо руками, и приготовился к боли. К последнему, что я почувствую в этой жизни.

И вдруг ночь разорвалась.

Пронзительный, режущий уши вой полицейской сирены разнесся по депо, эхом отражаясь от кирпичных стен и бью по барабанным перепонкам. Следом за ним вспыхнул ослепительный свет. Синие и красные лучи полицейских мигалок ворвались в проем ворот, заливая все вокруг пульсирующим, тревожным светом, превращая бетонные стены в кроваво-синее месиво.

Мы были поражены. Мы замерли, не в силах поверить в происходящее.

— ПОЛИЦИЯ! ВЫХОДИТЕ! РУКИ НА ВИДУ! — прогремел голос из громкоговорителя, перекрывая рык оборотня.

Оборотень застыл. Он медленно повернул свою огромную голову в сторону ворот, где уже слышался топот тяжелых сапог, треск раций и команды. В свете мигалок его желтые глаза выглядели безумными, испуганными. Зверь инстинктивно попятился.

Вероника взвизгнула. Это был не человеческий крик, а визг загнанного зверя, полный отчаяния и ярости.

— Бежим! — закричала она, срывая голос.

Оборотень не стал драться. Страх перед светом, шумом и людьми взял верх над жаждой крови. Он резко развернулся и, согнувшись пополам, рванул в темноту депо, к пролому в дальней стене, сметая на своем пути ржавые бочки и куски арматуры. Вероника бросилась за ним, спотыкаясь, теряя тапки, а ее филин взмыл в воздух с резким, пронзительным криком и растворился в дыре в крыше, уносясь в ночное небо. Они бросили нас, спасая собственные шкуры.

Дверь минивэна с грохотом распахнулась. Яркий, слепящий луч тактического фонаря ударил мне прямо в лицо.

— Лежать! Не двигаться! Руки на виду! — кричал полицейский в тяжелом бронежилете, направляя на меня пистолет.

— Мы... мы дети! — заорал Максим, закрываясь руками от света и сжимаясь в комок. — Мы не двигаемся! Мы просто дети! Мы из лагеря!

Луч фонаря метнулся на Максима, потом на Дашу, потом на меня. Полицейский замер. Он медленно опустил пистолет и обернулся к напарнику, который только что вбежал в депо, держа на изготовке автомат.

— Майор, это они! — крикнул он, снимая шлем. — Те самые! Из ориентировки! Живые! Одни из тех, кто пропал!

В депо вошел мужчина в форме капитана. Он был невысоким, коренастым, с уставшим лицом, покрытым глубокими морщинами, и седыми висками. Он посмотрел на нас, потом на огромную вмятину на двери минивэна, потом на глубокие царапины от когтей на бетоне, и его брови поползли вверх. Он был в настоящем, неподдельном шоке.

— Так, — медленно произнес он, убирая пистолет в кобуру и делая шаг к машине. — Так, так, так. Вы трое — из лагеря?

— Да, — прошептал я, все еще не веря, что я жив, и чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. — Да, мы.

— А где остальные? — капитан пристально посмотрел на меня, его взгляд был тяжелым, изучающим.

— Одна была здесь... она была здесь, — я сглотнул, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Только что. С ним. С оборотнем. Они убежали туда, в пролом! Они хотели нас убить!

Капитан и его напарник переглянулись. Напарник хмыкнул и покачал головой, но капитан подошел ближе и провел рукой по вмятине на металле и глубоким бороздам на бетоне. Его лицо стало серьезным. Он был в шоке от того, что мог оставить такие следы.

— Расскажите всё по порядку, — тихо сказал он. — От начала и до конца. Говорите правду.

И мы рассказали. Всё. Про лагерь, про Давида, про оборотня, про Веронику, про директора и вожатых, про то, как они гнались за нами и устроили засаду. Мы говорили сбивчиво, перебивая друг друга, но капитан слушал внимательно, не перебивая. Когда мы закончили, в депо повисла тишина.

— Вы нам не верите, — тихо сказал я, глядя в пол.

— Сынок, — капитан вздохнул и потер переносицу. — Я видел вмятину на двери толщиной в пять миллиметров. Я видел царапины на бетоне, которые мог оставить только промышленный пресс, а не человек. И я видел, как двое беглецов только что скрылись в темноте. Я не знаю, что это за твари, но я верю, что вам было страшно.

Он обернулся к напарнику.

— Вызовите подкрепление и кинологов. Пусть прочешут лес. А мы забираем детей.

Капитан повернулся ко мне.

— Знаете как вам повезло? — капитан усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки, только усталая ирония. — В этом лесу, на всех старых лесовозных дорогах и вокруг заброшенных объектов, висят камеры экологического мониторинга. Лесничество поставило их месяц назад, чтобы браконьеров и черных лесорубов ловить. Они тут есть на всякий случай. Мы дежури́м в районе, проверяем сигналы. Мы увидели ваш минивэн, увидели, как вы свернули в лес, и увидели, как вы заехали в депо. Мы просто приехали проверить, кто тут по ночам шастает по заброшкам. А тут — вы.

Я замер. Камеры. Обычные, скучные камеры наблюдения. Никакой мистики, никакой слежки от отца Давида, никаких всевидящих глаз. Просто камеры.

— А девушку какую-то и... того, второго, мы тоже видели на некоторых камерах, — продолжил капитан. — Они шли по лесу. Мы их сейчас ищем, группы уже выдвинулись, собаки работают. Но это уже наша работа. Ваша — отдыхать.

Нас усадили на заднее сиденье патрульного УАЗа. Внутри пахло кофе, табаком и дешевым освежителем воздуха, но мне это казалось самым прекрасным запахом на свете. Обогреватель дул прямо в лицо, отогревая заочиненные пальцы. Капитан сел за руль, напарник — рядом. Мы тронулись, и депо осталось позади, превратившись в черный силуэт в зеркале заднего вида.

— Мы едем в областной центр, — сказал капитан. — Срочно едем в город.

Я посмотрел на Максима и Дашу. Они сидели, обнявшись, и смотрели в окно. На их лицах не было страха. Только бесконечная, всепоглощающая усталость и слабая, робкая надежда, которая медленно, но верно разгоралась в глазах.

— Капитан, — тихо сказал я, чувствуя, как мои веки становятся свинцовыми. — А можно просто поспать?

— Спите, — ответил он, и в его голосе впервые за все время прозвучала настоящая, человеческая теплота. — Спите. Мы вас довезем.

Я закрыл глаза. И впервые за все это время я уснул не от истощения, не от страха, а от чувства абсолютной, непоколебимой безопасности, зная, что монстры остались позади, в темноте, где им и было место.

Глава 19. Конец кошмара

Я открыл глаза и первым делом увидел белый потолок. Ровный, чистый, без трещин и паутины. Я моргнул, пытаясь сообразить, где нахожусь. В нос ударил резкий запах хлорки и чего-то медицинского. Я медленно повернул голову. Справа, на соседней кровати, спал Максим. Слева, в кресле, прикорнула Даша, укрывшись тонким больничным одеялом.

Мы были в больнице.

Я попытался сесть, но тело отозвалось тяжелой, ноющей болью. Синяки, ссадины, последствия нескольких дней жизни в машине и бегства по лесу давали о себе знать. Но это была хорошая боль. Боль живого человека.

— О, ты очнулся, — раздался голос от двери.

Я повернулся. В палату вошел тот самый капитан из депо. Он выглядел еще более уставшим, чем в лесу, но в его глазах читалось облегчение. В руках он держал рюкзак.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, подходя к кровати.

— Нормально, — мой голос был хриплым. — Где мы?

— Областная больница. Вас привезли сюда прямо из депо, — он поставил рюкзак на тумбочку. — Родители уже в пути. Будут через пару часов.

Я выдохнул, и ком в горле, который стоял там последние сутки, наконец-то растаял. Родители. Они едут. Значит, Давид соврал. Они не брали денег, они не предавали нас. Они просто искали нас.

— Капитан, — я с трудом сел, опираясь на подушку. — А документы? Папка?

— На месте, — кивнул он. — Следователи уже изучают её. Арсений, я должен тебя предупредить. Мы проверили ту флешку, которую тебе дала Вероника.

Я напрягся.

— И что там?

— Ничего, — капитан пожал плечами. — Она абсолютно пустая. Даже файловая система не отформатирована. Просто кусок пластика. Видимо, это была её последняя шутка. Или она хотела, чтобы вы просто доверились ей и приехали в город, где вас уже ждали.

Я горько усмехнулся. Вероника. Даже в своем безумии она оставила нам последний, бесполезный подарок.

— Но это не важно, — капитан похлопал меня по плечу. — Бумажной папки, которую вы вытащили из кабинета директора, более чем достаточно. Там настоящие финансовые отчеты, письма, списки. Директор лагеря уже задержан. Лагерь «Солнышко» официально закрыт, опечатан и передан под охрану.

— А Давид? — тихо спросил я. — И Вероника?

Капитан помолчал, глядя в окно.

— Мы нашли их следы в лесу. Собаки взяли след, но потом он оборвался у реки. Возможно, они ушли далеко. Но это уже не ваша проблема, сынок. Они больше не выйдут на вас. Мы объявили их в розыск. Если они появятся где-то в цивилизации — их сразу возьмут. А если они остались в лесу... что ж, лес большой.

Я кивнул. Мне было всё равно. Главное, что они были где-то далеко, за сотни километров от меня.

Через час в палату влетели мои родители. Мама плакала, обнимая меня так сильно, что я боялся, как бы она не сломала мне ребра. Папа стоял рядом, и я впервые за всю жизнь видел, как у него трясутся руки и блестят глаза. Они задавали тысячу вопросов, но я отвечал односложно. Я просто смотрел на них и радовался тому, что они настоящие. Что они здесь.

Максим и Даша тоже воссоединились со своими семьями и безумно радовались. В палате было шумно, тесно и невероятно тепло. Впервые за долгое время я чувствовал себя не беглецом, не жертвой, а просто подростком, который наконец-то вернулся домой.

Выписка заняла еще два дня. За это время к нам приходили следователи, мы давали официальные показания. Мы рассказали всё. Про оборотня, про превращения, про Веронику. Следователи записывали всё с каменными лицами, иногда переглядываясь. Они не сказали нам прямо, что считают нас сумасшедшими, но мы читали это в их глазах.

Но им и не нужно было верить в оборотней. Им нужны были факты. А факты были налицо: незаконное удержание детей в лагере, финансовые махинации директора, нападение на нашу вторую знакомую вожатую (которую, кстати, нашли в лесу в бессознательном состоянии, она выжила), и, наконец, вмятина на двери нашего минивэна, разбитые стёкла и царапины на бетоне в депо и в лагере, которые не поддавались никакой логике. Директора арестовали за мошенничество и халатность, повлекшую тяжкие последствия. Этого было достаточно, чтобы закрыть дело и отпустить нас.

В день выписки стояло яркое, жаркое солнце. Небо было пронзительно-голубым, без единого облачка. Мы с Максимом и Дашей стояли у ворот больницы, ожидая такси. Мы выглядели ужасно: синяки, бледность, поношенная одежда. Но мы улыбались.

— Ну что, — Максим потянулся, хрустнув шеей. — Кто первый пойдет есть пиццу?

— Я, — сразу сказала Даша. — И мороженое. Большое ведро.

— А я просто посплю, — сказал я, закрывая глаза и подставляя лицо солнцу. — Недели две. Может, три.

Мы засмеялись. Этот смех был легким, чистым, без единой нотки страха.

Такси подъехало, и мы сели внутрь. Я смотрел в окно, на мелькающие улицы города, на людей, на машины, на обычные, скучные, прекрасные здания. Лес остался где-то далеко позади. Там, в своей темноте, со своими тайнами и монстрами.

А мы были здесь. В свете, в тепле, в безопасности.

Я закрыл глаза и впервые за очень долгое время просто наслаждался тишиной. Кошмар закончился. Мы выбрались. И всё было хорошо. Всё закончилось очень быстро и нормально. Я был счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.